

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2024 '2

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2024

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник),
Н. Л. Пушкарёва (заместитель главного редактора, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор),
А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь; доктор исторических наук, доцент)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (главный редактор, Ивановский государственный университет, г. Иваново; доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
И. Н. Смирнова (ответственный секретарь, Ивановский государственный университет, г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2024
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2024

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2024

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Associated Researcher (Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University "Higher School of Economics", Moscow),
Assoc. Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2024
© Ivanovo State University, 2024

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 3–14.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 3–14.

Научная статья

УДК 316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.1

ООН И СТАТУС ЖЕНЩИН В МИРЕ: РАСТУЩАЯ ТРЕВОГА

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. В научном сообществе и на других общественных площадках тематика статуса женщин и мужчин в мире не теряет своей актуальности на протяжении многих десятилетий. Проблемы рассматриваются в контексте достижения в обществе равенства между полами, под которым принято понимать самореализацию женщин и мужчин в различных сферах жизни без каких-либо ограничений в социуме и предрассудков. В настоящее время гуманитарный смысл отношений между мужчинами и женщинами приобретает особую актуальность в контексте напряженной политической турбулентности. Менее 1 % женщин и девочек живут в странах с прочными правами и возможностями и высоким уровнем гендерного равенства. Более того, впервые в истории глобальный индекс развития человеческого потенциала снижился два года подряд в связи с новым «комплексом неопределенности», символом которого является пандемия COVID-19. В статье изложены основные положения доклада ООН «Пути к равенству. Двойные индексы расширения прав и возможностей женщин и гендерного равенства», которые включают два экспериментальных индекса, разработанных совместно со структурой «ООН-женщины».

Ключевые слова: Программа развития Организации Объединенных Наций, Международная коалиция за равную оплату труда, глобальный индекс гендерного равенства, индекс расширения прав и возможностей женщин, Пекинская платформа действий, структура «ООН-женщины», Цели устойчивого развития, документ ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»

Для цитирования: Шведова Н. А. ООН и статус женщин в мире: растущая тревога // *Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 3–14.*

Original article

THE UN AND THE STATUS OF WOMEN IN THE WORLD: GROWING ANXIETY

Nadezhda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. In the scientific community, and not only on other platforms as well, the topic of the status of women and men in the world has not lost its relevance for many decades. The problems are considered in the context of achieving equality between women and men in society, which is generally understood as achieving a state of women and men who are free to develop their personal abilities and make choices without any restrictions stemming from various stereotypes, gender roles and prejudices. Currently, the humanitarian meaning of gender relations in society has become particularly acute and topical in the context of tense general political turbulence. Less than 1 % of women and girls live in a country with strong women's empowerment and high levels of gender equality. Moreover, for the first time in history, the global human development index declined for two years in a row, caused by a new "uncertainty complex" symbolized by the COVID-19 pandemic. In addition to significant differences in levels of access to vaccines, its progress was influenced by trust and social polarization. COVID-19 is just one example of the failure of collective action, including the global public good of pandemic preparedness and response, amid alarmingly low levels of trust in polarized societies. The UN and other international organizations do not remain indifferent to the current circumstances and are looking for ways to solve difficult problems.

Key words: United Nations Development Program, Equal Pay International Coalition, Global Gender Parity Index, Women's Empowerment Index, Beijing Platform for Action, UN Women, Sustainable Development Goals, UN document "Transforming Our World: Agenda Day in the Field of Sustainable Development for the Period up to 2030"

For citation: Shvedova, N. A. (2024) OON i status zhenshchin v mire: rastushchaia trevoga [The UN and the status of women in the world: growing anxiety], *Zhenshchina v Rossijskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—14.

О новых критериях ООН

18 июля 2023 г. Управление по подготовке докладов Организации Объединенных Наций о развитии человеческого потенциала (United Nations Human Development Report Office) опубликовало доклад [The Paths to Equal, 2023] «Пути к равенству. Двойные индексы расширения прав и возможностей женщин и гендерного равенства»¹, который представляет собой отчет и два экспериментальных индекса, разработанных совместно структурой ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин «ООН-женщины» и Программой развития ООН (ПРООН).

¹ Принципы расширения прав и возможностей женщин. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2016/UN%20Women%20WEE%20principles%20Ru.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

Что побудило создать этот новый документ? Ответ содержится в Преамбуле отчета, где сказано о «каскаде глобальных кризисов, включая COVID-19», которые обнажили и обострили существующее гендерное неравенство. По мнению авторов, мир находится на «критическом перепутье», потому что неблагоприятное положение женщин осложняют глобальные кризисы, продолжающиеся и новые насильственные конфликты, усиливающаяся поляризация общества, изменение климата, а также дрящущийся кризис стоимости жизни, вызванный последствиями пандемии COVID-19. В документе отмечается, что действующие инструменты, которые использовались ранее для измерения гендерного равенства, просто не в состоянии охватить многочисленные взаимодействующие лишения, с которыми женщины и девочки сталкиваются одновременно². Требуются новые сводные критерии (индексы), чтобы ликвидировать пробел и обеспечить значительный скачок в направлении расширения прав и возможностей женщин и гендерного равенства.

Поскольку прогресс в достижении гендерного равенства столкнулся с непредвиденными обстоятельствами, затормозившими, а порой отбросившими назад поступательный ход развития, структура «ООН-женщины» и ПРООН объединили усилия с целью активизации исследований и информационно-пропагандистской работы по продвижению идей гендерного равенства и практики приращения прав и возможностей всех женщин и девочек.

Кратко о достигнутом

В настоящее время в мировом сообществе постепенно происходит осмысление объективной необходимости гендерного равенства, которое с середины XX в. становится осознанной проблемой в современном понимании мира, поскольку гендерное равенство, являясь условием развития, одновременно представляет собой и его цель. Для такого понимания понадобились десятилетия борьбы демократического женского движения, инкорпорированного в общую ткань процесса демократизации общества. Свою роль сыграла политическая воля определенных правящих кругов, которые под натиском электоральной необходимости пришли к реальной деятельности по достижению в обществе гендерного равенства. Поддержкой заявленных идей стало согласованное одобрение международных договоренностей, среди которых Декларация тысячелетия от 2000 г. В этом документе определены Цели развития тысячелетия (Millennium Development Goals) — дорожная карта до 2015 г. На его смену пришел документ ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Его поддержали в 2015 г. 193 государства — члена ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. зафиксировала данный документ, в рамках которого Цель № 5 устанавливает достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек [Sustainable Development Goals...].

Почти за четверть XXI в. произошли заметные позитивные сдвиги в статусе женщин в мире, что получало отражение во многих международных хрониках, событиях и документах. Это создание специального подразделения в системе

² Там же.

ООН — структуры «ООН-женщины», которая полностью сосредоточена на деятельности по содействию гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин, вплоть до учета гендерной проблематики во всех инициативах ООН в области мира и безопасности.

Ф. Мламбо-Нгкука, которая занимала пост заместителя Генерального секретаря ООН, будучи главой структуры «ООН-женщины» (2020 г.), обратила внимание на такую главную переменную, как иное отношение мужчин к проблемам неоплачиваемой работы, связанной с заботой о детях и отпуском по уходу за родителями. Она заметила: «...теперь ясно, что они [мужчины] видят себя феминистами и союзниками женщин. Многие правительства и работодатели — но их еще недостаточно — предприняли правильные шаги в отношении политики отпусков по уходу за детьми... и создания детских учреждений» [Opening Remarks... , 2020]. Получил развитие процесс признания вне закона дискриминации в оплате труда, что нашло отражение в создании Международной коалиции за равную оплату труда (Equal Pay International Coalition). Бразильская футбольная конфедерация и Футбольная ассоциация Англии объявили о равной оплате труда членов своих мужских и женских национальных команд.

Не менее важным достижением стала разработка понятийного аппарата для обозначения таких явлений, как «позитивные действия» (affirmative action) и «права меньшинств» (minority rights), параллельно в обществах создавались женские институты. Гражданское общество и женское движение являлись ключевыми субъектами в Пекине в 1995 г. и при создании подразделения «ООН-женщины», хотя не были обеспечены ресурсами должным образом. Они остаются основными партнерами в работе, которую реализовывает структура «ООН-женщины» в настоящее время.

К концу XX в. доля женщин в парламентах мира в среднем выросла до 25 %, а на руководящих постах — до 23 %. При этом среди руководителей компаний из списка «Fortune Global 500» они составляли лишь 7,4 % [Шведова, 2021: 94]. Справедливо отмечался слишком медленный характер прогресса. Неудивительно, что в этот период прозвучал определенный и четкий призыв: с 2020 по 2025 г. ликвидировать разрыв в неравенстве для реализации Повестки дня до 2030 г.

Предприняты попытки усилить борьбу с реальной дискриминацией женщин, усугубляющейся под воздействием таких причин, как сексуальная ориентация, этническая принадлежность, возраст и инвалидность. В начале XXI в. расовая проблема снова стала актуальной, хотя 25 лет тому назад в обществе было понимание сложной структуры дискриминации женщин. В тот период считалось, что в результате борьбы за справедливое дело расового равенства нет никакой опасности пренебрежения равенством полов.

Два экспериментальных гендерных индекса

В докладе ООН «Пути к равенству» были представлены разработанные совместными усилиями два экспериментальных гендерных индекса, которые используют многомерную структуру для обеспечения исчерпывающего разностороннего понимания условий жизни женщин во всем мире.

Глобальный индекс гендерного равенства (ГИГР) (The Global Gender Parity Index, GGPI) — это сводный индекс, который оценивает относительные достижения женщин и мужчин по 4 параметрам: *жизнь и хорошее здоровье* (один показатель); *образование, повышение квалификации и знаний* (два показателя); *доступность рабочей силы и финансовых услуг* (два показателя); *участие в процессе принятия решений* (три показателя). Иными словами, ГИГР предлагает оценку гендерного разрыва по 4 аспектам человеческого развития: здравоохранение, образование, инклюзивность и принятие решений.

Индекс расширения прав и возможностей женщин (ИРПВЖ) (The Women's Empowerment Index, WEI) — это сводный индекс, который определяет уровень расширения прав и возможностей женщин по 5 измерениям: *жизнь и хорошее здоровье* (два показателя); *образование, повышение квалификации и знаний* (два показателя); *доступность рабочей силы и финансовых услуг* (два показателя); *участие в процессе принятия решений* (три показателя); *свобода от насилия* (один показатель).

Новый индекс расширения прав и возможностей женщин актуализирует анализ свобод женщин при выборе и использовании возможностей в жизни. Его новизна заключается в том, что он первый в истории гендерный индекс ООН, который включает насилие в отношении женщин и девочек в качестве отдельного измерения.

Разработанные индексы основываются на данных, поступивших из 114 стран мира, которые показали: 3,1 млрд женщин и девочек живут в странах, характеризующихся низкими или средними показателями расширения прав и возможностей женщин и низкими или средними показателями достижения гендерного равенства. Глобальный индекс гендерного равенства, оценивая гендерное соотношение по объемным аспектам человеческого развития, дает возможность увидеть более полную картину прогресса стран в деле актуализации прав и наращивания возможностей женщин и обеспечения гендерного равенства.

Какова доля женщин в первой четверти XXI в., испытывающих неблагоприятные воздействия на их жизнедеятельность? «Счетчик населения Земли» в начале 2024 г. показывал цифру свыше 8 млрд 155 млн человек — численность населения, среди которого мужская часть составляет 50,5 % (свыше 4 млрд 115 млн человек), а женская — 49,5 % (свыше 4 млрд 40 млн человек). Анализ показывает, что преобладающее большинство женщин — свыше 3,1 млрд из общего числа 4 млрд — живут в неподобающих, худших условиях по сравнению с мужским населением [Счетчик...]. Возникает законный вопрос: что побуждает мир к такому устройству жизни для половины человечества?

Фактически, согласно новым данным (2024 г.), во всем мире женщины в среднем реализуют только 60 % своего полного потенциала. Двойные индексы — это новый инструмент для политиков, позволяющий им отслеживать ход и характер выполнения странами своих обязательств по расширению прав и возможностей женщин и гендерному равенству. Применение новых индикаторов демонстрирует отрезвляющие результаты: «Власть и свобода женщин делать выбор и использовать возможности остаются в значительной степени ограниченными, и ни одна страна не достигла полного гендерного равенства». Низкий уровень свободы прав и возможностей женщин находит отражение в больших гендерных разрывах, что носит характер обычного явления.

Анализ показывает также, что более высокий уровень (индекс) человеческого развития сам по себе не гарантирует адекватно высокий индекс расширения прав и возможностей и гендерного равенства. Так, некоторые страны, находящиеся в нижнем диапазоне индекса человеческого развития, имеют одни из самых незначительных гендерных разрывов [The Paths to Equal, 2023].

Новые индексы обеспечат гендерную перспективу путем ориентировки стран на политику перемен в период «потрясений и уязвимости», а также осуществления коллективных действий по выполнению обещаний Пекинской декларации и Платформы действий и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Очевидны многие препятствия на пути к равенству, с которыми приходится сталкиваться. Но это единственная дорога к «процветающему и устойчивому миру» — такую позицию разделяют Ахим Штайнер, глава ПРООН (Administrator United Nations Development Programme) и Сима Сами Бахоус, исполнительный директор Структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин (Executive Director United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women).

Таким образом, в центре внимания доклада «Пути к равенству. Двойные индексы расширения прав и возможностей женщин и гендерного равенства» — «незавершенное дело времени», т. е. выполнение обещаний о гендерном равенстве, защите прав человека женщин и девочек и обеспечение полной реализации их основных свобод. В целом индексы — ключевой вклад в подведение итогов на Саммите по Целям устойчивого развития (2023 г.), в частности в продвижение усилий по достижению Цели № 5 по гендерному равенству. Подход к развитию человеческого потенциала, основанный на способностях, обеспечивает концептуальную основу для возрастания (увеличение, повышение, нарастание) прав и возможностей всех женщин и девочек, а также обеспечения гендерного равенства. Он базируется на увеличении возможностей для всех людей в равной степени, в этом залог успеха и процветания общества.

Актуализация Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

В 2023 г. Межпарламентский союз опубликовал документ «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и факультативный протокол к ней. Справочник для парламентариев № 36 Межпарламентского союза, 2023 год» [The Convention... , 2023], во второй части которого («Основные тематические области») рассматривается ряд важных областей, необходимых для понимания «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (КЛДЖ) и того, как ее следует воплотить на практике.

В частности, анализируются сквозные вопросы и концепции, которые включены непосредственно в КЛДЖ или были выделены Комитетом ООН по КЛДЖ в ходе его работы: дискриминация и равенство; взаимосвязанность; временные специальные меры; гендерные стереотипы; КЛДЖ и Повестка дня в области устойчивого развития; женщины и девочки в сложных условиях, включая вооруженные конфликты; изменение климата; кризисы в области здравоохранения. В работе излагаются подход Комитета по КЛДЖ и возможные действия парламентариев в отношении двух конкретных прав: защиты женщин и девочек от

насилия по признаку пола и участия женщин в политической и общественной жизни общества. Обсуждение, связанное с этими правами, устанавливает связи с другими правами, включенными в КЛДЖ.

Сквозные вопросы имеют отношение к защите и поощрению всех прав женщин и девочек, предусмотренных КЛДЖ. Некоторые прямо рассматриваются в положениях КЛДЖ, другие были разработаны Комитетом по КЛДЖ в ходе разбора докладов государств. Они отражены в общих рекомендациях.

К сквозным вопросам, включенным в КЛДЖ, относятся прежде всего проблемы дискриминации и равенства. Речь идет о первой статье КЛДЖ, которая запрещает дискриминацию в отношении женщин. Напомним: в статье «дискриминация» определяется как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола», которое способствует уничтожению или аннулированию признания, ограничению осуществления женщинами, независимо от их семейного статуса, прав человека и основных свобод во всех сферах жизни — экономической, политической, социальной, культурной, гражданской и любых иных областях. Комитет ООН по КЛДЖ разъяснил, что «это относится к дискриминации по признаку пола, т. е. к культурно и социально обусловленным различиям, связанным с ожидаемыми ролями и поведением женщин и мужчин», и уточнил, что дискриминация в отношении женщин может быть «прямой или косвенной».

Прямая дискриминация в отношении женщин «представляет собой различное обращение, явно основанное на признаках пола и гендерных различиях», а косвенная дискриминация «имеет место, когда закон, политика, программа или практика кажутся нейтральными в том, что касается женщин и мужчин», но на деле оказывают дискриминационное воздействие на женщин [Комитет КЛДЖ... , 2010].

Сквозные вопросы КЛДЖ не связаны с конкретными индивидуальными правами или ситуациями. Их важно учитывать в качестве основы для обеспечения гарантий прав женщин, при использовании в исключительных случаях, под которыми подразумеваются сложные ситуации, возникающие в результате вооруженных конфликтов, политической нестабильности, экологических катастроф (включая последствия изменения климата), кризисов в области здравоохранения (пандемия COVID-19 и эпидемия болезни, вызванной вирусом Эбола) и финансовых кризисов [The Convention... , 2023]. В таких обстоятельствах особенно страдают права женщин и девочек.

Связанное с конфликтом гендерное насилие проистекает из ранее существовавших моделей дискриминации и гендерного неравенства. Этот вопрос невозможно решить без учета более широкого контекста, в котором живут женщины, и необходимости обеспечения уважения их прав человека. Подчеркивается важность законотворческой деятельности парламентов в мирное время по укреплению институтов, нацеленных на надежную защиту женщин и девочек даже во время будущих конфликтов.

Подчеркнуты характерные тенденции конфликтных ситуаций. Во-первых, резкий рост количества преступлений, включая гендерное насилие в отношении женщин, в том числе изнасилования и другие формы сексуального насилия, а также торговлю людьми и детские и/или принудительные браки. Причем насилие, связанное с конфликтом, превращается «в норму», используется в качестве

тактики ведения войны [ibid.]. Из-за распада политических, экономических, социальных и правоохранительных структур, высокого уровня насилия и нарастания милитаризма торговля женщинами и девочками усугубляется во время и после конфликта. Практика показывает повышение риска, которому подвергаются женщины-правозащитницы. Здесь необходим акцент на конкретные действия по предотвращению таких злоупотреблений и поддержке выживших.

Во-вторых, происходит ликвидация доступа к основным медицинским услугам, включая услуги по охране сексуального и репродуктивного здоровья.

В-третьих, соображения безопасности, рост бедности и экономических трудностей, дополнительные обязанности по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства в совокупности с разрушением учебных заведений побуждают семьи отдавать предпочтение обучению мальчиков, а не девочек.

В-четвертых, следует принимать во внимание особенно уязвимое состояние вдов, женщин с ограниченными возможностями, пожилых женщин, одиноких женщин без поддержки семьи, а также женщин, возглавляющих домохозяйства, поскольку они подвержены нарушениям прав человека из-за их неблагоприятного положения.

В-пятых, женщины, девочки, мужчины и мальчики по-разному страдают от изменения климата и стихийных бедствий, причем многие женщины и девочки сталкиваются с большими рисками, бременем и последствиями. С учетом того, что ранее существовавшее гендерное неравенство ограничивает контроль женщин и девочек над своим правом принимать решения, регулирующие их жизнь, а также их доступ к жизненно важным ресурсам, они менее способны адаптироваться к изменениям в окружающих условиях.

В-шестых, кризисные ситуации усугубляют ранее существовавшее гендерное неравенство и обостряют пересекающиеся формы дискриминации в отношении женщин и девочек, основанные на различных факторах (например, на возрасте как молодых, так и более старших женщин, экономическом статусе, этнической принадлежности, расе, религии, сексуальной ориентации, гендерной идентичности и половых признаках, инвалидности, статусе беженца). Эти женщины и девочки часто непропорционально сильно страдают во время экологических катастроф и после стихийных бедствий по сравнению с мужчинами или другими женщинами.

Существуют общие рекомендации Комитета по КЛДЖ, которые имеют особое значение в конфликтных, предконфликтных и постконфликтных ситуациях. К ним, в частности, относятся общая рекомендация № 23 (1997 г.) об участии женщин в политической и общественной жизни и общая рекомендация № 35 (2017 г.) о насилии по признаку пола в отношении женщин, обновление общей рекомендации № 19 [Комитет КЛДЖ... , 1997, 2017].

В своих руководящих принципах отчетности по конкретным Целям устойчивого развития [Комитет КЛДЖ... , 2019] Комитет призывает государства-участники включать в свои доклады информацию об осуществлении резолюции 1325 (2000 г.) Совета Безопасности и последующих резолюций о женщинах, мире и безопасности, а также документов, принятых на основе их положений, в соответствии с общей рекомендацией Комитета № 30 (2013 г.) о женщинах в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях [Комитет КЛДЖ... , 2013; ООН-женщины, 2015].

В ноябре 2021 г. три Комитета ООН — по КЛДЖ, правам человека и правам ребенка — опубликовали совместное заявление, в котором содержался призыв к оказанию адекватной помощи и поддержки детям, рожденным в результате изнасилования, и их матерям [УВКПЧ... , 2021]. Отмечена необходимость защиты всего спектра прав женщин — жертв изнасилования, связанных с конфликтом, и их детей в целях реабилитации и возвращения к нормальной жизни. Конкретные рекомендации включают защиту женщин и детей от сексуального насилия из-за конфликта, обеспечение доступа к учреждениям здравоохранения, образования и ухода за детьми, обеспечение подотчетности и доступа к правосудию, помощи детям и обеспечение их права на гражданство. При этом гарантированы включения программ, которые базируются на принципах уважения права женщин и детей на достоинство и борьбы со стигматизацией, а также признается необходимость участия женщин и детей в процессе принятия решений по вопросам, касающимся их жизни [The Convention... , 2023].

Что могут сделать парламенты?

Подчеркнута роль высших законодательных органов страны, значение деятельности которых трудно переоценить из-за их широких возможностей влияния на решение всех сложных проблем. Прежде всего, звучит призыв использовать парламентские полномочия и парламентские дипломатические каналы, чтобы призвать тех, кто находится у власти в странах, защитить жизни и физическую неприкосновенность, содействовать оказанию помощи тем, кто подвергся репрессиям или имел основания опасаться их.

Парламентарии должны проследить, чтобы законодательство, политика и административные инструкции подтверждали нулевую терпимость к сексуальному насилию, домогательствам и другим формам гендерного неравенства со стороны сотрудников полиции и вооруженных сил.

Обеспечив участие женщин в разработке, функционировании и мониторинге механизмов правосудия переходного периода на всех уровнях, парламентам целесообразно сконцентрироваться на разработке Национального плана действий по вопросам женщин, мира и безопасности и обеспечивать его реализацию, надлежащее финансирование, а также участие женщин в его разработке и осуществлении.

Выводы

Таким образом, в докладе «Пути к равенству» расширяются меры, нацеленные на создание адекватных условий для реализации женщинами и девочками своего потенциала и возможностей по собственному выбору. Необходимы достоверные данные и меры, сопоставимые по странам и основанные на надежной методологии, для разработки и проведения политики, нацеленной на расширение прав и возможностей женщин и девочек и достижение гендерного равенства. Конечно, в настоящее время человечество располагает некоторыми мерами, однако они недостаточны для создания полной адекватной картины мира. Такое состояние недопустимо.

В данном документе не без оснований говорится о задаче на будущее с учетом чрезвычайно медленной реализации коллективных действий, которые объективно необходимы для смягчения последствий многоликих кризисных процессов. Ведь задача «заключается в том, что, по мере того как общества становятся более взаимосвязанными во многих отношениях, решение общих проблем и предоставление глобальных общественных благ будут становиться все более важными» [The Paths to Equal, 2023]. Отсутствие доверия и поляризация, связанные с ощущением незащищенности, усугубляют тупиковую ситуацию, решение которой, так или иначе, неизбежно находится на общей платформе развития человеческой цивилизации. Есть надежда, что двойные индексы обеспечат важнейшую гендерную перспективу в то время, когда страны преодолевают период беспорядков и уязвимости, будут способствовать изменению политики и коллективным действиям по выполнению Пекинской декларации и Платформы действий, а также Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Список источников

- Комитет КЛДЖ. Общая рекомендация № 23: политическая и общественная жизнь. 1997. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rgeneral23.html> (дата обращения: 12.11.2023).
- Комитет КЛДЖ. Общая рекомендация № 28 об основных обязательствах государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // CEDAW/C/GC/28. 2010. 16 декабря. П. 1. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/general/cedaw/2010/ru/77255> (дата обращения: 12.11.2023).
- Комитет КЛДЖ. Общая рекомендация № 30 о женщинах в предотвращении конфликтов, конфликтных и постконфликтных ситуациях // CEDAW/C/GC/30. 2013. 1 ноября. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/general/cedaw/2013/ru/53711> (дата обращения: 22.12.2023).
- Комитет КЛДЖ. Общая рекомендация № 35 о насилии по признаку пола в отношении женщин, обновление общей рекомендации № 19 // CEDAW/C/GC/35. 2017. 26 июля. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35-2017-gender-based> (дата обращения: 12.11.2023).
- Комитет КЛДЖ. Руководящая записка для государств-участников по подготовке докладов в соответствии со статьей 18 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Формы дискриминации в отношении женщин в контексте Целей устойчивого развития // CEDAW/C/74/3. 2019. 18 декабря. Пп. 3, 13. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%20FPPRiCAqhKb7yhsoVqDbaslinb8oXgzpEhivgznpjJlvD7aKopPTNEq9riVqXn4Qz83XBKYK8TtXFF9jynHn5DghiXFf64djl1aNgjOD1Pb3GBaqHGDXI8jRID> (дата обращения: 22.12.2023).
- ООН-женщины. Руководство по общей рекомендации № 30 КЛДЖ и резолюциям Совета Безопасности ООН о женщинах, мире и безопасности. Нью-Йорк: ООН-женщины, 2015. URL: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/cedaw> (дата обращения: 22.12.2023).
- Счетчик населения Земли. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 28.01.2024).
- УВКПЧ. Обеспечение профилактики, защиты и помощи детям, родившимся в результате изнасилований, связанных с конфликтом, и их матерям: совместное заявление КЛДЖ—КПР. 2021. 19 ноября. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/>

HRBodies/HRC/RegularSessions/Session25/Documents/A-HRC-25-11_ru.doc (дата обращения: 18.01.2023).

Шведова Н. А. Гендерное равенство в меняющемся мире: «Нам нужны большие смелые шаги...» // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 2. С. 90—106.

Opening Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the Second Regular Session of the UN Women Executive Board. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/9/speech-ed-phumzile-executive-board-second-regular-session-2020> (дата обращения: 08.01.2024).

Sustainable Development Goals. Goal 5: Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/gender-equality/> (дата обращения: 21.12.2023).

The Convention on the elimination of all forms of discrimination against women and its optional protocol: handbook for parliamentarians // *Inter-Parliamentary Union*. 2023. № 36. 170 p. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/OHCHR-IPU-CEDAW-Handbook-revised-edition.pdf> (дата обращения: 18.12.2023).

The Paths to Equal. 2023. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/styles/500x750/public/images/2023-07/paths_equal_cover.PNG?h=61a174b3&itok=MXSZ5y3C (дата обращения: 28.01.2024).

References

OON-zhenshchiny (2015) [The United Nations Human Rights Treaty Bodies Committee on the Elimination of Discrimination against Women], available from <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw> (accessed 22.12.2023).

Opening Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the Second Regular Session of the UN Women Executive Board (2020), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/9/speech-ed-phumzile-executive-board-second-regular-session-2020> (accessed 08.01.2024).

Schëtkhik naseleniia Zemli [Earth population counter], available from <https://countrymeters.info/ru/World> (accessed 28.01.2024).

Shvedova, N. A. (2021) *Gender equality in a changing world: “We need big bold steps...”*, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 90—106.

Sustainable Development Goals. Goal 5: Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls, available from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/gender-equality/> (accessed 21.12.2023).

The Convention on the elimination of all forms of discrimination against women and its optional protocol: Handbook for parliamentarians (2023), *Inter-Parliamentary Union*, no. 36, available from <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/OHCHR-IPU-CEDAW-Handbook-revised-edition.pdf> (accessed 18.12.2023).

The Paths to Equal (2023), available from https://hdr.undp.org/sites/default/files/styles/500x750/public/images/2023-07/paths_equal_cover.PNG?h=61a174b3&itok=MXSZ5y3C (accessed 28.01.2024).

UVKPCh. Obespechenie profilaktiki, zashchity i pomoshchi detiam, rodivshimsia v rezul'tate iznasilovaniĭ, sviazannykh s konfliktom, i ikh materiam: Sovmestnoe zaiavlenie KLDZh — KPCh, 2021, 19 noiabria (2021) [OHCHR. Ensuring the prevention, protection and assistance of children born of conflict-related rape and their mothers: Joint CEDAW — CRC Statement, 2021, 19 November], available from https://www.ohchr.org/sites/default/files/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session25/Documents/A-HRC-25-11_ru.doc (accessed 18.01.2023).

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Social and Political Research, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 15—30.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 15—30.

Научная статья

УДК 37.01:316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.2

ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Анна Петровна Багирова¹, Светлана Васильевна Черешова¹,
Людмила Викторовна Золотницкая²*

¹ Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург,
Россия, a.p.bagirova@urfu.ru

² Свердловское областное отделение, Национальная родительская ассоциация,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Система российского образования, декларируя важность формирования всесторонне развитой личности, не включает в данное понятие такой компонент, как готовность молодых людей к рождению, воспитанию и развитию детей, принятию на себя ответственности за это. Функция формирования данной составляющей личности сегодня приписывается в первую очередь семье. В то же время рост интенсивности родительского труда, повышение требований общества к его результатам приводят к возрастанию сложности этого вида труда для его субъектов. В таких условиях задача социального института образования, формулируемая как подготовка личности к трудовой деятельности на рынке труда и не включающая при этом подготовку к труду родительскому, выглядит сегодня крайне ограниченной. В статье представлены результаты изучения достаточности родительских компетенций и готовности родителей к получению новых знаний о воспитании детей на территории Свердловской области. Выявлена готовность большинства родителей к получению специальных знаний для воспитания детей, несмотря на высокую самооценку собственных компетенций. Установлен недостаток родительских знаний по вопросам противодействия буллингу, по мерам государственной поддержки родителей, профессиональному самоопределению ребенка. Актуализируется необходимость возвращения к комплексной постановке вопроса об участии системы образования в подготовке к родительскому труду и формировании у личности ответственности за его результаты.

Ключевые слова: родители, родительские компетенции, родительское просвещение, родительский труд, образование, информированность

Для цитирования: Багирова А. П., Черешова С. В., Золотницкая Л. В. Возможности формирования родительских компетенций в системе российского образования // *Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 15—30.*

Original article

POSSIBILITIES FOR DEVELOPING PARENTAL COMPETENCIES IN THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM

*Anna P. Bagirova*¹, *Svetlana V. Chereshova*¹,
*Lyudmila V. Zolotnitskaya*²

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, a.p.bagirova@urfu.ru

² Sverdlovsk Regional Branch, National Parents Association, Yekaterinburg,
Russian Federation

Abstract. The Russian education system, while declaring the importance of forming a comprehensively developed personality, does not imply that young people are willing to give birth and raise children, ensure the all-round development of them, and also take responsibility for this. The formation of this component of personality today is attributed primarily to the family. At the same time, the increase in the intensity of parental work and the increase in society's demands for its results lead to an increase in the complexity of this type of work for its actors. In these conditions, the task of the social institution of education, formulated as preparing the individual for work in the labor market and not including preparation for parental work, looks extremely insufficient today. The article presents the results of a study of the sufficiency of parental competencies and readiness to acquire new knowledge about raising children in the Sverdlovsk region. The willingness of the majority of parents to acquire special knowledge for raising children was revealed, despite the high self-esteem of their own competencies. A lack of parental knowledge on issues of combating bullying, measures of state support for parents, and professional self-determination of the child has been established. The authors raise the question of the need to return to a comprehensive formulation of the issue of the participation of the education system in preparation for parental work and the formation of individual responsibility for its results.

Key words: parents, parental competencies, parental education, parental work, education, awareness

For citation: Bagirova, A. P., Chereshova, S. V., Zolotnitskaya, L. V. (2024) *Vozmozhnosti formirovaniia roditel'skikh kompetentsii v sisteme rossiiskogo obrazovaniia* [Possibilities for developing parental competencies in the Russian education system], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 15—30.

Введение

В последние годы государство демонстрирует неукоснительный курс на поддержку семьи и транслирует важность для общества семейного воспитания и традиционных семейных ценностей. В целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей 2024 год Указом Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 объявлен Годом семьи [О проведении... , 2023].

Акцент государственной политики на семье, многодетности, проблемах рождаемости ставится в условиях динамично развивающегося феномена российского родительства. Исследователи отмечают, что рост интенсивности родительского труда, повышение требований общества к его результатам приводят к возрастанию сложности данного вида труда [Исупова, 2018; Авдеева и др., 2021]. Это усложнение процесса родительского труда в основном ложится на плечи женщин. Как указывает Т. А. Гурко, именно матери, в сравнении с отцами, тратят в пять раз больше времени на уход за несовершеннолетними детьми и занятия с ними; кроме того, в России по-прежнему остается стабильно высокой доля материнских семей, которая составляет 29 % семейных ячеек с несовершеннолетними детьми [Гурко, 2022: 12]. В настоящее время, по данным официальной статистики, 38,5 % российских семей с детьми моложе 18 лет — это семьи с одним родителем, причем в 31,3 % этих семей дети воспитываются матерями, и лишь в 7,2 % — отцами [Женщины и мужчины России... , 2022: 28]. Исследователи констатируют, что «проблема одинокого материнства и “невовлеченного отцовства” выходит за рамки научных исследований»: «С учетом того, что количество одиноких матерей и детей без отца продолжает расти, все более актуальной становится задача подготовки молодежи, юношей и девушек, к семейной жизни» [Ростовская и др., 2023: 40].

По сути, такие родители в одиночку выполняют весь объем родительского труда, под которым мы понимаем целенаправленную и востребованную обществом созидательную деятельность по воспроизводству человека с включенностью в нее различных субъектов (начиная от родителей и родственников, завершая сотрудниками различных учреждений образования и культуры, социального обслуживания) [Черешова, 2022: 53]. Специфика выполнения родительского труда непосредственно родителями проявляется, как правило, в чувственно-эмоциональном сопровождении данной деятельности, в формировании в ходе этого труда у ребенка системы ценностей, определении в ней места трудолюбия, справедливости, уважения к старшим, ответственности за свою будущую семью и др.

Усложнение родительского труда происходит не только из-за повышения требований общества к его результату. Разветвляется сама «среда родительства», перестав быть только физически материальной. Активно развиваются «цифровые форматы родительства»: родительское сопровождение и организация процесса развития ребенка сегодня невозможны без цифровых сервисов. Это означает рост нагрузки на родителей как субъектов родительского труда. Труд, характеризующийся высоким уровнем сложности, многозадачностью, постоянством, энергозатратностью, нервными перегрузками, высокой ответственностью, становится еще более разнообразным. Очевидно, что семья, реализуя этот чрезвычайно значимый для общества труд, являясь форматом «институционализации неоплачиваемой

домашней работы» [Федеричи, 2023: 22], сегодня нуждается в многочисленных институтах поддержки. При этом семья, по сути, выполняет социальный заказ общества, воспитывая гражданина, который в будущем сам будет выполнять различные социальные роли в семейной, профессиональной, культурной, экономической, политической и других подсистемах общества. С данной точки зрения семья может рассматриваться как полноправный субъект государственной экономики с соответствующим потреблением государственных ресурсов в целях выполнения социального заказа общества на формирование и развитие совокупного человеческого капитала страны. Родительство в современных обществах становится «профессиональным», т. е. требующим особых компетенций, приобретаемых в процессе обучения [Романов, Ярская-Смирнова, 2015]. Отказ современной молодежи от такой специальной подготовки к будущей деятельности в качестве матери или отца в отсутствие опыта «широкой» многопоколенной семьи приводит к тому, что у будущего родителя осложняется процесс формирования представлений о семейной жизни, о развитии ребенка, о требованиях, которые предъявляются к самим родителям. Как подчеркивает А. В. Меренков, родители не имеют четких представлений о том, какие моральные качества следует формировать у детей в том или ином возрасте [Меренков, 2019: 301].

Одним из институтов поддержки реализации родительского труда должна выступать система образования. Она может использовать для этого самые разные механизмы: готовить будущих родителей к ответственному родительскому труду через соответствующий набор дисциплин учебного плана, создавать семейно ориентированную социальную среду, развивать у молодых людей репродуктивные установки и установки на качественный родительский труд. Такая поддержка со стороны социального института образования особенно важна сейчас, в период, характеризующийся устойчивыми негативными демографическими тенденциями — снижением рождаемости и сокращением численности населения. Другая особенность нынешней ситуации связана с тем, что традиционное отношение в российском обществе к родительству как феномену, который протекает сам собой, в условиях динамично развивающихся форматов организации жизнедеятельности исчерпало себя. Стратегией развития воспитания в Российской Федерации определена важность и необходимость повышения социальной, коммуникативной и педагогической компетентности родителей [Об утверждении стратегии... , 2023].

Отметим, что в науке пока не сложилось единого подхода к пониманию компетентности родителей, не определено это и законодательно, неясно, хватает ли современным родителям имеющихся у них знаний. Вопросы родительской компетентности изучаются преимущественно в педагогической [Селина, 2009; Хитрюк, 2016: 249; Коваленко, 2015] и психологической [Филиппова, 2002; Варданян и др., 2020: 9] науках, а сама компетентность рассматривается как психолого-педагогическая [Кондратьева, Инявина, 2019: 66] и социально-психологическая [Евдокимова, 2013: 268] категории. Однако родительские компетенции в условиях современной жизнедеятельности и возрастающих требований к субъекту родительского труда не ограничиваются психологией и педагогикой. К ним относятся компетенции в области медицины, юриспруденции, организационные способности, умение применять это все в процессе воспитательной деятельности [Суворова, Пец, 2014: 242]. В более ранних работах мы выделяли целый набор

родительских квалификаций и компетенций. К числу «квалификаций» были отнесены любовь к детям, способность к самостоятельному труду, коммуникативные умения, умение работать с большими объемами информации, умение действовать в ситуации нервных перегрузок, физическое развитие, креативность, эмпатия. К ключевым компетенциям, значимым для успешной реализации ответственного родительского труда, мы отнесли четыре их группы: специальные, социальные, информационные и коммуникативные [Ильшев, Багирова, 2009].

Цель нашего исследования — показать, насколько современным родителям как субъектам родительского труда хватает существующих у них знаний, и в случае выявления их дефицитности предложить механизмы восполнения выявленных пробелов.

Методы и результаты

Предпринятый в статье анализ основывается на данных социологического исследования — анкетного опроса родителей, проживающих в Свердловской области, имеющих детей в возрасте от 0 до 18 лет (N = 1180; ноябрь 2023 г.). Большинство опрошенных — это родители в возрасте старше 36 лет (84 %). Среди них велика доля жителей городов, родителей с двумя детьми (но при этом почти пятую часть составляют многодетные родители). Чаще среди опрошенных представлены родители, имеющие детей-школьников в возрасте от 7 до 18 лет.

Родителям было предложено выделить наиболее значимые для них области знаний (рис. 1). Явным лидером по востребованности оказались знания в области психологии (53 %), группы бытовых, педагогических и медицинских компетенций как необходимые упоминались существенно реже (33 %).

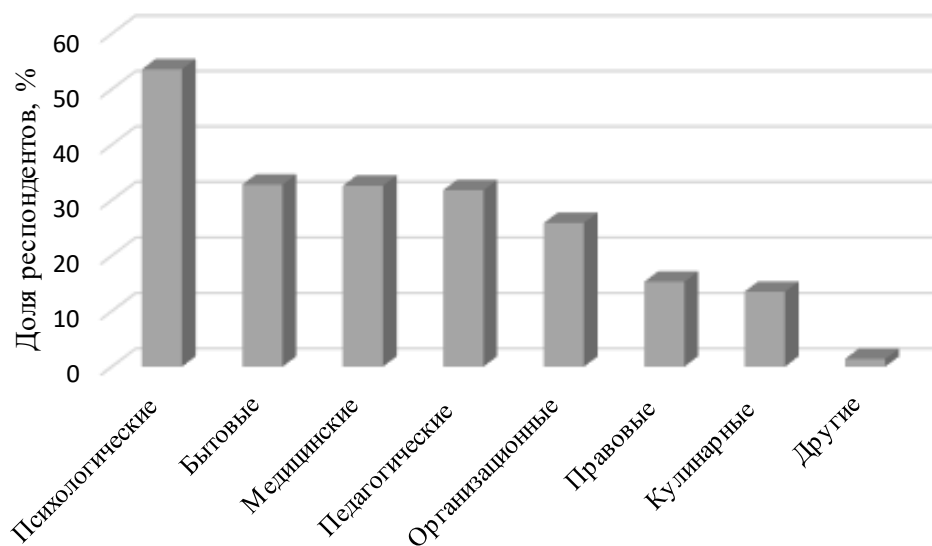

Рис. 1. Виды знаний, необходимых родителям для воспитания ребенка

Среди психологических знаний родители считают наиболее значимым умение разбираться в конфликтных ситуациях и выходить из них (45 %). Более 50 % родителей оценивают как актуальные знания о воспитании у ребенка навыков самообслуживания (личная гигиена, порядок в одежде, в своем детском уголке и т. д.) и самосохранения (безопасное поведение дома и за его пределами), знания о воспитании у ребенка культуры питания (пользование столовыми приборами, здоровое питание, режим питания и т. п.).

В пятерке медицинских родительских компетенций лидируют знания об основах оказания первой доврачебной помощи (57 %), знания о здоровом питании (48 %), знания о здоровом образе жизни (распорядок дня, прогулки и т. п.) (47 %). Среди компетенций в области права самыми значимыми определены обязанности родителей по воспитанию и образованию детей и ответственность за их выполнение (47 %).

Для выявления дефицита и профицита родительских компетенций родителям было предложено оценить степень своей осведомленности в тех или иных вопросах на основе своих внутренних ощущений и личного мнения с использованием шкалы оценок от 1 до 10, где «1» означает катастрофическую нехватку знаний, а «10» — их переизбыток (табл.).

**Оценка родителями, проживающими в Свердловской области,
достаточности знаний по различным темам**

Тема	Средняя	Медиана
Формы заботы о ребенке	7,83	8
Правильное питание ребенка	7,71	8
Права и обязанности родителя	7,67	8
Прием в образовательную организацию	7,24	8
Возрастные особенности ребенка	6,94	7
Способы помощи ребенку в учебе	6,93	7
Процесс оказания образовательных услуг (в том числе дополнительное образование, кружки, спортивные секции и т. п.)	6,9	7
Права несовершеннолетних	6,81	7
Порядок перевода на другую ступень образования (старшие классы) и отчисления из образовательной организации	6,23	6
Способы помощи в определении будущей профессии ребенка	6,01	6
Профильное обучение в старших классах	5,88	6
Меры государственной поддержки (льготы, выплаты и т. п.) для родителей	5,77	5
Противостояние агрессии	5,76	6

Полученные данные свидетельствуют о том, что родители вполне уверенно ощущают себя именно в тех бытовых вопросах, которые указали как

наиболее значимые, и, напротив, испытывают наибольший дефицит компетенций в психологических проблемах, например в профилактике буллинга и противостоянии ему в детской и подростковой среде (5,76), а также в организационных вопросах, связанных с государственной поддержкой родительства (5,77), профильным обучением в старших классах (5,88), профессиональным самоопределением ребенка (6,01).

Оказалось, что родители считают важным приобретать недостающие компетенции через обучение (рис. 2).

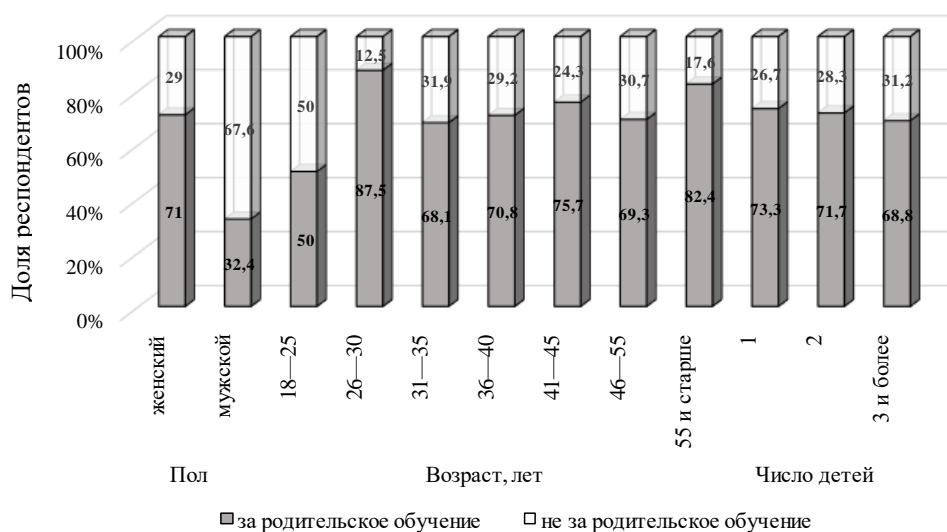

Рис. 2. Отношение к вопросу о поддержке родительского обучения в зависимости от структуры отдельных социально-демографических групп опрошенных

Однозначно за родительское обучение высказались почти три четверти респондентов (71 %). Остальные либо затруднились с ответом на данный вопрос, либо не поддержали эту идею. Отметим, что отрицательных ответов мы получили достаточно мало — лишь 9 %. Важность обучения чаще поддерживают женщины, нежели мужчины, родители в возрасте от 26 до 30 лет. Существенным является то, что 68 % мужчин не согласны с идеей о необходимости родительского обучения. Данное обстоятельство вполне соответствует сложившимся в российском обществе представлениям о том, что домашнее хозяйство, забота о детях и их воспитании — это преимущественно женская, «закрепленная за женщинами» область ответственности [Хасбулатова, Смирнова, 2022: 203]. Однако подавляющее большинство женщин, т. е. тех, на ком в нашей стране лежит основное бремя воспитания и развития детей, понимают, что в современном мире учиться родителю необходимо всем.

Больше всего в вопросах обучения родителей респонденты доверяют государственным органам и учреждениям и считают, что именно они должны заниматься этими вопросами. Так полагают более половины опрошенных (рис. 3).

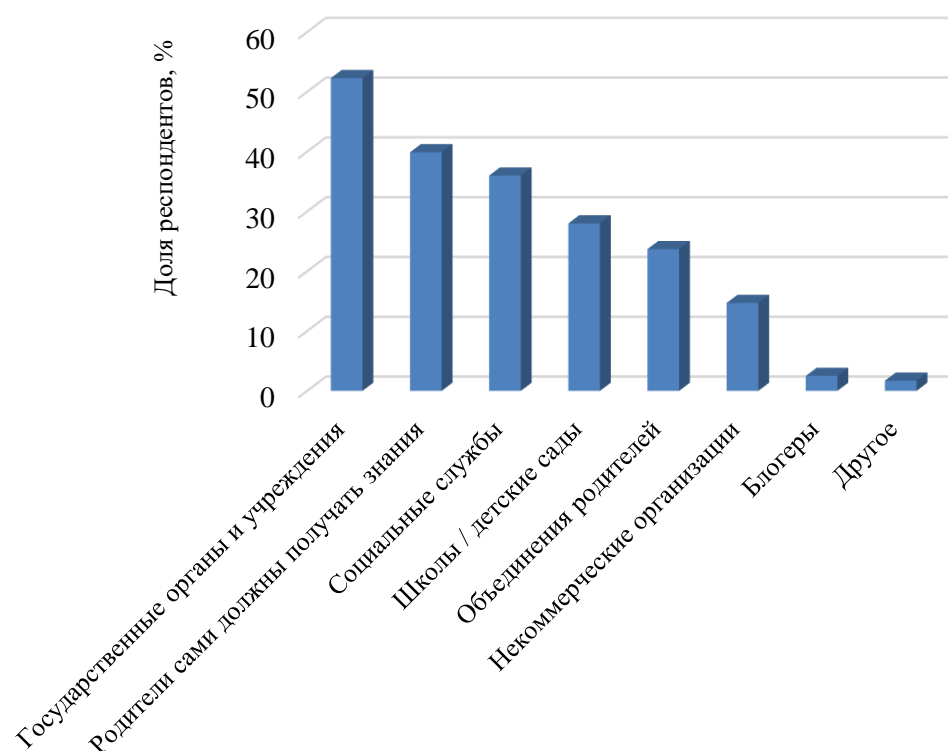

Рис. 3. Распределение мнений родителей о субъектах, которые должны проводить обучение

Данные показывают: 41 % респондентов считают, что обучение родителей — зона ответственности самих родителей, они сами должны получать знания. Это указывает на то, что многие родители осознают важность самообразования и постоянного развития своих родительских навыков, не дожидаясь помощи извне. Почти четверть респондентов полагают, что вопросом повышения родительских компетенций должны заниматься социальные службы. Более четверти респондентов считают это задачей образовательных организаций, еще почти четверть — различных общественных объединений родителей. Антилидерами своеобразного рейтинга субъектов по обучению родителей стали блогеры, им доверить свое обучение согласились только 2 % опрошенных. Родители стремятся к экспертному, а не любому доступному знанию.

Основными источниками получения информации для осуществления родительского труда сегодня являются собственный опыт, семья, беседы с друзьями и знакомыми и Интернет (рис. 4).

Рис. 4. Соотношение реальных и желаемых источников информации для родителей, %

Однако, говоря о желаемых источниках получения родительских компетенций, опрошенные демонстрируют интерес к экспертному знанию, а не к традиционным бытовым практикам. Наиболее заметные расхождения (факт — желание) зафиксированы по таким форматам, как консультации у специалистов (42 % родителей отметили их как реальный инструмент, а 54 % — как желаемый) и специальные курсы (8 % отметили как реальный инструмент, 29 % — как желаемый). Интернетом для получения необходимых знаний пользуются 72 % опрошенных, а вот в качестве желаемого источника его называют в полтора раза реже. Получается, что интернет-пространству как источнику информации для повышения своих компетенций родители не особо доверяют, но готовы развивать свои компетенции на консультациях специалистов и специальных курсах.

Выводы

Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о нехватке у родителей компетенций в конкретных областях знаний, компетенций, необходимых для качественной реализации родительского труда. На наш взгляд, осознание этого родителями при усложнении родительского труда и повышении его вариативности делает необходимым возвращение к комплексной постановке вопроса об участии системы образования в подготовке к родительскому труду и формировании у личности ответственности за его результаты. Действительно, в качестве одного из критериев отбора содержания обучения известный ученый

Ю. К. Бабанский выделил критерий целостного отражения в содержании обучения задач формирования всесторонне развитой личности [Бабанский, 1989: 419]. Однако сегодняшняя система российского высшего образования не включает в понятие «всесторонне развитая личность» такой элемент ее развитости, как готовность к рождению, воспитанию и развитию детей, принятию на себя ответственности за это. Формирование данной составляющей личности сегодня не находит системного отражения и на других ступенях российского образования и, по существу, является исключительно функцией семейного воспитания. В настоящее время задача социального института образования формулируется достаточно широко, включая, помимо подготовки личности к трудовой деятельности на рынке труда, еще целый ряд аспектов (см., напр.: [Polbitsyn, 2021; Pevnaya et al., 2022]). Однако в современных российских демографических реалиях позиция непричастности системы образования к реализации своими выпускниками родительского труда (в будущем или же в процессе получения образования, если говорить об уровне высшего образования) выглядит крайне недалёковидной. По нашему мнению, помимо конкретных родительских компетенций, недостаток которых выявлен в данном исследовании, система образования должна развивать (а в ряде случаев и формировать) ключевые ценности родительства. На различных уровнях системы образования должны транслироваться, как минимум, следующие концепты:

- семья и дети как основная жизненная ценность развитой личности;
- любовь к детям, ответственность за их воспитание и развитие как фундаментальные основы создания семьи;
- родительский труд и его предназначение. Содержание родительского труда в современных условиях на разных этапах, формы его реализации;
- неоплачиваемый женский труд: оценки стоимости;
- разделение родительского труда в семье: равенство обязанностей матери и отца, совместная ответственность родителей за детей;
- институты, поддерживающие родительский труд;
- государственная политика, направленная на поддержку семьи и детей.

На наш взгляд, сейчас в России сформировалась уникальная ситуация, позволяющая вовлечь систему образования в подготовку молодежи к реализации будущего родительского труда. Это связано с большим вниманием руководства страны к демографической подсистеме общества, введением новых мер поддержки семей с детьми, расширением категорий населения, вовлеченных в систему поддержки, реформированием системы образования и выстраиванием ее в соответствии с национальными приоритетами. Так, в школе это может быть углубление разделов учебного курса «Обществознание» и внеурочного курса «Разговоры о важном» знаниями о закрепленных в Конституции РФ как основном законе страны правах и свободах молодых людей, статусе брака и семьи, правах и обязанностях супругов, родителей и детей, что позволит с раннего возраста сформировать соответствующую правовую культуру и направленность на создание семьи, раскрыть для молодых людей их перспективы, возможности, повысить ценность института брака. Представляется возможным в рамках учебного курса «Обществознание» ввести раздел «Семьеведение» либо организовать самостоятельные совместные для юношей и девушек курсы изучения родительства, семьи

и психологии семейной жизни в форме, доступной для восприятия в их возрасте. Учитывая непрерывность образовательного процесса, гарантированную государством в нашем обществе, и то, что молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет, еще не имеющие полной дееспособности, обучаются не только в школе, но и в системе среднего профессионального образования, логично распространить подобную практику обозначенных курсов и на систему среднего профессионального образования.

Таким образом, именно школа и образовательные учреждения системы среднего профессионального образования могли бы выступать своеобразной площадкой для подготовки молодых людей к будущей семейной жизни и родительству. Но учитывая, что именно на ступени высшего образования молодые люди достигают возраста своего совершеннолетия, приобретают полный комплекс прав и ответственности, важно создать на этом уровне такие условия, при которых бы молодые люди не только не отказывались от рождения детей, а, напротив, стремились бы именно в данный период реализовать свои репродуктивные установки. Этому может способствовать, например, реализация в вузах политики, дружественной по отношению к семьям студентов и сотрудников, создание режима наибольшего благоприятствования студентам-родителям. В таком случае студентам не придется делать выбор между рождением ребенка и учебой.

Для создания системы родительского просвещения в стране, пропаганды родительских знаний в нашем обществе необходимо решить целый ряд задач, что предполагает вовлечение системы образования. Включение соответствующей проблематики могло бы быть реализовано через введение курса «Теория и практика родительского труда» в высших учебных заведениях, «Основы родительства», «Семьеведение» в учреждениях системы среднего профессионального образования и общеобразовательных средних школах; через издание пособий по теории и практике родительского труда; создание и поддержание многоуровневой среды, подчеркивающей важность родительского «трека» в жизненных стратегиях личности.

Анализ полученных в ходе исследования результатов позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Современные родители испытывают недостаток компетенций в области взаимоотношений детей в социуме, противостояния агрессии и буллингу, недостаточно знают меры государственной поддержки родителей (льготы, выплаты и т. п.) и некомпетентны в вопросах профильного обучения в старших классах и помощи ребенку в профессиональной ориентации. Выявленные проблемные зоны указывают на отсутствие системной работы с родителями, в том числе по доведению до них информации, в отношении которой возникают затруднения.

2. Родители хотят учиться и считают это необходимым, однако действующая в России система образования и воспитания не готова к участию в формировании родительских компетенций. Воспитание детей начинается с воспитания родителей, которое в настоящее время отсутствует. Система образования не включилась в этот процесс. Родительские собрания в школе, учреждениях среднего образования, вузах не являются информативными источниками приобретения компетенций для родителей, несмотря на актуальность и востребованность этого канала получения помощи, что указывает, скорее всего,

на организационные недостатки и негибкость системы. Использование смешанных технологий и онлайн-формата, предоставление информации, в которой наиболее заинтересованы родители, могли бы привлечь большую аудиторию родителей.

3. Родители нуждаются в обеспечении доступности обращения к экспертному мнению профессиональных сотрудников по вопросам обыденных практик, не связанных с отклонениями в развитии ребенка; в информировании и доведении различными способами до их сведения стандартов развития ребенка на всех стадиях родительского труда; снижении родительской тревожности.

4. Необходимо вовлечение системы образования в формирование у молодых людей установок на ответственное родительство, введение на государственном уровне единых критериев воспитательного процесса и подходов к нему со стороны всех привлеченных к данному процессу лиц, обеспечение возможности развития родительских компетенций молодых людей еще на стадии обучения в образовательных учреждениях различных уровней. Пробелы в родительских компетенциях должны восполняться при включении в процесс их формирования системы российского образования.

5. Трансляция государственной семейной политики и информирование родителей обо всех предоставляемых государством гарантиях и льготах не вполне эффективны и не достигают целевой аудитории. Родители испытывают недостаток знаний в этой области и, возможно, просто не понимают, что отцы наравне с матерями могут быть включены в процесс воспитания без потерь для профессиональной карьеры (использование отпуска по уходу за ребенком, дней нетрудоспособности по болезни ребенка и т. д.), имеют как равные с матерями права, так и равные обязанности.

6. Внутри системы образования существуют все составляющие, которые напрямую потенциально влияют на демографическую ситуацию в стране: человеческий капитал обучающихся и преподавателей; период обучения, в течение которого можно развивать репродуктивные установки, родительские компетенции молодых людей; информационная среда, которая потенциально может быть ориентирована на решение и этой задачи; возможность снижения остроты конфликта конкурирующих между собой жизненных стратегий личности через реализацию в образовательных организациях политики, дружественной по отношению к семьям обучающихся и работников.

Список источников

- Авдеева А., Исупова О., Кулешова А., Чернова Ж., Шпаковская Л.* Родительство 2.0: почему современные родители должны разбираться во всем? М.: Альпина Паблишер, 2021. 164 с.
- Бабанский Ю. К.* Концепция содержания, методов и форм организации обучения в современной общеобразовательной школе // Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды / сост. М. Ю. Бабанский. М.: Педагогика, 1989. С. 416—434.
- Варданян Ю. В., Кечина М. А., Трифонов С. А.* Исследование психологических компетенций современных родителей подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/43PSMN620.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

- Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3—14.
- Евдокимова М. А. Дефицит родительской компетентности как генетический источник личной виктимности ребенка // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16—18 апреля. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2013. С. 267—270.
- Женщины и мужчины России, 2022: статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 208 с.
- Ильшев А. М., Багирова А. П. Введение в репродуктивистику: становление науки о воспроизводстве человека. М.: Финансы и статистика, 2009. 300 с.
- Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3. С. 180—189.
- Коваленко Т. В. Понятие родительской компетенции в современной педагогической практике // Евразийский союз ученых. 2015. № 4—6. С. 27—32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-roditelskoy-kompetentsii-v-sovremennoy-pedagogicheskoy-praktike> (дата обращения: 25.11.2023).
- Кондратьева Н. П., Иньявина Е. В. Развитие коммуникативного компонента психолого-педагогической компетентности потенциальных замещающих родителей // Проблемы современного образования. 2019. № 5. С. 63—72.
- Меренков А. В. Нравственное воспитание детей в современной семье: воспроизводство гендерной асимметрии // Перспективы науки и образования. 2019. № 6. С. 298—311.
- Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 г. № 996-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения: 24.11.2023).
- О проведении в Российской Федерации Года семьи: Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=exp&n=836347#CNMca7U4eXK3JpR62> (дата обращения: 25.11.2023).
- Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: Вариант, 2015. 234 с.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32—42.
- Селина В. В. Развитие педагогической компетентности родителей детей раннего возраста в дошкольном образовательном учреждении: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Великий Новгород, 2009. 188 с.
- Суворова О. В., Пец О. И. Специфика структуры психологической компетентности родителей младших школьников // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6. С. 241—243.
- Федеричи С. Патриархат заработной платы: заметки о Марксе, гендере и феминизме. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 144 с.
- Филиппова Г. Г. Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 180 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Российская государственная семейная политика: историко-социологический анализ // Семья и преемственность поколений: материалы Международного симпозиума, Иваново — Плётс, 30 сентября — 1 октября 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 202—210.

- Хитрюк В. В. Родительская компетентность как объект внимания педагога инклюзивного образования // Специальное образование: материалы XII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 21—22 апреля 2016 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Л. М. Кобрина. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. Т. 1. С. 249—253.
- Черешова С. В. Самоидентификация субъектов родительского труда в современном российском обществе: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2022. 250 с.
- Pevnaya M., Kostina S., Cernicova-Bucă M., Kazmierczyk J., Asoyan L. Potential of youth participation in local territory branding management // *Lex Localis*. 2022. Vol. 20, iss. 1. P. 193—214.
- Polbitsyn S. The role of universities in the development of public sector innovations // *Innovation Journal*. 2021. Vol. 26, iss. 1. P. 1—19.

References

- Avdeeva, A., Isupova O., Kuleshova, A., Chernova, Zh., Shpakovskaya, L. (2021) *Roditel'stvo 2.0: Pochemu sovremennye roditeli dolzhny razbirat'sia vo vs'em?* [Parenting 2.0: Why do modern parents have to figure it all out?], Moscow: Alpina Publisher.
- Babansky, Yu. K. (1989) Kontseptsia soderzhaniia, metodov i form organizatsii obucheniia v sovremennoi obshcheobrazovatel'noi shkole [The concept of the content, methods and forms of organization of education in a modern secondary school], in: Babansky, Yu. K. *Izbrannye pedagogicheskie trudy*, Moscow: Pedagogika, pp. 416—434.
- Chereshova, S. V. (2022) *Samoidentifikatsiia sub'ktov roditel'skogo truda v sovremennom rossiiskom obshchestve*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Self-identification of subjects of parental labor in modern Russian society: Diss. (Cand. Sc.)], Yekaterinburg.
- Evdokimova, M. A. (2013) Defitsit roditel'skoĭ kompetentnosti kak geneticheskii istochnik lichnoi viktimmnosti rebënka [Lack of parental competence as a genetic source of a child's personal victimization], in: *Materiialy IV Vserossiiskoiĭ nauchno-prakticheskoiĭ konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 16—18 apreliia*, Novosibirsk: Novosibirskiiĭ gosudarstvennyiĭ pedagogicheskiiĭ universitet, pp. 267—270.
- Federici, S. (2023) *Patriarkhat zarabotnoiĭ platy: Zametki o Markse, genere i feminizme* [Patriarchy of the wage: Notes on Marx, gender, and feminism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Filippova, G. G. (2002) *Psikhologiiia materinstva*: Uchebnoe posobie [Psychology of motherhood: Textbook], Moscow: Izdatel'stvo Instituta Psikhoterapii.
- Gurko, T. A. (2022) Razvitie instituta roditel'stva: analiz ėmpiricheskikh pokazatelei [Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—14.
- Ilyshev, A. M., Bagirova, A. P. (2009) *Vvedenie v reproduktivistiku: Stanovlenie nauki o vosproizvodstve cheloveka* [Introduction to reproductive science: The emergence of the science of human reproduction], Moscow: Finansy i statistika.
- Isupova, O. G. (2018) Intensivnoe materinstvo v Rossii: materi, docheri i synov'ia v shkol'nom vzroslenii [Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school growing up], *Neprikosnennyiĭ zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 3, pp. 180—189.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Rossiiskaia gosudarstvennaia semeinaia politika: istoriko-sotsiologicheskiiĭ analiz [Russian state family policy: historical and sociological analysis], in: *Sem'ia i preemstvennost' pokoleniiĭ: Materiialy Mezhdunarodnogo simpoziuma, Ivanovo — Plyes, 30 sentiabria — 1 oktiabria 2022 goda*, Ivanovo: Ivanovskiiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 202—210.

- Khitryuk, V. V. (2016) Roditel'skaia kompetentnost' kak ob'ekt vnimaniia pedagoga inkluzivnogo obrazovaniia [Parental competence as an object of attention of an inclusive education teacher], in: Skvortsov, V. N., Kobrin, L. M. (eds), *Spetsial'noe obrazovanie: Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Sankt-Peterburg, 21—22 aprelia 2016 goda, vol. 1, St. Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina, pp. 249—253.
- Kondratieva, N. P., Inyavina, E. V. (2019) Razvitie kommunikativnogo komponenta psikhologo-pedagogicheskoi kompetentnosti potentsial'nykh zameshchaiushchikh roditel'ei [Developing communicative component of psychological-pedagogical competence of potential substitute parents], *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, no. 5, pp. 63—72.
- Kovalenko, T. V. (2015) Poniatie roditel'skoi kompetentsii v sovremennoi pedagogicheskoi praktike [The concept of parental competence in modern pedagogical practice], *Evraziiskii soiuz uchënykh*, no. 4—6, pp. 27—32, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-roditelskoy-kompetentsii-v-sovremennoy-pedagogicheskoy-praktike> (accessed 25.11.2023).
- Merenkov, A. V. (2019) Nravstvennoe vospitanie detei v sovremennoi sem'e: vosproizvodstvo gendernoi asimmetrii [Moral upbringing of children in the modern family: reproduction of gender asymmetries], *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 6, pp. 298—311.
- Pevnaya, M., Kostina, S., Cernicova-Bucă, M., Kazmierczyk, J., Asoyan, L. (2022) Potential of youth participation in local territory branding management, *Lex Localis*, vol. 20, iss. 1, pp. 193—214.
- Polbitsyn, S. (2021) The role of universities in the development of public sector innovations, *Innovation Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 1—19.
- Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. (2015) *Sotsiologiia professii: analiticheskie perspektivy i metodologiia issledovaniï* [Sociology of professions: analytical perspectives and research methodology], Moscow: Variant.
- Rostovskaya, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinkie materi v rossiiskom obshchestve: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Selina, V. V. (2009) *Razvitie pedagogicheskoi kompetentnosti roditel'ei detei rannego vozrasta v doskol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii*: Dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 [Development of pedagogical competence of parents of young children in a preschool educational institution: Diss. (Cand. Sc.)], Veliky Novgorod.
- Suvorova, O. V., Petz, O. I. (2014) Spetsifika struktury psikhologicheskoi kompetentnosti roditel'ei mladshikh shkol'nikov [Specific structure of psychological competence of the parents of younger students], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6, pp. 241—243.
- Vardanyan, Yu. V., Kechina, M. A., Trifonov, S. A. (2020) Issledovanie psikhologicheskikh kompetentsii sovremennykh roditel'ei podrostkov [Study of psychological competences of modern parents of adolescents], *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiia*, vol. 8, no. 6, available from <https://mir-nauki.com/PDF/43PSMN620.pdf> (accessed 25.11.2023).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2022: Statisticheskii sbornik (2022)* [Women and men of Russia, 2022: Statistical collection], Moscow: Rosstat.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 01.02.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, a.p.bagirova@urfu.ru (Dr. Sc. (Econ.), Cand. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation).

Черешова Светлана Васильевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, s.v.chereshova@urfu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Assistant Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation).

Золотницкая Людмила Викторовна — ответственный секретарь, Свердловское областное отделение Национальной родительской ассоциации, г. Екатеринбург, Россия (Executive Secretary, Sverdlovsk Regional Branch of the National Parents Association, Yekaterinburg, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 31—42.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 31—42.

Научная статья

УДК 314.04

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.3

**ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**

Евгения Петровна Сигарева¹, Светлана Юрьевна Сивоплясова^{1, 2}

¹ Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, sigarevae@mail.ru

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается демографический потенциал женского населения России. Авторы выделяют ряд объективных и субъективных факторов для его оценки. К первой группе относятся численность женского населения России, показатели рождаемости и брачности. Ко второй — репродуктивные и matrimониальные установки современных российских женщин. Оценка объективных факторов проводилась на основе анализа данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., субъективных факторов — по результатам социологических опросов, включая авторский, и Всероссийского обследования, проведенного Росстатом. Результаты исследования показали, что потенциал женского населения объективно снижается. Сокращаются репродуктивная часть женской популяции, когорты женщин, рожаящих первенца в наиболее активном репродуктивном возрасте. Брачные и репродуктивные установки женщин заметно менее оптимистичны, чем у мужчин. В таких условиях вывести демографический потенциал женского населения России на путь развития способен только существенный пересмотр социально-экономической основы российского материнства, в том числе материнства многодетного.

Ключевые слова: демографический потенциал, женское население, факторы демографического развития, численность населения, рождаемость, брачность, опросы

Для цитирования: Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Объективные и субъективные факторы демографического потенциала женского населения России // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 31—42.

Original article

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE RUSSIAN FEMALE POPULATION

*Evgenia P. Sigareva*¹, *Svetlana Yu. Sivoplyasova*^{1,2}

¹ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sigarevae@mail.ru

² Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses the demographic potential of the female population of Russia. The authors identify objective and subjective factors for its assessment. The first group includes the dynamics of the Russian female population, fertility and marriage rates. The second is the reproductive and marital attitudes of modern Russian women. The authors considered objective factors based on an analysis of data from the 2010 and 2020 All-Russian Population Censuses. Subjective factors were analysed based on the results of sociological surveys, including the author's survey "Demographic portrait of youth in the EAEU countries: plans, assessments and judgments" and an All-Russian survey conducted by Rosstat. The results showed that the potential of the female population is objectively decreasing. The reproductive part of the female population is declining, the average age of women is increasing, the number of women married and having children is decreasing, and the cohort of women giving birth to their first child at the most active reproductive age (20—24 years) is decreasing. In the future, an absolute decrease in the female population of Russia is expected until 2046. This implies an aggravation of the influence of objective factors on the demographic potential of Russia. The manifestation of the subjective factor that characterizes the reproductive behaviour of the female population of the country lies in the formation of a small family structure. Young women have a less optimistic childhood pattern compared to men. This is closer to the actual realization of reproductive intentions. The rate of abandonment of motherhood continues to rise. In 2022, one in five women who were childless said they had no intention of having a child. In such conditions, only a significant revision of the social and economic foundations of Russian motherhood, including large families, can bring the demographic potential of the female population of Russia onto the path of development.

Key words: demographic potential, female population, factors of demographic development, population size, birth rate, marriage rate, surveys

For citation: Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2024) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory demograficheskogo potentsiala zhenskogo naseleniia Rossii [Objective and subjective factors of the demographic potential of the Russian female population], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 31—42.

Введение

В последнее время наблюдается всевозрастающий интерес общества к демографическим проблемам. Понятие «демография» становится общеупотребимым словом. По проблемам демографии издаются профессиональные и научно-популярные монографии, статьи, реализуются специальные проекты, в которых авторы

предлагают пути решения имеющихся в России проблем демографического развития. Несмотря на то что эти проблемы касаются всего населения, авторы убеждены, что именно женская его часть в значительной мере определяет перспективы демографического статуса страны. Поэтому в статье основное внимание уделяется объективным и субъективным факторам демографического потенциала женского населения России.

Наиболее необходимые и благоприятные изменения в демографической сфере могут происходить лишь с учетом понимания особенностей современного состояния женского потенциала, а также ориентации женщин на материнство, которое в настоящее время претерпевает значительную трансформацию. Современные функции женщин чрезвычайно многообразны, и функция матери включена в этот конкурентный состав. Наша цель состояла прежде всего в оценке современного потенциала женского населения, который позволяет определить его состояние в будущем и возможности улучшения демографического эффекта. Это дает возможность охарактеризовать объективные условия для демографического развития. Кроме того, особое внимание уделялось выявлению характера и особенностей репродуктивного поведения женщин России, которое определяет субъективные взгляды и намерения женской популяции на перспективу. Данный подход способствует актуализации тематики женского демографического потенциала в контексте его специфики, что позволяет научно обоснованно и детально подойти к разработке неотложных мер демографического развития современного российского общества.

Методология и методы исследования

В своих подходах к анализу объективных и субъективных факторов демографического потенциала женского населения России авторы руководствовались рядом исследований специалистов, которые в своих теоретических и прикладных положениях помогли сформировать логику нашего проекта. Во-первых, это работы известного генетика В. А. Геодакяна, который еще в середине 1960-х гг. в статье «Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации» объяснил существование специализации, или так называемой асимметрии, женского и мужского пола в воспроизводстве следующего поколения, согласно которой «количественная сторона воспроизводства связана в основном с количеством самок в популяции, а качественная сторона воспроизводства — с количеством самцов» [Геодакян, 1965: 107]. Данный вывод является важным на современном этапе объяснения проблем демографического развития, а также для более глубокой и научно обоснованной проработки мер демографической политики. Позже, в период формирующейся депопуляции, В. А. Геодакян в статье «Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение» отметил, что правильная социальная концепция пола нужна для решения проблем рождаемости и смертности, семьи и воспитания, профориентации и профессионального преферендума. Такая концепция должна строиться на естественной биологической основе, поскольку без понимания биологических, эволюционных ролей мужского и женского пола нельзя правильно определить их социальные роли [Геодакян, 1994].

Во-вторых, демографический потенциал женского населения рассматривается как с позиций общенаучной терминологии, так и на основе специальных исследований. В первом случае, согласно М. А. Романовой, «под потенциалом, потенциальным или потенцией практически всеми, кто пытался раньше или пытается в наши дни дать точное определение соответствующим понятиям, всегда понималось и понимается нечто такое, что не реализовано, что имеется, но частично или полностью практически не использовано» [Романова, 2011: 116]. В этом отношении демографический потенциал женского населения можно рассматривать как феномен, который на основе детального исследования и выявления механизмов его реализации можно увеличить за счет усиления влияния обуславливающих его факторов.

Во втором случае, согласно Е. А. Реановичу, общий научный термин «потенциал» трансформируется в другие термины, значение которых он принимает в разные периоды его рассмотрения. В прошлом термин «потенциал» имел значение «ресурс», в настоящем — «резерв», а в будущем — «возможности» [Реанович, 2012]. На наш взгляд, это наиболее обоснованное понимание понятия «потенциал», во всяком случае в контексте логики нашего исследования. Так как демографический потенциал женского населения России сформирован прошлыми демографическими процессами, он характеризуется современными признаками и определяет демографические перспективы будущего.

В-третьих, научный интерес представляют работы ученых, которые исследуют различные аспекты факторов репродуктивного поведения российских женщин [Артюхина и др., 2020; Архангельский и др., 2021; Ростовская и др., 2023; Rostovskaya et al., 2023], динамику воспроизводства человеческого капитала на основе факторного анализа [Базуева, 2015], перспективы развития демографической ситуации в России [Ильшев, Багирова, 2008], теорию гендерного перехода [Калабихина, 2012]. Были учтены научные разработки авторов, исследующих вопросы демографического потенциала в других странах [Комиссарова, 2015; Ермольева, Кудеярова, 2021; Злотников, 2022].

В качестве объективных факторов демографического потенциала женского населения России в данном исследовании мы принимаем комплекс его прошлых и настоящих характеристик: количественные и структурные параметры женской популяции и динамику их изменения. Авторами изучены численность женского населения, ее динамика в межпереписной период, возрастные характеристики, структура детности всей женской популяции и женщин, состоящих в браке, а также прогнозные данные о численности женского населения до 2046 г. В качестве субъективного фактора демографического потенциала женщин России в работе рассматривается характер репродуктивного поведения женского населения России на основе анализа данных Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения Росстата 2012, 2017 и 2022 гг., исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведенного в конце 2019 г. — начале 2020 г. коллективом ученых ИДИ РАН под руководством Т. К. Ростовской [Ростовская и др., 2021], а также авторского исследования репродуктивных намерений молодежи «Демографический портрет молодежи стран ЕАЭС: планы, оценки, суждения» [Демографический портрет... , 2021].

Результаты исследования

Современное состояние женской популяции в России в контексте имеющегося демографического ресурса можно оценить на основе статистических данных, в частности по результатам переписей населения. По данным Всероссийской переписи населения России 2020 г., численность российских женщин достигла 78,7 млн человек, что составляет 53,5 % от общей численности населения. В сравнении с прошлым десятилетием женская часть населения России возросла. В 2010 г. численность женщин составляла 76,8 млн человек с удельным весом 53,8 % в общей численности. Однако общий позитивный тренд роста численности женской популяции в России формируется за счет роста продолжительности жизни и увеличения доли женщин в старших возрастах.

Перепись 2020 г. показала, что численность женской популяции в репродуктивных возрастах (15—49 лет) составляет 35,6 млн человек. В общем количестве женского населения репродуктивный потенциал женщин России меньше половины — 45,3 %. Более того, увеличился медианный возраст женского населения с 41,0 года в 2010 г. до 43,1 года в 2020 г. Это свидетельствует об ухудшении объективных условий формирования женского потенциала в контексте демографического развития.

О негативном векторе структурных трансформаций женской популяции в современный период свидетельствуют факты, основанные на сравнении данных двух последних переписей населения.

Прежде чем представить результаты анализа за межпереписной период, отметим важную особенность последней переписи населения России — 2020 г. Дело в том, что в настоящее время переписная статистическая база характеризуется недостаточным учетом демографических событий. Так, в 2020 г. женщины, не указавшие в переписных листах число рожденных детей, составляли почти 18 млн человек. Их количество, по сравнению со Всероссийской переписью населения 2010 г., увеличилось в 5 раз. Такая же ситуация наблюдается и по другим показателям, что подвергает сомнению достоверность переписных данных и усложняет возможности сравнительного анализа.

Если опустить вышеуказанную специфику, то можно сделать вывод, что численность женщин старше 15 лет в России стала почти на 2 % больше. Существенным образом — на 22 % — сократилась численность женщин старше 15 лет, указавших число рожденных ими детей. Важным позитивным трендом прошедшего межпереписного периода стало сокращение женской бездетности. Число бездетных женщин сократилось более чем на 4 млн человек, или на 32 %. Это еще одно свидетельство положительного влияния демографической политики.

В то же время, несмотря на рост численности женщин старше 15 лет, в межпереписной период ухудшились количественные параметры структуры детности: на 20 % сократилось число женщин, имеющих 1 ребенка, на 17 % — 2 детей. Существенно — на 20 % — сократилось число многодетных матерей, имеющих 3 и более детей. Если в 2010 г. у российских женщин старше 15 лет совокупное число рожденных детей составляло 91,7 млн человек, то в 2020 г. этот показатель снизился до 73,9 млн человек. Таким образом, в межпереписной период Россия утратила более 17 млн потенциально нерожденных детей, которые, в свою очередь, могли бы стать родителями.

Подобные выводы можно сделать и относительно структуры детности российских женщин, состоящих в браке. Во-первых, в межпереписной период более

чем на 3 млн человек, или на 10 %, сократилось число женщин, состоящих в браке. Во-вторых, численность бездетных женщин, находящихся в брачном союзе, также сократилась на 655 тыс. человек, или на 22 %, что является менее позитивным результатом по сравнению с общей совокупностью женского населения. В-третьих, произошло сокращение числа женщин, родивших детей, по всей структуре детности. К 2020 г. на 27 % уменьшилось число женщин, находящихся в браке и родивших 1 ребенка, на 21 % уменьшилось число замужних женщин, родивших 2 детей. А вот численность женского населения, состоящего в браке и родившего 3 и более детей, снизилась менее всего — примерно на 10 %. Последнее обстоятельство свидетельствует, что нахождение женщины в брачном союзе способствует сохранению многодетного вектора демографического развития.

Кроме того, брачный статус женщины повышает вероятность улучшения суммарного коэффициента рождаемости, так как если в 2010 г. этот показатель для всего женского населения составлял 1,469 детей на 1 женщину, а в 2020 г. — 1,500, то для женщин, состоящих в браке, он был выше и в 2010 г. (1,682), и в 2020 г. (1,718). Однако в целом общее число детей у женщин, состоящих в браке, резко снизилось к 2020 г. — на 20 %, что привело к невосполнимой вероятной утрате нерожденных детей в размере более 10 млн человек.

Существенное увеличение возраста матерей, родивших первенца, которое зафиксировано в межпереписной период, а также сокращение на 6,5 млн женщин, родивших первенца в самый активный репродуктивный возраст (20—24 лет), создают предпосылки к ухудшению демографического потенциала российских женщин.

К 2020 г. возросло число матерей, родивших первенца после 30 лет. Их количество увеличилось примерно на 1 млн человек. Однако позднее материнство априори снижает вероятность многодетности, что негативно сказывается на демографических трендах.

Зафиксированные в межпереписной период негативные факторы, влияющие на демографический потенциал женского населения России, усугубляются и прогнозными тенденциями. Так, по данным среднего варианта демографического прогноза Росстата, который был рассчитан до 2046 г. *, численность женской когорты, как, впрочем, и мужской, непрерывно снижается. По сравнению с 2023 г. количество женского населения России снизится к 2030 г. на 1,645 млн человек, к 2035 г. — на 2,766 млн, к 2040 г. — на 3,575 млн, к 2046 г. — на 4,493 млн человек. В целом за весь прогнозный период женское население России сократится почти на 6 %, что больше, чем сокращение мужского населения. Несмотря на то что по этому варианту прогноза суммарный коэффициент рождаемости к 2046 г. может возрасти до 1,663 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста, его величина все равно не достигнет уровня простого воспроизводства населения, а следовательно, стабилизация демографической ситуации в стране затрудняется.

Таким образом, как в прошлом, настоящем, так и в перспективе существуют серьезные *объективные факторы*, господство которых ухудшает демографический потенциал женского населения России.

К *субъективным факторам* демографического потенциала, определяющим вероятную динамику рождаемости и, как следствие, численности населения, относятся репродуктивные намерения людей. Для их выявления в социологические опросы традиционно включаются вопросы о желаемом, ожидаемом и

* URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 01.12.2023).

идеальном числе детей. Данные вопросы были заданы студенческой молодежи в рамках исследования «Демографический портрет молодежи стран ЕАЭС: планы, оценки, суждения» (2021 г.). Анализ результатов опроса в 9 городах России показал, что современная студенческая молодежь ориентирована на рождение 2 детей. При этом репродуктивные планы девушек и юношей имеют ряд значимых отличий. Так, в отношении планируемого и желаемого числа детей юноши демонстрируют более полярные суждения, чем девушки. Если они выбирают малодетную модель семьи, то однодетный выбор делается несколько чаще, чем среди женщин, которые делят предпочтения между однодетной и двухдетной моделью. Если же планируют стать многодетными отцами, то заметно чаще ориентированы на рождение детей «большой очередности» (5 и более), в то время как девушки останавливают свой выбор на трехдетной модели. Вместе с тем, говоря об идеальной детности, мужчины выражают более оптимистичные взгляды, чем женщины. Косвенно это может свидетельствовать о том, что женщины, скорее всего, включают в данную модель, помимо экономических факторов, оценку текущих бытовых условий, затрат времени и сил на уход и воспитание ребенка, а также другие критерии.

Наиболее вероятный сценарий динамики рождаемости — это вариант, демонстрируемый женским населением. С одной стороны, он выше показателя простого воспроизводства населения. С другой — при реализации репродуктивных планов имеется большая вероятность, что он скорректируется в значительно меньшую сторону, а в условиях сокращения женского населения это осложнит увеличение численности населения страны, связанное с естественным приростом.

Аналогичные тенденции репродуктивного поведения населения показывают результаты опроса «Демографическое самочувствие россиян». В них прослеживаются ранее выявленные тренды, а именно: более позитивные репродуктивные установки мужской части респондентов по сравнению с женской, а также более полярные взгляды на ожидаемую и желаемую детность у мужчин и более концентрированные у женщин. Вместе с тем результаты опроса показывают, что женщины заметно чаще демонстрируют определенность в выборе модели детности по сравнению с мужчинами (вариант «трудно сказать» выбрали 10,4 % женщин и 14,9 % мужчин при ответе на вопрос о желаемом числе детей, 15,3 и 18,6 % соответственно при ответе на вопрос об ожидаемом числе детей) [Ростовская и др., 2021].

Наиболее масштабными исследованиями репродуктивного поведения в России являются Выборочные наблюдения репродуктивных планов населения, проводимые Росстатом (2012, 2017, 2022 гг.) [Выборочное наблюдение...]. В то же время эти обследования дают картину перспектив возможностей для развития демографического женского потенциала в будущем. Так, если судить по ответам женщин об их репродуктивных намерениях в отношении рождения ребенка, можно заметить, что демографический потенциал женщин имеет тенденцию к сокращению.

С течением времени увеличивается доля женщин, не имеющих детей, которые не собираются становиться матерями: с 12,2 % в 2012 г. до 16,1 % в 2017 г. и до 20,1 % в 2022 г. Доля женщин, имеющих одного ребенка и отказавшихся иметь второго, составляла в 2012 г. 37,3 %, в 2017 г. — 43,8 %, а в 2022 г. — уже больше половины, 53,6 %. Преобладают женщины, не желающие родить следующего по очередности ребенка, и среди тех, кто уже имеет 2 и 3 детей. Таких женщин в

целом становится все больше. Это свидетельствует о том, что в российском обществе перспективные возможности развития демографического потенциала женщин на данном этапе ограничены [там же].

Как отмечалось ранее, реализация репродуктивных планов тесно связана с брачным статусом человека. В связи с этим был проведен анализ результатов авторского опроса («Демографический портрет молодежи стран ЕАЭС: планы, оценки, суждения») о зависимости ожидаемого числа детей от matrimониальных установок молодежи (табл. 1).

Таблица 1

Сопряженность ответов на вопросы «В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего вступить в брак?», лет, и «Сколько детей Вы собираетесь иметь?», % от общего числа женщин

В каком возрасте... вступить в брак?	Сколько детей Вы собираетесь иметь?								
	1	2	3	4	5	6	8	9	12
Никогда	0,3	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
16—18	0,0	0,3	0,7	0,2	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0
19—20	0,5	3,9	5,4	2,3	0,5	0,2	0,0	0,2	0,2
21—25	5,1	38,3	21,9	4,2	1,5	0,3	0,2	0,0	0,0
26—30	2,9	6,2	2,8	0,5	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0
31—40	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Все равно	0,3	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Большинство женщин предпочитают вступить в брак в 21—25 лет и иметь 2 детей (38,3 %). Двухдетный выбор также чаще, чем другие варианты детности, делали респондентки, называющие наилучшим возрастом вступления в брак 26—30 лет и 31—40 лет. Вероятнее всего, эта группа девушек осознает, что, вступив в брак в более позднем возрасте, они успеют реализовать свои немногодетные репродуктивные планы. Вместе с тем у респонденток, ориентированных на заключение брака в более ранних возрастах (16—18 и 19—20 лет), наиболее популярным вариантом ответа об ожидаемом числе детей было 3 ребенка. Таким образом, желая раньше вступить в брак, молодые женщины стремятся реализовать себя в материнстве, родив большее количество детей. Вероятен и другой вариант: желая родить большее количество детей, девушки стремятся раньше создать семью. В то же время установки женщин на самореализацию, построение карьеры и достижение общественного успеха ведут к откладыванию срока вступления в брак и рождения детей.

Согласно данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг., в России увеличивается доля незарегистрированных брачных союзов. Как свидетельствуют результаты авторского исследования, это оказывает негативное влияние на демографический потенциал женского населения (табл. 2).

Таблица 2

Сопряженность ответов на вопросы «Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?» и «Сколько детей Вы собираетесь иметь?»,
% от выбравших каждый вариант ответа на вопрос о жизни вне зарегистрированного брака

Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?	Сколько детей Вы собираетесь иметь?				
	1	2	3	4	5 и более
Считаю допустимой до рождения ребенка	9,7	57,1	27,0	3,8	2,5
Считаю допустимой в любом случае	15,8	53,5	24,8	4,0	2,0
Считаю совершенно недопустимой	4,8	34,6	40,4	14,9	5,3

Так, девушки, считающие, что совместная жизнь вне зарегистрированного брака возможна до рождения ребенка, а также возможна в любом случае, в большинстве ориентированы на рождение 2 детей. Однако выбравшие второй вариант чаще планируют иметь лишь одного ребенка и реже — становиться многодетными матерями. Женщины, не допускающие совместной жизни вне зарегистрированного брака, в существенно большем числе случаев предполагают иметь 3 и более детей. Таким образом, распространение идеи о традиционных семейных ценностях способно положительно повлиять на демографический потенциал и демографическое развитие страны.

Выводы

Можно констатировать, что на современном этапе потенциал важнейшей части населения России — женщин обусловлен негативным развитием как объективных, так и субъективных факторов. Снижается репродуктивная часть женской популяции, увеличивается медианный возраст женщин, сокращаются численность женщин, находящихся в браке, а также имеющих детей, в том числе в брачном союзе, и когорты женщин, рожаящих первенца в наиболее активном репродуктивном возрасте (20—24 лет). В перспективе до 2046 г. ожидается абсолютное снижение численности женской популяции России, что предполагает усугубление воздействия объективных факторов на демографический потенциал России.

Проявление субъективного фактора, который характеризуется репродуктивным поведением женского населения страны, заключается в формировании менее детной структуры семей. По сравнению с мужчинами женщины в молодых возрастах имеют менее оптимистичную модель детности, которая больше приближена к реальному осуществлению репродуктивных намерений. Продолжают расти показатели отказа от материнства, в 2022 г. на отсутствие намерений родить ребенка указала каждая 5-я женщина, не имевшая ни одного ребенка.

В целях повышения демографического женского потенциала в российском обществе более 15 лет проводится активная демографическая политика, основанная на идее материнского капитала, расширяются государственные меры социальной поддержки семей с детьми. Полагаем, что в поисках новых кардинальных подходов к решению «системообразующей проблемы» целесообразно существенным образом пересмотреть социально-экономическую основу российского материнства, в том числе многодетного материнства. Женщины-матери должны

обладать непререкаемым и значимым преимуществом как в экономическом, социальном, так и в правовом аспектах. Лишь такой подход может вывести демографический потенциал женского населения России на путь развития.

Список источников

- Артюхина В. А., Нагайцев В. В., Шрайбер А. Н.* Социологическая оценка основных факторов репродуктивного поведения современных российских женщин // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2020. № 3. С. 251—259.
- Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н.* Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. вып. С. 3—24.
- Базуева Е. В.* Факторный анализ динамики воспроизводства человеческого капитала в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2015. № 2. С. 47—57.
- Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения // Росстат. URL: <https://40.rosstat.gov.ru/folder/93820> (дата обращения: 01.11.2023).
- Геодакян В. А.* Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1, вып. 1. С. 105—112.
- Геодакян В. А.* Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен: материалы Международной конференции. М., 1994. С. 8—17.
- Демографический портрет молодежи стран ЕАЭС: планы, оценки, суждения: свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621951 Рос. Федерация / С. Ю. Сивоплясова, Е. П. Сигарева. № 2021621841; заявл. 30.08.2021; опубл. 14.09.2021.
- Ермольева Э. Г., Кудярова Н. Ю.* Испания в многомерном кризисе: социальная проекция демографических тенденций // Современная Европа. 2021. № 4. С. 129—139.
- Злотников А. Г.* Истоки нового витка депопуляции в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. С. 36—48.
- Ильишев А. М., Багирова А. П.* Демографическая ситуация в России до 2025 года: вызовы времени и альтернативность развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 6. С. 7—19.
- Калабихина И. Е.* Экономико-демографическое развитие. Гендерный переход: теория, индексы, прогнозы, политика. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 380 с.
- Комиссарова Ж. Н.* Эволюция демографических ресурсов Франции // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 2. С. 34—40. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2015/2015-02/evolyuciya-demograficheskikh-resursov-francii> (дата обращения: 15.11.2023).
- Реанович Е. А.* Смысловые значения понятия «потенциал» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7, ч. 2. С. 14—15.
- Романова М. А.* Потенциал как общенаучное понятие // Инновации в образовании. 2011. № 2. С. 113—125.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.* Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32—42.
- Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Архангельский В. Н. и др.* Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад — 2020. М.: Перспектива, 2021. 214 с.

Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N., Kholina V. N. Factors shaping the reproductive behavior of young families in Russia: data triangulation // *Changing Societies & Personalities*. 2023. Vol. 7, № 1. P. 72—87.

References

- Arkhangel'skiĭ, V. N., Rostovskaia, T. K., Vasil'eva, E. N. (2021) Vliianie urovnia zhizni na reproduktivnoe povedenie rossiian: gendernyi aspekt [Influence of the standard of living on the reproductive behaviour of Russians: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, special iss., pp. 3—24.
- Artiukhina, V. A., Nagaitsev, V. V., Shraiber, A. N. (2020) Sotsiologicheskaya otsenka osnovnykh faktorov reproduktivnogo povedeniia sovremennykh rossiiskikh zhenshchin [Sociological assessment of the main factors of modern Russian women reproductive behaviour], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniia*, no. 3, pp. 251—259.
- Bazueva, E. V. (2015) Faktornyi analiz dinamiki vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala v sovremennoi Rossii [Factor analysis of the dynamics of human capital reproduction in modern Russia], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, seriia Sotsial'nye nauki, no. 2, pp. 47—57.
- Ermol'eva, E. G., Kudeiarova, N. Iu. (2021) Ispaniia v mnogomernom krizise: sotsial'naya proektsiia demograficheskikh tendentsii [Spain in a multidimensional crisis: a social projection of demographic trends], *Sovremennaiia Evropa*, no. 4, pp. 129—139.
- Geodakian, V. A. (1965) Rol' polov v peredache i preobrazovanii geneticheskoi informatsii [The role of gender in the transmission and transformation of genetic information], in: *Problemy peredachi informatsii*, vol. 1, no. 1, pp. 105—112.
- Geodakian, V. A. (1994) Muzhchina i zhenshchina. Èvoliutsionno-biologicheskoe prednaznachenie [Men and women. Evolutionary biological purpose], in: *Zhenshchina i svoboda. Puti vybora v mire traditsii i peremen: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*, Moscow, pp. 8—17.
- Ilyshev, A. M., Bagirova, A. P. (2008) Demograficheskaya situatsiia v Rossii do 2025 goda: vyzovy vremeni i al'ternativnost' razvitiia [Demographic situation in Russia until 2025: challenges of the time and alternative development], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, no. 6, pp. 7—19.
- Kalabikhina, I. E. (2012) *Èkonomiko-demograficheskoe razvitie. Gendernyi perekhod: Teoriia, indeksy, prognozy, politika* [Economic and demographic development. Gender transition: Theory, indices, forecasts, policy], Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Komissarova, Zh. N. (2015) Èvoliutsiia demograficheskikh resursov Frantsii [The evolution of France's demographic resources], *Mirovoe i natsional'noe khoziaistvo*, no. 2, pp. 34—40, available from <https://mirec.mgimo.ru/2015/2015-02/evolyuciya-demograficheskikh-resursov-frantsii> (accessed 15.11.2023).
- Reanovich, E. A. (2012) Smyslovye znacheniiia poniatii "potentsial" [The semantic meanings of the concept "potential"], *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skiĭ zhurnal*, no. 7, pt. 2, pp. 14—15.
- Romanova, M. A. (2011) Potentsial kak obshchenauchnoe poniatie [Potential as a general scientific concept], *Innovatsii v obrazovanii*, no. 2, pp. 113—125.
- Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinkie materi v rossiiskom obshchestve: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Rostovskaia, T. K., Shabunova, A. A., Arkhangel'skiĭ, V. N. et al. *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional'nyi demograficheskii doklad — 2020* (2021) [Demographic well-being of Russian regions: National demographic report — 2020], Moscow: Perspektiva.

- Rostovskaia, T. K., Vasil'eva, E. N., Kholina, V. N. (2023) Factors shaping the reproductive behavior of young families in Russia: data triangulation, *Changing Societies & Personalities*, vol. 7, no. 1, pp. 72—87.
- Sivoplyasova, S. Yu., Sigareva, E. P. (2021) *Demograficheskiĭ portret molodëzhi stran EAËS: plany, otsenki, suzhdeniia*: Svidetel'stvo o gosudarstvennoĭ registratsii bazy dannykh no. 2021621951 Rossiiskaia Federatsiia [Demographic portrait of youth in the EAEU countries: plans, assessments, judgments: Certificate of state registration of the database no. 2021621951 Russian Federation], no. 2021621841, zaiavleno 30.08.2021, opublikovano 14.09.2021.
- Vyborochnoe nabliudenie reproductivnykh planov naseleniia [Selective observation of reproductive plans of the population], *Rosstat*, available from <https://40.rosstat.gov.ru/folder/93820> (accessed 01.11.2023).
- Zlotnikov, A. G. (2022) Istoki novogo vitka depopulatsii v Belarusi [The origins of a new round of depopulation in Belarus], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiia*, no. 2, pp. 36—48.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Сigareва Евгения Петровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела рождаемости и репродуктивного поведения, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, sigarevae@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher at the Department of Fertility and Reproductive Behavior of the Population, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Сивоплясова Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела рождаемости и репродуктивного поведения, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия, svetlankamos84@rambler.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Fertility and Reproductive Behavior of the Population, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Economic Theory and Applied Economics, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 43—54.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 43—54.

Научная статья

УДК 316.356.2(091):94(470+571)“1936/1955”

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.4

**СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СССР (1936—1955):
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Ольга Анатольевна Хасбулатова, Инна Николаевна Смирнова

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации семейной политики в СССР в 1936—1955 гг. На основе документальных и статистических источников сделан вывод о том, что утопические идеи и авторитарные методы государственного управления семьей в обозначенный исторический период оказали отрицательное воздействие на становление семьи как социального института. В идеологии женского вопроса партия большевиков четко определила потенциал женщин: общественное производство, обслуживание семьи, рождение и воспитание детей. Развитие института брака носило формальный характер. Запрещение аборт, другие административные меры регулирования брачно-семейных отношений не оказали заметного воздействия на воспроизводство населения. В целом исследование показало, что росту рождаемости могут способствовать не запреты, а повышение уровня жизни семей, их уверенность в завтрашнем дне, в возможностях успешно сочетать семейные и производственные обязанности. Эти исторические уроки не потеряли своей актуальности.

Ключевые слова: семейная политика в 1936—1955 гг., новое законодательство о браке и семье, запрет абортов, административная система управления семьей

Для цитирования: Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Семейная политика в СССР (1936—1955): историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 43—54.

Original article

FAMILY POLICY IN THE USSR (1936—1955): HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Olga A. Khasbulatova, Inna N. Smirnova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, oax37@mail.ru

Abstract. The article examines the process of transformation of family policy in the USSR in 1936—1955. Based on documentary and statistical sources, it was concluded that utopian ideas and authoritarian methods of state management of families during the designated historical period had a negative impact on the formation of the family as a social institution. In the ideology of the women's issue, the Bolshevik Party clearly defined the potential of women: social production, family service, giving birth, and raising children. The development of the institution of marriage was formal. The ban on abortion and other administrative measures to regulate marriage and family relations did not have a noticeable impact on population reproduction. In general, the study shows that the growth of the birth rate can be promoted not by prohibitions, but by an increase in the standard of living of families, their confidence in the future, as well as in the ability to successfully combine family and work responsibilities. These historical lessons have not lost their relevance.

Key words: family policy in 1936—1955, new legislation on marriage and family, ban on abortion, administrative system of family management

For citation: Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024) *Semeĭnaia politika v SSSR (1936—1955): istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family policy in the USSR (1936—1955): historical and sociological analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—54.

Введение

В современном обществе не утихают дискуссии о направлениях государственной политики, связанных с повышением рождаемости: от материальной поддержки до мер административного воздействия на семью. Для российского общества это не новая проблема. На различных исторических этапах Советское государство использовало разнообразные технологии взаимодействия с семьей. В этой связи представляется актуальным обратиться к историческому опыту 1936—1955 гг., с тем чтобы на основе социальной практики прошлого выявить закономерности реализации семейной политики, которые не теряют актуальности для последующих поколений.

Статья посвящена научному анализу социальных процессов в Советском Союзе в период 1936—1955 гг., который в исторической науке обозначен как «новая семейная политика». Процесс формирования семейной и демографической политики в условиях нового, социалистического строя получил широкое освещение в трудах ученых в области демографии, социологии и истории [Харчев, 1964; Вишнеvский, 1982; Вишнеvский и др., 1992; Демографическая модернизация России... , 2006; Хасбулатова, Смирнова, 2008; Романов, Ярская-Смирнова, 2009; Гуполов, 2012; Циткилов, 2019; Захаров, 2022; Мицюк и др., 2024].

Сущность и историческая значимость процессов на обозначенном этапе выявлены на основе изучения событий 1936—1955 гг., закономерностей их функционирования и развития с использованием хронологического и проблемно-аналитического методов, контент-анализа документальных источников.

Исторический анализ и осмысление внутренней политики государства на этапе 1936—1955 гг. осуществлялись в контексте ее влияния на социальный статус советских женщин в сфере брачно-семейных отношений (браки, разводы, контроль за рождаемостью). С целью изучения общественного мнения женщин были проанализированы их письма и выступления, которые публиковались в 1935—1936 гг. в издававшемся периодическом журнале «Работница». Всего было проработано 48 номеров журнала. В качестве методологического подхода авторами использован историко-социологический метод исследования. На основе детального изучения жизни женщин-работниц, их мнения о запрете абортов сделан вывод о роли государственного управления в формировании мировоззрения населения в обозначенный исторический период.

Полагаем, что научное осмысление процессов реализации семейной политики в 1936—1955 гг. может представлять интерес не только для ученых, но и для специалистов в области управления данной политикой.

Начальный этап формирования семейной политики

В первые десятилетия советской власти лидеры нового государства, разрабатывая концепцию равноправия полов, признавали только одну модель жизненной стратегии женщины — сочетание профессионального труда и материнства. В работах В. И. Ленина содержались идеи о необходимости государственной поддержки функции материнства с тем, чтобы женщина могла сочетать производственную и семейную роли. Поддержка материнства со стороны государства, охрана труда женщин, воспитывающих малолетних детей, были обозначены как необходимые условия фактического равноправия полов [Ленин, 1961: 364; Ленин, 1963а: 201; Ленин, 1963б: 369]. Первые декреты советской власти «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. и «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. отменили церковный порядок заключения брака, ввели гражданский брак, сделали развод доступным и уравнили мужчин и женщин в праве его инициировать [О гражданском браке... , 1917; О расторжении брака, 1917]. Важное значение для разрыва со старыми семейными традициями имело признание за женщиной и мужчиной равных прав при выборе семейной фамилии. В 1920 г. постановлением Народного комиссариата здравоохранения были легализованы аборты. В середине 1920-х гг. брачно-семейное законодательство было реформировано, что внесло значительные изменения в прежний уклад семейной жизни. Семейные кодексы, принятые в 1918 и 1926 гг., были направлены на достижение равноправия супругов в выборе места жительства, возможности иметь раздельное имущество, требования при разводе алиментов для своего содержания. Наиболее заметным изменением стало придание юридического значения гражданскому сожительству, которое приравнивалось к юридически зарегистрированному браку. Кодекс 1926 г. установил права на алименты, возможность лишения родительских прав [О введении в действие... , 1926]. Социальное обеспечение материнства, социальная поддержка,

охрана труда женщин, воспитывающих малолетних детей, были обозначены как необходимые условия фактического равноправия полов.

Одновременно руководителями нового государства разрабатывалась концепция решения женского вопроса, которая изначально содержала утопические идеи. Идеологами Советского государства выдвигалась идея освобождения матерей и от воспитания детей. Н. К. Крупская писала по этому поводу: «Когда говорят об общественном воспитании детей, то под этим понимают то, что забота о воспитании детей будет снята с родителей и что общество обеспечит ребенку не только средства к существованию, но будет заботиться о том, чтобы у него было все, что необходимо для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться» [Крупская, 1926: 32].

В защиту коллективного воспитания детей выступала А. М. Коллонтай. По ее мнению, воспитание детей в семье неэффективно с точки зрения интересов государства, поскольку в семье могут передаваться «буржуазные ценности». В то же время в общественных детских учреждениях детям будут прививать черты и навыки, которые нужны строителям коммунизма [Коллонтай, 1922: 175].

Нарком просвещения А. В. Луначарский также поддерживал идею о передаче функции воспитания детей государству. Он писал: «При этом строе государству будут безразличны формы любовных отношений, а дети, которые могут родиться, будут материально и нравственно поддержаны обществом» [Луначарский, 1927: 5—6]. Так, в Программе ВКП(б), принятой VIII съездом партии в 1919 г., указывалось, что, «не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.» [КПСС в резолюциях... , 1970: 77]. Следует отметить, что в трудах основателей Советского государства о новой семье и воспитании детей отец как субъект родительских отношений не упоминался. Вся ответственность за воспитание детей и уход за ними лежала на женщине.

Массово вовлекая женщин в общественное производство, государство провозгласило себя ответственным не только за решение таких важных вопросов, как количество рождаемых детей, их воспитание, но и за обустройство быта, ведение домашнего хозяйства. В основу организации семейного быта руководители нового государства положили утопические идеи обобществления домашнего хозяйства. В условиях низкого продовольственного снабжения страны партийные комитеты ставили задачу перед органами управления организовать на первом этаже в домах-коммунах общие столовые и общее место для пребывания детей. Однако эта идея не была осуществлена по причинам непопулярности среди семей и финансовых трудностей у органов управления. Государство взяло на себя также обязанность создать систему общественного воспитания детей, стала развиваться сеть детских дошкольных учреждений с круглосуточным пребыванием детей. Однако число воспитанников в них было невелико. Так, в 1924 г. в СССР было открыто всего 1036 дошкольных учреждений, где пребывало 42 тыс. детей. В сельской местности сеть детских учреждений отсутствовала [Предварительные итоги... , 1924: 23].

Рост численности населения в городах, борьба с кулачеством, осуществляемая насильственными методами коллективизация в сельском хозяйстве имели тяжелые последствия для населения в виде разрушения обычной жизни крестьян, нерешенности их социальных проблем, нищеты городского населения [Кондрашин, 2009]. Поставки зерна на экспорт, невыполнение плана хлебозаготовок в начале 1930-х гг. привели к массовому голоду населения на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге. Непомерные для женского организма физические нагрузки и неудовлетворительные материально-бытовые условия на производстве, трудности быта, отсутствие детских садов в сельской местности стали препятствием в повышении уровня рождаемости в городах и сельских районах страны. Статистика отмечала, что в 1930 г. в СССР родилось на 2,4 млн детей меньше, чем в 1927 г. [Андреев и др., 1993: 40]. По оценкам ученых, только в Поволжье демографические потери в 1932—1933 гг. за счет уменьшения рождаемости составили 115 665 человек [Население России... , 2000: 274]. Причины создавшегося положения следовало искать в низком уровне жизни населения, однако органы управления выбрали административный путь решения проблемы. В 1926 г. в России были полностью запрещены аборты впервые забеременевшим женщинам. С 1930 г. операция по искусственному прерыванию беременности стала платной. С этого периода наблюдается тенденция ужесточения семейной политики в СССР.

«Новая семейная политика» в СССР в 1935—1955 гг.

Обозначенный как «новая семейная политика» период отличался от предыдущего рядом характеристик: усилением внимания к поведению членов семьи, расширением форм ее социальной поддержки, ужесточением контроля за рождаемостью, участием государства в воспитании детей. основополагающим документом по обеспечению этой работы стало Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [О запрещении абортов... , 1936]. Постановление 1936 г. имело две цели. С одной стороны, ставилась задача расширить поддержку семей, имеющих детей, путем оказания материальной помощи и увеличения мест в детских учреждениях. С другой стороны, в работу органов управления внедрялись административные меры, направленные на запрет абортов, установление уголовной ответственности за неуплату алиментов и ужесточение законодательства о разводах. Аборты запрещались практически полностью, за их производство в больнице и вне больницы назначалось уголовное наказание. Женщину, которая сделала аборт, ожидало общественное порицание и штраф в размере 300 руб. при средней зарплате 69—90 руб. в месяц.

Таким образом, в середине 1930-х гг. концепция семейной политики кардинально изменилась. Если в 1920-х гг. легализация абортов трактовалась как завоевание социализма, то в 1936 г. она обозначалась как «пережиток буржуазного прошлого». В принятом документе руководство коммунистической партии объясняло введение запретительных мер «недостаточностью культурного уровня

женщин», который не позволил им «исполнять свои обязанности гражданки и матери, ответственной за рождение и первоначальное воспитание своих детей» [там же]. Документ сопровождался разъяснительной работой среди населения, было развернуто движение «За правильную семью», действовали социально-правовые кабинеты по борьбе с абортными для индивидуальной работы с женщинами.

Закон широко обсуждался на страницах газет и журналов. Поскольку в исследуемый период все статьи подвергались жесткой цензуре, дискуссия о запрете абортов была развернута из положительных откликов женщин. Сообщалось, что «эту новую сталинскую заботу о женщине» работницы встретили «с единодушным одобрением и радостью» (Работница. 1936. № 4. С. 5). Все статьи начинались и заканчивались словами благодарности «родной партии» за «заботу о матери и ребенке». Но если вчитаться в тексты статей, то станет ясно: ситуация была не такой радужной, как представляла официальная пресса. Вот что пишет в поддержку запрета абортов М. Добрынина из Перми: «У меня было 9 детей, немало труда вложила я, выращивая такое хозяйство. Все дети приучены ко всяким работам. На своем опыте я учила их, что в жизни надо уметь для себя все делать самому. Дети воспитывались культурно, имели отдельные кровати, полотенца, порошок и зубные щетки. Я сама шила на всю семью, а в тяжелые годы ткала и детей научила этому. Я не советую женщинам делать аборт. Лучше родить» (Работница. 1935. № 12. С. 12—13).

Автором еще одного письма, опубликованного в журнале в 1936 г., является работница Соловьева. Женщина пишет, что работает табельщицей и живет с тремя детьми в общежитии («в сырой и тесной комнатке барака № 2 с тремя детьми»). Она жалуется, что дети постоянно болеют, не имеют кровати, одежды, необходимого питания и ухода. Не имеют хорошего и любящего отца. Автор письма сетует: «Мне всего 28 лет, но я уже кажусь старухой. Я ударница, получаю премии и благодарность, но у меня не хватает сил воспитать троих детишек, дать им приличную одежду, уютную постельку и вкусную пищу. Я всецело одобряю закон о запрещении абортов, но считаю, что нам, одиноким матерям с детишками, нужно оказывать помощь раньше, чем будет семеро детей» (Работница. 1936. № 18. С. 8).

Работница Погудина из Москвы, «приветствуя запрещение абортов», отмечала, что сделала два аборта, но к этому ее побуждали плохие жилищные условия. Она пишет: «Семья у нас пять человек, трое взрослых и двое детей. Живем все в комнате размером четырнадцать квадратных метров. Младший ребенок спит с нами на кровати. И вот вопрос: что я буду делать, если будет еще третий ребенок? Где я смогу устроить так, чтобы ему был воздух и свет?» (Работница. 1936. № 1. С. 5).

Приведем еще одно высказывание участницы собрания рабочих мыльно-косметической фабрики «Свобода» Федотовой: «Все будет, вон сколько денег правительство отпускает! Я сама хочу родить девятого. Из восьмерых у меня в живых осталось только трое. Вот поеду скоро на курорт, отдохну, подлечусь и обязательно рожу, пусть растет четвертый» (Работница. 1936. № 17. С. 9).

Подобных откликов было немало, женщины осторожно, языком Эзопа, высказывали сомнения в целесообразности запрета абортов. Анализ показывает, что

в обозначенный исторический период органы управления определили субъектом поддержки многодетных матерей только государство. С помощью печати в массовом сознании формировался отрицательный образ отца как непорядочного человека, пьющего, бьющего жену или бросившего семью, уклоняющегося от уплаты алиментов. На страницах женской печати мужчин представляли злодеями, которым безразлична судьба собственных детей. В журналах публиковались подборки писем читательниц под общим заголовком «Подстрекатели аборт» с рассказами о мужьях, которые провоцируют жен на аборт, уклоняются от уплаты алиментов, не занимаются воспитанием детей. На этом фоне меры по ужесточению закона о разводе (обязательная явка в суд обоих разводящихся супругов, отметка в паспорте о разводе, повышение размера оплаты регистрации развода) в печати не обсуждались, поскольку воспринимались обществом как составная часть общей кампании в защиту «крепкой семьи». Медицинские работники также поддержали закон о запрете абортов. Таким образом, в массовое сознание прочно закладывался стереотип «правильного» поведения советской женщины: ударный труд на общественном производстве и материнство.

Следует отметить, что в обозначенных решениях правительства, кроме запретительных мер, содержались мероприятия по социальной поддержке семей. С 1936 по 1938 г. в городах и сельской местности были развернуты тысячи коек в родильных домах, расширялась сеть детских садов и яслей, молочных кухонь. С целью поддержки многодетных семей были увеличены пособия по уходу за новорожденными, введены пособия многодетным и одиноким матерям.

Эффект от принимаемых мер был краткосрочным. В 1937—1940 гг. в стране наблюдалось некоторое повышение рождаемости. Вместе с тем нежелание женщин иметь детей приобрело новую форму: стала расти доля неполных абортов, которые были начаты искусственно, с последующей операцией в больнице. В эти же годы возросло число врачей, осужденных за незаконное производство абортов [Денисов, Сакевич, 2014].

В последующий период государственная политика по повышению рождаемости обрастала новыми ограничениями. В ноябре 1941 г. был принят указ об увеличении налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан. В 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР было запрещено установление отцовства детей, рожденных вне брака, что возвращало понятие «незаконнорожденный», эти дети лишались права получить фамилию отца. В соответствии с указом процедура развода стала непростым и дорогостоящим мероприятием, она требовала прохождения через народный и местный суд, оповещения в печати о будущем судебном разбирательстве. В случае развода с супругов взималась плата от 500 до 2000 руб. [Об утверждении положения... , 1956]. В июле 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об установлении почетного звания «Матеро-героиня», учреждении ордена «Материнская слава» и медали Материнства [Об усилении... , 1944]. Реакция женщин на меры государства была неоднозначной. Несмотря на все ограничения, женщины стали прибегать к подпольным абортам, многие из них становились бесплодными. В газетах того времени нередко писали о разоблачениях подпольных абортов и клеймили врачей, которые этим занимались. В последующие годы влияние ограничительных мер стало малозаметным.

В период Великой Отечественной войны и в период голода 1947 г. рождаемость падала.

В послевоенный период условия жизни населения были непростыми. Война нанесла колоссальный урон промышленности и сельскому хозяйству страны. Тысячи городов и десятки тысяч сел были разрушены. Отмена карточной системы, проведение денежной реформы, политика снижения цен позволили повысить покупательную способность населения. Однако первый послевоенный год оказался крайне неблагоприятным по климатическим условиям. Летом 1946 г. сильная засуха охватила Украину, Молдавию, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Центрально-Черноземный район России. В Сибири и на Дальнем Востоке начались затяжные дожди. В результате этих климатических аномалий сбор зерновых культур сократился. Начавшийся голод унес сотни тысяч человек и вызвал массовый отток сельского населения в города. В последующие годы правительство принимало меры по поддержке крестьян, но ситуация оставалась сложной. Уровень доходов крестьянских семей резко сократился. В послевоенные годы государство принимало меры, направленные на рост благосостояния населения, была проведена денежная реформа и отменена карточная система, вводились единые государственные цены на все товары. В целом рост заработной платы советских рабочих и служащих был ниже стоимости жизни. Темпы увеличения численности населения в городах превышали темпы гражданского жилищного строительства. Статистика показывает, что в условиях послевоенного времени значительного роста рождаемости населения не произошло. Если в 1940 г. в СССР родилось 6,1 млн человек, то в 1952 г. — 5,0 млн [О рождаемости и смертности населения СССР в 1952 году].

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. был запущен механизм отхода от запретительных мер. 5 августа 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборт». 23 ноября 1955 г., в период так называемой «оттепели», Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об отмене запрещения абортов» [Об отмене... , 1955]. В документе отмечалось, что «деятельность государства по поощрению материнства и непрерывный рост сознательности и культурности женщин» позволяют отказаться от запрещения абортов в законодательном порядке.

В целом период с 1930-х гг. до середины 1950-х гг. можно охарактеризовать как период жесткого государственного регулирования брачно-семейных отношений. Каков был результат? Цифры роста рождаемости и численности населения в СССР не показывают глобального воздействия законов об абортах на воспроизводство населения в обозначенный исторический период. Советское государство использовало различные технологии контроля за жизнедеятельностью семьи — от разрешения сожительства до запрета абортов. Это был период, когда в семейной политике были усилены государственные меры по ограничению суверенного развития семьи, а интересы государства стали преобладать над личными интересами его граждан. Однако принимаемые запретительные меры в области планирования семьи не доказали своей эффективности.

Исторический опыт показывает, что осуществление важной для государства задачи укрепления семьи и повышения рождаемости в обществе не зависит

от административных факторов. Полагаем, что уроки истории могут быть полезны для формирования концепции новой семейной политики, в которой должны найти свое место улучшение условий жизни, рост благосостояния, формирование у семей уверенности в завтрашнем дне, в наличии всех возможностей для рождения и воспитания детей.

Список источников

- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
- Вишневский А. Г. Воспроизводство населения в обществе: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.
- Вишневский А. Г., Бубнова Е. М., Лукашук Ю. М. и др. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / отв. ред. А. Г. Вишневский; Российская академия наук. М.: Наука, 1992. 138 с.
- Гуполов Ю. В. Формирование института советской семьи как объекта государственной политики, 1917—1940-е гг.: (на материалах РСФСР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 25 с.
- Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое изд-во, 2006. 601 с.
- Денисов Б. П., Сакевич В. И. Очерк истории контроля рождаемости: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика: памяти А. Я. Кваши: сборник статей. М.: Макс Пресс, 2014. С. 12—33.
- Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. № 10. С. 4—43.
- Коллонтай А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства: (лекции, читанные в Университете им. Я. М. Свердлова). М.: Гос. изд-во, 1922. 208 с.
- Кондрашин В. В. Новые документы по истории голода 1932—1933 гг. в СССР // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX — начале XXI в.: материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 61—65.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. М., 1970. Т. 2. 543 с.
- Крупская Н. К. Женщина-работница. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 36 с.
- Ленин В. И. Либеральный профессор о равенстве // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 24. С. 361—364.
- Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1963а. Т. 39. С. 198—205.
- Ленин В. И. Международный день работниц // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1963б. Т. 42. С. 368—370.
- Луначарский А. В. О быте. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 83 с.
- Мицюк А. М., Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. «Освобождение женщины» и семейная политика 1918—1920-х гг.: приобретения и издержки // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.
- Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900—1939. 463 с.
- О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке: Постановление ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 г. (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
- О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния: декрет от 18 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

- О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
- О расторжении брака: декрет от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
- О рождаемости и смертности населения СССР в 1952 году / ЦСУ при Совете Министров СССР. 1953. Д. 460. URL: https://istmat.org/files/uploads/37164/rgae_1562.33.1053_-_5-.pdf?ysclid=lv71te271d617618546 (дата обращения: 09.10.2023).
- Об отмене запрещения абортов: Указ от 23 ноября 1955 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
- Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
- Об утверждении положения о почетном звании «Мать-героиня», статута, положения и описания ордена «Материнская слава» I, II и III степени и медали «Медаль материнства» I и II степени: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М.: Госюриздат, 1956. С. 310.
- Предварительные итоги текущего обследования учреждений народного образования по СССР на 1 января 1924 года // Бюллетень Центрального статистического управления. 1924. № 92. С. 23.
- Романов П. Р., Ярская-Смирнова Е. Р. Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917—1930 годы // Социальная история: ежегодник, 2009. СПб.: Алетейя, 2009. С. 275—295.
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964. 367 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Эволюция государственной политики в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.
- Циткилов П. Я. Процессы институциональной стабилизации семьи в Советской России в 1920-е годы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 1. С. 73—83.

References

- Andreev, E. M., Darsky, L. E., Kharkova, T. L. (1993) *Naselenie Sovetskogo Soiuza, 1922—1991* [Population of the Soviet Union, 1922—1991], Moscow: Nauka.
- Denisov, B. P., Sakevich, V. I. (2014) Oчерк istorii kontroliia rozhdaiushchaia demograficheskaiia politika [Essay on the history of birth control: wandering demographic policy], in: *Razvitie naseleniia i demograficheskaiia politika: Pamiati A. Ya. Kvashi: Sbornik statei*, Moscow: Maks Press, pp. 12—33.
- Gupolov, Yu. V. (2012) *Formirovanie instituta sovetskoi sem'i kak ob'ekta gosudarstvennoi politiki, 1917—1940-e gg.: (Na materialakh RSFSR)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Formation of the institution of the Soviet family as an object of state policy, 1917—1940s: (On materials of the RSFSR): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kharchev, A. G. (1964) *Brak i sem'ia v SSSR: Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia* [Marriage and family in the USSR: Experience of sociological research], Moscow: Mysl'.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2008) *Ėvoliutsiia gosudarstvennoĭ politiki v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskiĭ analiz)* [The evolution of state policy in Russia in the 20th and early 21st centuries: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kollontai, A. M. (1922) *Polozhenie zhenshchiny v ėvoliutsii khoziaĭstva: (Lektsii, chitannye v Universitete imeni Ya. M. Sverdlova)* [The position of women in the evolution of the economy: (Lectures given at the Sverdlov Communist University)], Moscow: Gosugarstvennoe izdatel'stvo.
- Kondrashin, V. V. (2009) *Novye dokumenty po istorii goloda 1932—1933 gg. v SSSR* [New documents on the history of the famine of 1932—1933 in the USSR], in: *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiia Sibiri v XX — nachale XXI v.: Materialy Vserossiĭskoi nauchnoi konferentsii*, Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdeleniia Rossiĭskoi akademii nauk, pp. 61—65.
- Krupskaya, N. K. (1926) *Zhenshchina-rabotnitsa* [Woman worker], Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Lenin, V. I. (1961) *Liberal'nyi professor o ravenstve* [Liberal professor on equality], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 24, Moscow: Gospolitizdat, pp. 361—364.
- Lenin, V. I. (1963a) *O zadakh zhenskogo rabocheho dvizheniia v Sovetskoĭ respublike* [On the tasks of the women's labor movement in the Soviet Republic], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 39, Moscow: Gospolitizdat, pp. 198—205.
- Lenin, V. I. (1963b) *Mezhdunarodnyi den' rabotnits* [International Working Women's Day], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 42, Moscow: Gospolitizdat, pp. 368—370.
- Lunacharsky, A. V. (1927) *O byte* [About everyday life], Moscow: Gosizdat.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Mukhina, Z. Z. (2024) "Osvobozhdenie zhenshchiny" i semeĭnaia politika 1918—1920-kh gg.: priobreteniia i izderzhki ["Women's liberation" and family policy of the 1918—1920s: acquisitions and costs], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—92.
- Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: in 3 vols* (2000) [Population of Russia in the twentieth century: Historical essays], vol. 1: 1900—1939 gg., Moscow: ROSSPĖN.
- Predvaritel'nye itogi tekushchego obsledovaniia uchrezhdeniĭ narodnogo obrazovaniia po SSSR na 1 ianvaria 1924 goda* (1924) [Preliminary results of the current survey of public education institutions in the USSR as of January 1, 1924], *Biulleten' Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniia*, no. 92, p. 23.
- Romanov, P. R., Yarskaya-Smirnova, E. R. (2009) *Ritorika i praktika modernizatsii: sovetskaia sotsial'naia politika, 1917—1930 gody* [Rhetoric and practice of modernization: Soviet social policy, 1917—1930], in: *Sotsial'naia istoriia: Ezhegodnik*, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 275—295.
- Tsitkilov, P. Ya. (2019) *Protssesy institutsional'noi stabilizatsii sem'i v Sovetskoĭ Rossii v 1920-e gody* [The processes of institutional stabilization of the family in Soviet Russia in the 1920s], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 73—83.
- Vishnevsky, A. G. (1982) *Vosproizvodstvo naseleniia v obshchestve: Istoriia, sovremennost', vzgliad v budushchee* [Reproduction of the population in society: History, modernity, look into the future], Moscow: Finansy i statistika.
- Vishnevsky, A. G., Bubnova, E. M., Lukashuk, Yu. M. et al. (1992) *Ėvoliutsiia sem'i i semeĭnaia politika v SSSR* [Evolution of the family and family policy in the USSR], Moscow: Nauka.
- Vishnevsky, A. G. (ed.) (2006) *Demograficheskaia modernizatsiia Rossii, 1900—2000* [Demographic modernization of Russia, 1900—2000], Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Zakharov, S. V. (2022) Istoriiia rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniia k pokoleniiu [The history of births in Russia: from generation to generation], *Demograficheskoe obozrenie*, no. 10, pp. 4—43.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 24.03.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 24.03.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 55—74.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 55—74.

Original article

УДК 314.(5-015+6-011)

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.5

**FERTILITY, MARRIAGE AGE, AND CONTRACEPTIVE USE
IN CENTRAL ASIA AND NORTH AFRICA:
A COMPARATIVE STUDY**

Yassir Ali Mohammed

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, imokhammed@hse.ru

Abstract. This article aims to compare fertility, first age at marriage, family planning, and contraceptive use in Central Asia and North Africa. Factors such as education level, access to contraceptives, religious beliefs, and demand for family planning were analyzed. Rural areas have lower fertility rates than urban areas. In Egypt, the age of first marriage differs from rural to urban areas. Despite the quality of life in urban areas, the rate of first marriage is higher than in rural areas. The results also revealed that Morocco and Kyrgyzstan vary in fertility, Morocco has the highest age at first marriage and Kyrgyzstan has the lowest. The general fertility rate in Tunisia is the lowest in all countries indicating successful government efforts to reduce fertility. However, Kyrgyzstan has the highest fertility rate, with a decrease from 3.9 children per woman in 2011 to 3.05 in 2020. Hence, substantial investigations are needed due to the increase in population of some countries taking into consideration all factors.

Key words: family planning, urban area, fertility, Central Asia, North Africa

Acknowledgments: the author acknowledges the Institute of Demography at HSE University which funded this article and also acknowledges the Demographic and Health Surveys (DHS) Program that provided the data. The author acknowledges the director of the Institute of Demography Mikhail B. Denisenko, manager director Maria Yu. Mezhevova and Kirill V. Reshetnikov for materials assistance.

For citation: Mohammed, Y. A. (2024) Fertility, marriage age, and contraceptive use in Central Asia and North Africa: a comparative study, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 55—74.

Научная статья

РОЖДАЕМОСТЬ, БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТРАЦЕПЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Яссир Али Мохаммед

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, imokhammed@hse.ru

Аннотация. Цель данной работы — сравнить показатели рождаемости, возраста вступления в первый брак, использования контрацепции в странах Центральной Азии и Северной Африки: Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и Казахстане, Египте, Алжире, Тунисе и Марокко. Результаты исследования показали, что в Марокко самый высокий возраст вступления в первый брак, а в Кыргызстане — самый низкий. В целом в сельских районах уровень рождаемости ниже, чем в городах. Общий коэффициент рождаемости в Марокко составляет 2.35, что свидетельствует об успешных усилиях правительства по снижению рождаемости. Коэффициент рождаемости в Тунисе — самый низкий среди всех стран. На рождаемость влияют такие факторы, как уровень образования, доступ к контрацепции, религиозные убеждения и спрос на услуги по планированию семьи. В Египте возраст вступления в первый брак варьируется в зависимости от места проживания, причем в городских районах он выше, чем в сельской местности. В Кыргызстане самый высокий уровень рождаемости, который снизился с 3.90 ребенка на одну женщину в 2011 г. до 3.05 в 2020 г. Данные показатели требуют серьезных исследований, поскольку население одних стран растет очень быстро, а в других странах его рост замедляется. Снижение рождаемости влияет на численность населения с учетом всех остальных факторов.

Ключевые слова: планирование семьи, городские районы, рождаемость, Центральная Азия, Северная Африка

Благодарности: автор благодарит Институт демографии им. А. Г. Вишневого НИУ ВШЭ, который профинансировал это исследование, а также Программу демографических и медицинских исследований (Demography and Health Surveys, DHS), предоставившую данные для анализа. Автор выражает признательность директору Института демографии М. Б. Денисенко, менеджеру Научно-учебной лаборатории социально-демографической политики М. Ю. Межевой и К. В. Решетникову за помощь в предоставлении материалов для исследования.

Для цитирования: *Mohammed Y. A. Fertility, marriage age, and contraceptive use in Central Asia and North Africa: a comparative study // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 55—74.*

Introduction

The demography of Central Asia has been highly investigated by many scholars, namely in terms of marriage, contraceptive use, and other factors. Some scholars have focused on the demographic transition period after the disillusion of the Soviet Union.

Some articles explored one country in their investigations, for instant “Between tradition and modernity: marriage dynamics in Kyrgyzstan” [Nedoluzhko, Agadjanian, 2015]; “Understanding marriage and fertility in Uzbekistan” [Agadjanian, Makarova, 2003]. Also, some other studies compared two or three countries in Central Asia and the former Soviet Union [Agadjanian et al., 2013]. While another article compared Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan in terms of nuptiality [Dommaraju, Agadjanian, 2008].

On the other hand, a study explored fertility in North Africa particularly in Egypt [Zalak, Goujon, 2017]. In a comparative study of the fertility of Moroccan women in the Netherlands, Schoorl discovered that educated migrant Moroccan women tend to have lower fertility than those women who live in Morocco [Schoorl, 1990]. Tunisia is another example in North Africa, where family planning strategy was examined [Lecomte, Marcoux, 1976; Faour, 1989].

In expanding the existing knowledge, the author compares Central Asia with North Africa. This article nominates these countries due to the reciprocal Islamic background where fertility could be impacted [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2013; Eltigany, 2001; Dommaraju, Agadjanian, 2008; Eickelman, 1998; Khazanov, 1995; Faour, 1989]. Therefore, the prohibition of the use of contraceptives, the age of first marriage, and family planning are considered significant factors in fertility. Thus, this study selects Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan, Algeria, Morocco, Tunisia, and Egypt. This selection contributes to a vital understanding of fertility in the nominated countries that have common Muslim inhabitants.

The article analyzes the available data for a period of 10 years (2010—2020). The author examines sociocultural, and socioeconomic factors, plus the influence of Islam based on existing scholarships [Eickelman, 1998; Khazanov, 1995]. The study employed secondary quantitative data which was already published on the official websites of these countries in addition to other websites. So, descriptive analysis was applied to indicate fertility, contraceptive use, and the first age of marriage. Tunisia has the lowest overall fertility rate among all countries, indicating successful government initiatives to reduce fertility.

This article starts with an introduction to the chosen theme. The second section reviews the previous study. The third section is data and the method. Section four presents the result. The last section discusses the findings and provides recommendations.

Reviewing the existing knowledge and theoretical framework

The most appropriate theory to be applied in this study is social change theory. This theory is defined as the main heading in politics, economics, and culture change in a society. So, it could be fitted to this study because all of the selected countries have a cross-cultural border in that they are united by Islam [Eickelman, 1998; Khazanov, 1995; Ouadah-Bedidi, Vallin, 2013; Eltigany, 2001; Dommaraju, Agadjanian, 2008; Faour, 1989]. However, it is important to state that each country belongs to a different continent. Furthermore, this scope allows comparisons to be made across countries that share similar Islamic beliefs [Agadjanian, Makarova, 2003].

The Islamic religion plays a fundamental role in the distribution of contraceptives in developing countries [Agadjanian, 2001]. The relationship between religion and nature

is structured in such a way that studies still express different opinions on this matter (e. g.: [Johnson, 1997]). Among scientific works related to religion and nature, it is worth highlighting the study of Victor Agadjanian, which was published in 2001 [Agadjanian, 2001]. This study revealed that religion has no pronounced effect on fertility [ibid.]. Another study brings to the fore the idea that childbearing and nuptiality are closely related [Faour, 1989]. Muslims believe in the reproduction of children [ibid.]. However many people may not accept the use of contraception. And this is the reason behind the probability of having a second or third child which was discussed in Kazakhstan [Agadjanian et al., 2008]. Moreover, the increase in fertility was observed in the rural areas where the influence of Islam was more prominent than in the urban cities. Another reason is the inaccessibility of modern contraceptives and the lack of access to education for women [Eickelman, 1998].

Strategy for controlling the fertility

Uzbekistan supports the reduction of fertility, while Kazakhstan encourages childbearing. Fertility differs by country of residence and ethnicity. For example, the Uzbeks and Tajiks who live in Tajikistan have higher fertility rates than the Uzbeks who live in Uzbekistan [Nedoluzhko, 2012]. Uzbekistan is the most populated country in Central Asia with 33 million inhabitants. In contrast to this, the government of Uzbekistan tried to increase fertility but it dropped dramatically due to socioeconomic factors [Eickelman, 1998; Khazanov, 1995]. This occurred in 1970 when there were a lot of abortions in the country. The government tried to prevent abortion and protect women's health, so the government promoted the use of oral contraception. Kazakhstan comprises multiethnic groups which include; Europeans, Russians, and Central Asians, so it is easier to apply family planning [Dommaraju, Agadjanian, 2008]. Some countries support the abortion of unwanted pregnancies to reduce fertility [Schoorl, 1990].

Tunisian government adopted a strategy of family planning in 1960—1973 to reduce fertility and achieve a case of 4 children per woman, whereas in Morocco policymakers encouraged family planning and abortion [Lecomte, Marcoux, 1976]. Similarly, in 1983 the Algerian government adopted a policy to reduce the growth of the population [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2013].

However, in Egypt in 1990, the fertility was 6.6 children per woman. Then in 2008, it dropped to 3.0. But in 2014, it increased to 3.5 (Table 1). It is important to state here that the Egyptian government proposed a reduction in its fertility from 3.5 to 2.4 per woman by 2030. This proposal was supported by the project of Itnein Kefaya (two are enough) in 2014 [Eltigany, 2001]. The fertility rate in 2020 was 2.96 children per woman [Ambrosetti et al., 2019]. This project was proposed and undertaken because Egypt is the most populated Arabic country in North Africa with 107 million in 2020 (Table 2).

Table 1

Fertility rate number of children (birth per woman), 2011—2020

Items	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Average by country	Regional average
Kyrgyzstan	3.90	3.15	3.11	3.19	3.19	3.06	2.95	3.28	3.33	3.05	2.94	7.58
Kazakhstan	—	—	2.64	2.73	2.74	2.77	2.73	2.84	2.90	3.13	1.97	
Uzbekistan	2.12	2.10	2.25	2.33	2.35	2.28	2.21	2.33	2.43	2.46	2.06	
Tajikistan	2.91	2.78	2.59	2.78	2.81	2.66	2.66	2.54	2.56	2.54	2.45	
Algeria	2.88	2.95	2.95	3.00	3.04	3.05	3.05	3.02	2.98	2.94	2.72	7.87
Tunisia	2.91	2.21	2.24	2.25	2.25	2.23	2.22	2.17	2.14	2.11	2.08	
Morocco	2.60	2.59	2.59	2.54	2.53	2.45	2.45	2.41	2.38	2.35	2.27	
Egypt	3.24	3.33	3.41	3.44	3.43	3.20	3.15	3.09	3.00	2.96	3.22	

Table 2

**Distribution of the population of Central Asia
and North African countries, 2011—2020**

Items	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Kyrgyzstan	5477620	5551888	5663133	5776570	5895062	6019480	6140200	6256730	6389500	6.523529
Kazakhstan	16440470	16673933	16910246	17160855	17415715	17669896	17918214	18157337	18395567	18.63177
Uzbekistan	29123367	29555365	29993531	30492812	31022525	31575332	32120463	32656660	33255538	33.905242
Tajikistan	7816000	7995000	8178000	8363000	8549000	8735000	—	—	—	9.543.2
Algeria	36543541	37260563	38000626	38760168	39543154	40339329	41136546	41927007	42705368	43.4516
Tunisia	11032528	11174383	11300284	11428948	11557779	11685667	11811443	11933041	12049314	12.1617
Morocco	32903699	33352169	33803527	34248603	34680458	35107264	35528115	35927511	36304408	36.6887
Egypt	89200054	912403	9337789	95592324	9772379	997840	10178938	10374076	10561867	107.465.0

Early marriage, and the age of first marriage in Central Asia and North Africa

This study investigates the age of first marriage in Central Asia and North Africa, focusing on the likelihood of having first and second children, and the importance of marriage in these regions. Early marriage was observed in the three Central Asian countries [Dommaraju, Agadjanian, 2008]. Dommaraju and Agadjanian examine nuptiality in Central Asia specifically Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. The aforementioned authors find an increase in the first age of marriage for young generations of post-Soviet dissolution. However, there is a decline in the first union age, due to socioeconomic and political factors. Although the marriage rate increased in Uzbekistan and Kyrgyzstan, it was not the same in Kazakhstan [Spor, 1997].

Furthermore, traditional marriages were not affected in rural areas where the dominance of early marriage can be perceived [Brown, Snyder, 2006]. In Central Asia, married couples traditionally give birth to their first or second child at the beginning of their married life. This could most likely occur in their first or second year of marriage [Darsky, Scherbov, 1995]. In other words, early marriage and first childbearing are encouraged in the first two years of marriage. However, there are exceptions to this phenomenon because it mostly happens in developing countries. For instance in North Africa (Egypt, Morocco, and Tunisia), the first age of marriage was recorded as 18.5, 19.7, and 21.1 years [Singh, Samara, 1996; Eltigany, 2001].

Family planning in Central Asia and North Africa

Some countries oppose Malthus's theories which encourage family planning and decrease in fertility. For example, Uzbekistan supported the increase in fertility in the post-Soviet era [Barbieri et al., 1996]. A case study [Kazenin, Kozlov, 2020] examined the factors that boosted fertility in Kyrgyzstan. Kazenin and Kozlov indicated that labor market experience and education among females decrease their likelihood of becoming a mother. In a comparison of fertility in rural and urban areas, Isabekov observed that families in rural areas tend to have more children than in urban areas where having children depends on income level [Isabekov, 2016]. This action which was observed in rural areas is against Malthus theory.

The Tunisian government tends to decrease fertility by adopting a family strategy in addition to the rise of the legal age of first marriage. Tunisia and Morocco succeeded in promoting family planning in 1970 [Lecomte, Marcoux, 1976]. This promotion comprised the use of contraceptives. Tunisia had a powerful family planning program which ranked 40 out of 90 countries in 1982 [Cochrane, Guilkey, 1995; Lapham, 1970]. Similarly, Egypt distributed contraceptives amongst families to support family planning. This strategy which occurred from 1985 to 1995 was successful [Ambrosetti et al., 2019].

The impact of education on fertility in rural and urban areas

Many scholars indicate that the fertility rate in the rural areas is higher than in the urban city [Brown, Snyder, 2006; Ambrosetti et al., 2019; Agadjanian, Makarova, 2003; Nedoluzhko, Agadjanian, 2015; Isabekov, 2016].

The rural areas of Egypt reported a higher fertility rate than urban areas due to a lack of access to education [Ambrosetti et al., 2019]. The hypothesis that states that low education is connected with high fertility was globally observed and tested [Courbage, 1999; Zalak, Goujon, 2017]. Women with high education in urban areas, tend to control fertility more than women who reside in rural areas [Eltigany, 2001; Faour, 1989]. Therefore, the fertility in rural places is higher than what is obtainable in urban areas. More so, this takes into account socioeconomic and sociocultural factors. Educated migrant women expressed fertility decline in urban areas [Lecomte, Marcoux, 1976]. According to Eltigany, the birth rate in Morocco is declining due to socioeconomic factors such as the cost of living and cohabitation of two married couples and family members [Eltigany, 2001].

Investing in education and increasing the quality of life in rich families demotivate women to have more children [Amar, 2014]. In testing the impact of socio-educational factors on fertility in Tunisia, Audi and Ali explored the negative relationship between women's education and urban life on fertility [Audi, Ali, 2016]. This negative relationship reflects women's desire not to have a lot of children. Education influences women's fertility because the more years they spend on education, the less desire they have for childbearing. In contrast, Ouadah-Bedidi et al. argue that the decrease in fertility spread to rural areas rather than urban areas which have less quality of life and less education [Ouadah-Bedidi et al., 2012]. Similarly, Baschieri reveals the desire to limit childbearing, and that women in rural areas tend to limit their childbearing more than women in urban areas [Baschieri, 2007].

The use of contraception in Central Asia and North Africa

Meyer examined the use of contraceptives in Kyrgyzstan, as this method is prohibited in the country because families believe that it is against Islam [Meyer, 2011]. Abortion is considered illegal in the majority of the countries which was selected as a sample for the study. Although some women connected the use of oral contraceptives with cancer, policymakers still considered solving the issue of sterilizing women to control fertility in Uzbekistan [Barbieri et al., 1996].

Shekhar et al. examined the potential intent of women to use contraceptives after having their first child. The researchers discovered that to reduce fertility, it is needed to increase the awareness of using contraceptives among women and their partners in Kyrgyzstan [Shekhar et al., 2010]. However, in line with Islam, it is revealed that access to contraceptives is associated with marriage [Meyer, 2011]. Therefore, if a female is not married, contraceptives are prohibited. This means that sex outside marriage is also forbidden in Islam [Ouadah-Bedidim, Vallin, 2013; Zalak, Goujon, 2017; Ouadah-Bedidi et al., 2012].

In addition to the discourse on contraceptives, the government of Kazakhstan promotes the use of contraceptives to avoid abortion because it is linked to health complications in women [Agadjanian, 2002]. To buttress more on this issue, in Kyrgyzstan, 24.5 % of interviewed women were interested in having family planning more than their male counterparts who expressed opposition. This acceptance by women could reflect socioeconomic and sociocultural dynamic factors. Eltigany examined the use of contraceptives in Egypt among married women [Eltigany, 2001]. It is important to note that contraceptive use is related to the number of children and family size. Thus, Egyptian families intend to drastically reduce the fertility rate by 2030.

However, contraceptive use is higher in Tunisia and Morocco than in any other North African country [Lecomte, Marcoux, 1976]. In 1973, the Tunisian and Moroccan governments adopted a family planning strategy to decrease fertility through the Ministry of Public Health. Statistics as shown in a 1974 comparative study conducted on Tunisia [ibid.], indicate that 74,000 people use contraceptives in Morocco and 81,000 in Tunisia. To increase the labor participation of women in Tunisia, the use of contraceptives is being motivated [Frini, Muller, 2012]. The use of contraceptives in Tunisia has a negative outcome on fertility, hence the government strategy to reduce fertility was successful [Cochrane, Guilkey, 1995; Frini, Muller, 2012]. In Algeria, the government supported family planning and subsidized contraceptives for married couples. However, fertility did not reduce because of government support but because of other associated socioeconomic factors [Ouadah-Bedidi, Vallin, 2013].

Research questions

This study compares Central Asia and North Africa in terms of fertility, contraceptive use, age at first marriage, and family planning. So, the article addressed the following questions:

1. To what extent does family planning strategy effectiveness and the use of contraceptives reduce fertility in North Africa and Central Asia?
2. To what level do North Africa and Central Asia reduce fertility?
3. What is the fertility rate in urban cities as compared to rural areas?
4. How does education affect fertility in North Africa and Central Asia?

Data and method

The study employed the most advanced recent Demography and Health Survey (DHS) [Department...], and Multiple Indicator Cluster Survey (MICS) [Multiple Indicator...] data for the selected countries [Kazenin, Kozlov, 2020]. This data differs from one country to another. The study analyzed Kyrgyzstan DHS which was conducted in April and June 2014. The DHS survey involved 6,854 women aged 15–49. The recent MICS for Kyrgyzstan conducted in 2020 that interviewed 3,869 women aged 15–49. Tajikistan's recent DHS was conducted in 2017. It interviewed 10,718 women aged 15–49. The recent MICS for Tajikistan was conducted in 2005. It was interviewed 10,243 women aged 15–49. Kazakhstan's DHS interviewed 4,800 women aged 15–49 in 1999. For Kazakhstan's recent MICS that took place in 2015, it was interviewed 12,670 women aged 15–49. Uzbekistan's recent DHS was directed in June–October 1996. It interviewed 4,415 women. The recent MICS in Uzbekistan was conducted in 2021–2022. It interviewed 4,180 women aged 15–49.

For North Africa, the study employed recent Egyptian DHS which was completed in 2014 and contains 21,000 married women aged 15–49. The survey contains information about fertility, place of residence, education, and family planning. The most recent MICS in Egypt was conducted in 2013–2014 and surveyed 7,046 women. Among them, 5,847 ever-married women (age 15–49 years) were identified. Morocco's recent DHS interviewed 9,398 women in 2003. Tunisia's most recent DHS was conducted in 1983

which involved 2260 married women. The MICS, conducted in Tunisia in 2018, surveyed 10,559 women aged 15–49 years. Algeria's most current MICS was conducted in 2018, it was interviewed 35,111 women aged 15–49. The DHS provides valuable information on interviewed women, including age at first marriage, family planning, contraceptive use, modern methods, place of residence, fertility, and other socio-demographic variables. The researcher analyzed the population census from 2010 to 2020 [Spoorenberg, 2013]. Population census is conducted every 10 years to better know the population dynamics and other national characteristics worldwide [Dommaraju, Agadjanian, 2008].

This article acknowledges the limitation of the data for some countries which do not have cohabitation which was a little bit hard to analyze. It should also be noted that data was difficult to obtain. Therefore the analysis is based on the age at first marriage and then the use of contraceptives, family planning, and fertility which is linked to formal marriage in Muslim regions. Another possible limitation women may not declare their religion during interviews, as in Kazakhstan, 29.2 % of its population are Russians. The data collected during interviews may not accurately reflect women's awareness of contraception, which could limit the effectiveness of testing the use of contraception in all countries. The last limitation relates to Muslim views on the use of contraception in Islam in general. Why do some countries accept to use, while others do not accept the use?

Results

Regression analysis was not conducted due to unidentified full survival time for some censoring [Box-Steffensmeier, Jones, 1997; Hosmer, Lemeshow, 1999]. This article descriptively analyzed the age at first marriage, the use of contraceptives, and fertility. The author combined all the data in one single dataset to enable the researcher to carry out the analysis despite the limitations. To strengthen the findings, data was collected from different websites, including DHS, World Bank data, and the United Nations International Children's Emergency Fund (UNICEF).

The demand for family planning in Central Asia and North Africa

In 2014, the demand for family planning in urban areas in Egypt was 81.4 %. This was the highest in the selected group (Central Asia and North Africa). While Kazakhstan recorded 69.5 %, Kyrgyzstan scored 62.1 %. Similarly, the demand for family planning in urban areas in Morocco was 72.8 %, whereas Uzbekistan had the highest demand for family planning in Central Asia with a total of 72.2 %. Tajikistan had the lowest for all the selected groups with a total of 57 %.

The demand for family planning in rural Egypt was 79.2 %. This happens to be the highest among all the selected countries. Kazakhstan scored 65.8 %, while Kyrgyzstan recorded 61.9 %. Morocco has 73.7 %, while Tajikistan has the lowest at 50.6 %. The demand for family planning in rural areas of Uzbekistan peaked at 75.4 % (the highest in Central Asia).

However, in 2014, the demand for family planning amongst uneducated women in Egypt was 79.2 % (the highest among all countries). Morocco has a score of 72.6 %, while Tajikistan has a score of 44.4 % (the lowest in the group). It is important to state here that Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan did not have any valid data on uneducated women.

In 2014, the demand for family planning among women with primary education in Egypt was 79.8 % (the highest in our comparison). While Morocco had 76.6 %, Tajikistan had 41.1 % (the lowest of all selected countries). Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan had no valid data on women with primary education.

In Egypt, the demand for family planning among women with secondary education was 80.4 % (the highest of all countries). Kazakhstan had 66.6 %, while Kyrgyzstan had 60.9 %. Morocco had 74.7 %, while Tajikistan had the lowest of all countries with 51.5 %. Uzbekistan had the highest score in Central Asia with 74.3 %.

Egypt has the highest demand for family amongst women with higher education 79.9 %, followed by Kazakhstan at 72.4 % which is the highest in Central Asia. Uzbekistan had 72.2 %, Kyrgyzstan had 63.3 %, whereas Morocco had 60.7 %. Tajikistan had the lowest with 58 %. There are no statistics available for Algeria and Tunisia.

The use of contraceptives in Central Asia and North Africa

The use of contraceptives varies in quite a few ways. This includes the year of the survey within the same nation and between countries, women in urban and rural areas, and level of education. For example, in 2008, contraceptive use was 61.6 % in Egypt's largest metropolitan area. But in 2014, this figure decreased to 59.5 %. In 1995, the use of contraceptives in Kazakhstan was 47 %, then in 1999, it increased to 54.2 %. While in 2012, the use of contraceptives in Kyrgyzstan which was at 55 % in 1992 decreased to 34.2 %. In 2003—2004, the use of contraceptives in Morocco which was at 45.8 % increased significantly in 1992 to 56 %. In 2012, 29 % of women in Tajikistan used contraceptives, while 31.5 % did so in 2017. Tunisia had one DHS survey in 1988, with a score of 47.6 %, while Uzbekistan had one year of data in 1996 with a score of 50.2 % in the urban areas.

In 2008, the use of contraceptives in Egypt's rural areas which was at 54.8 % increased to 55.5 % in 2014. In 1995, it was 44.9 % in Kazakhstan which increased to 51.2 % in 1999. In 1997, the use of contraceptives in Kyrgyzstan which was at 46 % decreased from 33.4 % in 2012. In 1992, it was 53.2 % in Morocco which declined to 27.7 % in 2003—2004. In 2012, it was 24.8 % in Tajikistan which was increased to 25.8 % in 2017. In 1988, Tunisia received a score of 30.1 %. Finally, in 1996, the use of contraceptives in rural Uzbekistan was 52 %.

Of particular note is the data on the use of contraceptives amongst uneducated women. For example in 2008 in Egypt, it was 55.5 % which increased to 57.9 % in 2014. In 1992 Morocco's cases, it was at 31.4 % which increased to 53.7 % in 2003—2004. In 2012 in Tajikistan, it was 22.6 % which decreased 19.6 % in 2017. Tunisia recorded 37.4 % in 1988. It is essential to state that Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan, had no data on uneducated women.

This study found the following data on the use of contraceptives amongst women with primary education: in 2008 in Egypt, it was 59.3 % which decreased to 57.7 % in 2014. In 1992 in Morocco, it was at 47.5 %, which increased to 56.8 % in 2003—2004. While in 2012 in Tajikistan, it was 18.7 % which increased to 19.9 % in 2017. Tunisia had 44.1 % in 1988. It is important to state that Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan have no data on primary education for women.

The use of contraceptives amongst women with secondary education in 2008 in Egypt, was 58.7 % which decreased to 56.8 % in 2014. For Kazakhstan in 1995, it was

46 % which increased to 51.6 % in 1999. While in 2012 in Kyrgyzstan, it was at 48.6 % which decreased to 32.8 % in 2012. For Morocco in 1992, it was at 51.4 % which increased to 59 % in 2003—2004. In Tajikistan in 2012, it was at 25 % which increased to 26.8 % in 2017. As for Tunisia, there is one single year of survey conducted in 1988 which shows 45.2 %. In Uzbekistan, it shows 51.6 % in 1988.

The use of contraceptives amongst women with higher education in 2008 in Egypt, was 56.9 % which decreased to 55.1 % in 2014. While in 1995 in Kazakhstan it was at 47.6 which increased to 57.6 in 1999. For Kyrgyzstan in 1997, the use of contraceptives was 51.2 % which decreased to 35 % in 2012. Whereas in 1992 in Morocco, it was at 50.6 % which decreased to 40.2 % in 2003—2004. While in 2012 in Tajikistan, it was at 33.5 % which decreased to 31.1 % in 2017. For Tunisia, there is one year of survey data, which showed 40 % in 1988. Similarly, one year of survey for Uzbekistan showed 50 % in 1996.

Fertility in Central Asia and North Africa

In 2008, Egypt's urban fertility rate was 2.7 which increased to 2.9 in 2014. In 1995, Kazakhstan had the lowest fertility rate in the selected countries which was 2 children per woman which was reduced to 1.5 in 1999. In 1997, in Kyrgyzstan, it was 2.3 which was increased to 3 children per woman in 2012. For Morocco in 1992, it was 2.5 which decreased to 2 children per woman in 2003—2004. Despite the decrease in fertility rate in Tajikistan and Tunisia which was 3.3 children per woman to 3, it was still the highest fertility in all selected countries. In 2012 in Tajikistan, it was 3.3 which decreased to 3 in 2017. Similar to Tunisia in 1988. However, there was not have enough data for the subsequent year (Table 2). For Uzbekistan, urban areas reported 2.7 children per woman in 1996.

In 2008, the fertility rate in Egypt's rural areas was 3.2 which increased to 3.8 in 2014. In 1995, in Kazakhstan, it was 3.1 which decreased to 2.7 in 1999. Kyrgyzstan and Tajikistan recorded the highest in Central Asia. In 1997 it was 3.9 which was increased to 4 children per woman in 2012. The same statistics were recorded respectively in 2012, and 2017 for these countries. In 1992, Morocco's fertility was 5.5 which declined sharply to 3 in 2003—2004. Whereas in 1988, Tunisia recorded the highest fertility in all of the selected countries and North Africa with 5.6. The fertility rate in Uzbekistan was 3.7 children per woman in rural areas in 1996.

The fertility rate amongst uneducated women in 2008 in Egypt, was 3.4 which increased to 3.8 in 2014. In 1992, Morocco's fertility was 4.9 which declined to 3 children per woman. Similarly for Tajikistan in 2012, it was 4.2 which decreased to 3.1 in 2017, whereas Tunisia showed 4.9 in 1988. It is important to state that there was not enough data available for Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan on women without education.

The author analyzed data on the fertility rate amongst women with primary education. For example in 2008, in Egypt, it was 3.2 increased which was increased to 3.6 in 2014. In contrast in 1992, Morocco's fertility was 2.4 which decreased to 2.3 in 2003—2004. In 2012 in Tajikistan, it was 3.9 which increased to 4.4 in 2017 showing the highest in Central Asia and all the selected countries. It is important to state that there was not enough data available for Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan on women with primary education.

The fertility rate amongst women with secondary education for instance in 2008 in Egypt, was 3.2 which increased to 3.6 in 2014. For Kazakhstan in 1995, it was 2.6 which decreased to 2.2 in 1999. For Kyrgyzstan in 1997, it was 3.6 which was increased to 3.9. Morocco's fertility rate in 1992 was 2 children per woman which decreased to 1.9 in 2003—2004, making it the lowest in North Africa and the selected countries. In 2012 and 2017, Tajikistan showed no changes in fertility rate with 3.9 children per woman indicating the highest similarity with Kyrgyzstan in all selected countries. Tunisia showed 2.3 in 1988. While Uzbekistan had 3.4 in 1996 amongst women with secondary education.

The fertility rate amongst women with higher education in 2008 in Egypt, was 2.6 children per woman which increased to 3 children per woman in 2014. While in 1995, in Kazakhstan it was 2 children per woman which decreased to 1.5 in 1999 indicating the lowest fertility rate in Central Asia. In 1997 in Kyrgyzstan, it was 2.4 which was increased to 3.4 in 2012 making it the highest in all selected countries. For Morocco in 1992, it was 1.9 which decreased to 1.4 in 2003—2004 showing the lowest in all selected countries. In 2012 in Tajikistan, it was 2.9 which was increased to 3.2 in 2017. In 1988, Tunisia had 2.1 children per woman. The last country was Uzbekistan which showed 2.8 children per woman with higher education in 1996.

Age at first marriage in Central Asia and North Africa

In 2008 in Egypt, the age at first marriage in urban women was 22.2 years of age was increased to 22.4 years of age in 2014. In 1995 in Kazakhstan, it was 21.2 which increased to 21.3 in 1999. In 1997 in Kyrgyzstan, it was 20.9 which increased to 21.3 in 2012. In 1992 in Morocco, it was 20.9 increased to 22.6 in 2003—2004. Tajikistan has the lowest age at first marriage in all selected countries. In 2012, it was 20.5 with no changes in 2017. Whereas in 1988 in Tunisia, it was 21.8 years. The last country is Uzbekistan which showed 20.8 years of age in 1996.

In 2008 in Egypt, the age at first marriage in rural areas was 19.4 years of age that was increased to 20 years of age in 2014. In 1995 in Kazakhstan, it was 20.9 which increased to 21.1 in 1999. Whereas in 1997 in Kyrgyzstan, it was 20.2 and remained without change in 2012. For Morocco in 1992, it was 18.8 was increased to 19.8 in 2003—2004 making it the lowest in North Africa. In 2012 in Tajikistan, it was 20.1 and has remained without change in 2017. For Tunisia, it was 21.3 in 1988. Whereas Uzbekistan's rural areas were 19.6 years of age in 1996 indicating the lowest in all studied nations.

Data on the age at first marriage amongst women without education were analyzed. For example in 2008 in Egypt, it was 18 years of age which increased a little bit to 18.6 in 2014. In 1995 in Kazakhstan, it was 21.5 which was increased to 24 in 1999 indicating the highest in all selected nations. For Morocco in 1992, it was 18.7 which increased to 19.5 in 2003—2004. For Tajikistan in 2012, it was 19.7 which was increased to 21.6 years in 2017. Tunisia showed 20.1 years of age in 1988. While Uzbekistan indicated 17.5 in 1996 amongst women with no education. It is essential to state that Kyrgyzstan did not have enough data about uneducated women in 1997—2012.

The author examined data on the age at first marriage amongst women with primary education. For example in 2008 in Egypt, it was 18.8 which was increased to 19.1 years of age in 2014. For Kazakhstan in 1992, it was 17.9 which was increased to

24.2 in 1999 making it the highest in all chosen countries. In 1997 in Kyrgyzstan, it was 17.7 which was increased to 19.6 years in 2012. In 1992 in Morocco, it was 21.4 which increased to 22.7 in 2003—2004. Tajikistan showed little changes it was 20.9 in 2012 which was to 20.6 in 2017. Tunisia recorded 22.2 years in 1988. While in 1996 Uzbekistan showed 17.2 years indicating the lowest age at first marriage amongst women with primary education.

In 2008 in Egypt, the age at first marriage amongst women with secondary education was 21.3 years of age that was decreased to 20.9 in 2014. For Kazakhstan in 1992, it was 20.7 that remained without change in 1999. In 1997 in Kyrgyzstan, it was 20 which decreased to 19.7 in 2012. Whereas in 2012 in Tajikistan it was 19.9 remained without change in 2017 it was the lowest in all selected countries. For Tunisia in 1988, it indicated 23.1 years which was the highest in the selected countries. In 1996, the age at first marriage for women with secondary education in Uzbekistan was recorded at 19.8 years.

Data on the age at first marriage amongst women with higher education were studied. It is worth highlighting a year-long survey, the results of which showed that in all selected countries, women with higher education most often get married for the first time at 24 years old.

For Kazakhstan in 1992, it was 22.6 which increased to 23.1 in 1999. In 1997 in Kyrgyzstan, it was 22.3 which decreased to 21.5 in 2012. For Tajikistan in 2012, it was 21.5 which decreased to 21.4 in 2017. In 1996 in Uzbekistan, the age at first marriage for women with a higher education was 21.9 years of age. It is important to state that there is not enough data for Tunisia and Morocco. (Please note that there is not enough data available for Algeria in DHS in the selected years.)

Discussion

This study compared fertility, age at first marriage, demand for family planning, and the use of contraceptives in North Africa and Central Asia. The article employed the most recent survey from DHS and MICS. It also employed data from countries' official websites in addition to the data that is freely accessible.

The findings revealed that Morocco has the highest age at first marriage among all the countries. This accounts for Morocco's fertility regardless of education level. For example, in rural areas, the age at first marriage was lower than in urban areas by three years. This means that when women marry at 19 years old, there is a high probability of having the first child in the first or second year of marriage [Singh, Samara, 1996]. The fertility of women in rural areas makes them more fertile than women who live in metropolitan areas and marry at 22 years of age. These results are similar to Ouadah-Bedidi et al. [Ouadah-Bedidi et al., 2012] who stated that fertility in rural areas is higher than in urban areas. The author was faced with the task of considering the demand for family planning after having the first child.

Although the demand for family planning in rural areas is higher than in urban areas, the use of contraceptives in rural areas is lower than in urban areas. This occurs due to education. It could also be due to the widespread use of contraceptives in this country regardless of place of residence [Lecomte, Marcoux, 1976]. The fertility of women with no education is lower than women with higher education. Women with higher education demonstrated the largest reduction in fertility in North Africa.

These findings could be compared to Lecomte and Marcoux (1976) and Kazenin and Kozlov (2020) who stated that education is associated with a reduction of fertility. In 2020, the general fertility rate in Morocco was 2.35 %, indicating the success of government efforts to reduce fertility in Morocco. This reduction in fertility could be due to economic viewpoints rather than religious beliefs because an increase of 4 million people in ten years (Table 1) is very low in comparison to other countries. If this reduction continues Morocco's population could increase to 38 million in 2030, taking into account female education, family planning demand, the use of contraceptives, and the age of first marriage.

The second country is Tunisia which had one single year in DHS (1988). The age at first marriage in rural and urban areas is almost the same. But for women with no education, it was 20.1 years of age, compared to women with secondary education which was 23.1. This is significantly different. But considering that there was no data on women with higher education the forecast would be difficult.

The use of contraceptives among women with no education is lower than among women with higher education. The fertility rate in Tunisia's urban areas is high, while rural areas have the highest fertility rate in North Africa and all groups, with 5.6 children per woman. However, the fertility rate in recent years has declined, making it the lowest fertility rate in all countries [Eltigany, 2001]. The fertility rate in rural and urban areas in North Africa is higher than in Central Asia.

The effect of family planning in Tunisia has an impact on fertility and the population which increased to 12 million. This slow increase explains the success of the government's strategy to reduce fertility. These findings are compared to Frini and Muller [Frini, Muller, 2012], Cochrane and Guilkey [Cochrane, Guilkey, 1995]. But if Tunisia's population growth of 1 million inhabitants over 10 years is compared with the birth rate in Morocco, the author concludes that Tunisian policies are more effective [Lecomte, Marcoux, 1976]. If this reduction continues until 2030, the Tunisian population may not increase by the same number of people putting into consideration the global economic changes. So the answer to the first research question is that North Africa succeeded in reducing fertility.

The age of first marriage amongst Egyptian women differs depending on the place of residence. For example, earlier it was 22.4 years in urban areas and 20 years in rural areas. The difference of two years is significant when other factors are measured, such as level of education, access to contraceptives, religious beliefs, and demand for family planning.

The age at first marriage in rural areas of Egypt for women with no education and women with higher education was the highest in all countries in metropolitan areas. At this age, women may have a bachelor's or master's degree, which means they have access to contraceptives. Moreover, these women may not give birth in the first year of marriage due to economic instability. When factoring in access to the labor market, marriage at 24, and birth postponement, the result is a decline in fertility. The demand for family planning is affected by the age of the first marriage. The demand for family planning in urban and rural Egypt, amongst illiterate women and women with higher education is the highest in all nations.

The use of contraceptives amongst uneducated women increased, indicating that they had access to all kinds of modern methods. Whereas the use of contraceptives

amongst women with higher education declined. This decline necessitates further study. What is expected is that the use of contraceptives amongst highly educated women should increase because women with higher education are expected to have access to contraceptives. Fertility increased in both urban and rural Egypt amongst uneducated and educated women. Looking at recent years, the fertility rate in 2011 was 3.24 children per woman and then dropped to 2.96 in 2020, which was still the highest in North Africa. The average fertility of the indicated years was 3.22, which is still very high compared to Morocco, Tunisia, and Algeria. According to the Egyptian plan which is to reduce fertility to 2.4 children per woman by 2030. The answer to the fourth research question is education did not have an impact on women's fertility in North Africa.

However, this increase in fertility has influenced the general population. The Egyptian population was 89 million in 2011, then increased to 107 million in 2020. The increase of 18 million in ten years makes it nearly as large as the Tunisian population. If fertility continues increasing despite the highest education and the highest demand for family planning, the Egyptian population will be 125 million inhabitants by 2030. This could indicate the ineffectiveness of the government's strategy to decrease fertility in Egypt. Therefore, according to the author, the project of Itnein Kefaya (two projects were considered), launched in 2014, turned out to be ineffective or requires some changes.

When this project was launched, the population was 95 million, and in 2020 increased to 107 million. The increase of 12 million in 6 years could explain the influence of Islam regarding fertility reduction. Families may not want to reduce fertility [Faour, 1989].

Furthermore, substantial research is required to explain the reason why despite the increase in demand for family planning the population continues to increase. In addition, it is necessary to assess Egypt's economic difficulties as well as its political situation. According to statistics, fertility is dropping yearly but the population is increasing quickly, even faster than before the launching of the project of Itnein Kefaya (two projects were considered). Instead, the government may decide that one is sufficient to decrease the number of inhabitants. All North African countries indicated that the age of first marriage in rural areas is lower than in urban areas. This affects the fertility of the countries in general.

The age at first marriage in Kazakhstan is one year different from what is obtainable in urban and rural areas. But other factors should be taken into account, such as the need for family planning amongst women without education, which was the highest in all countries analyzed. This is a rather unusual situation, since women without education tend to have more children, as scholars point out (e. g.: [Ambrosetti et al., 2019]). While women with higher education took second place after Egypt.

The demand for family planning in Kazakhstan is normal in both urban and rural areas; however, this country lacks data on uneducated women. Whereas educated women ranked second after Egypt in terms of family planning, but ranked first place in Central Asia.

Then, the use of contraceptives in urban and rural areas increased, indicating that the place of residency in this country does not affect fertility. The data further shows that women with higher education are less likely to use contraceptives which is the reason for the decline in their fertility. This result is compared to Egypt which

recorded the same. Kazakhstan ranked second among the selected countries and first in Central Asia. This result is in contrast with Nedoluzhko [Nedoluzhko, 2012]. If all the socioeconomic, sociopolitical and sociocultural factors are taken into account, it can be concluded that the government's strategy was successful because it promotes the use of contraception to avoid abortion [Agadjanian, 2002], although it is against Islam. Another factor could be the character of the population, which includes some Russian ethnicities and European origin. However, Kazakhstan's fertility rate in 2020 was the highest among all selected countries. In 2011, the population was 16 million, and it increased to 18 million in 2020. When all of the aforementioned considerations are measured, 2 million in 10 years is logical. However, the rising birth rate should also be taken into account, as it is expected to be the highest in 10 years and rise to 30 million by 2030.

The age at first marriage in the Republic of Kyrgyzstan shows no substantial difference between urban and rural areas. This is amongst women with higher education, where it recorded a reduction from 22 to 21 years. Kyrgyzstan has the highest fertility in the urban and rural areas. The age at first marriage in Tajikistan was the lowest in all selected countries. Even in rural areas the age at first marriage amongst women without education and with higher education the age did not differ significantly. So the fertility rate should be the lowest, but it was not; Kazakhstan was the lowest. The age at first marriage was the lowest in the urban areas. It was expected that by 2030 there would be significant population growth. Tajikistan had the lowest demand for family planning and use of contraceptives in urban and rural areas. This result is comparable to Nedoluzhko [Nedoluzhko, 2012]. Tajikistan and Tunisia have the highest urban fertility rates. This is the reason Tajikistan's rural areas have the highest fertility rate in Central Asia. In 2011, the fertility rate was 3.9 children per woman, it decreased to 3.05 in 2020 ranking it second amongst the eight countries. The population was 5 million in 2011. It increased to 6 million in 2020. According to statistics, one million in ten years is not a big increase, yet why was fertility so high and the slow increase in population? Recent fertility is dropping yearly according to data, demonstrating the success of the government's fertility-reduction effort.

Uzbekistan has the lowest age at first marriage in rural areas. The demand for family planning in both urban and rural areas is the highest in Central Asia. Uzbekistan's population increased from 29 million to 33 million inhabitants in 2020 which shows a slow increase despite the country being considered the most populated country in Central Asia.

Although Algeria lacked sufficient data, it still ranked second after Egypt in North Africa, with fertility rates ranging from 2.88 % in 2011 to 2.94 % in 2020. This increase impacted on population which increased from 36 million to 43 million inhabitants in 10 years. According to the analysis of the data provided, an increase of 8 million is expected by 2030.

Conclusion

This article compared North Africa and Central Asia in terms of fertility, age at first marriage, and contraceptive use. In conclusion, some countries have achieved a reduction in fertility, however, the population is still increasing very fast which needs substantial investigations, for example, Egypt. While some countries are slowing like

Tunisia. If fertility is declining, then it should impact on population taking into consideration all other factors. Data limitations must be acknowledged. Future research might include Algeria if enough data is obtainable.

References

- Agadjanian, V. (1999) Post-Soviet demographic paradoxes: ethnic differences in marriage and fertility in Kazakhstan, *Sociological Forum*, vol. 14, no. 3, pp. 425—446.
- Agadjanian, V. (2001) Religion, social milieu, and the contraceptive revolution, *Population Studies*, vol. 55, no. 2, pp. 135—148.
- Agadjanian, V. (2002) Is “abortion culture” fading in the former Soviet Union? Views about abortion and contraception in Kazakhstan, *Studies in Family Planning*, vol. 33, no. 3, pp. 237—248.
- Agadjanian, V., Makarova, E. (2003) From Soviet modernization to post-Soviet transformation: understanding marriage and fertility dynamics in Uzbekistan, *Development and Change*, vol. 34, iss. 3, pp. 447—473.
- Agadjanian, V., Dommaraju, P., Glick, J. E. (2008) Reproduction in upheaval: ethnic-specific fertility responses to societal turbulence in Kazakhstan, *Population Studies*, vol. 62, no. 2, pp. 211—233.
- Agadjanian, V., Dommaraju, P., Nedoluzhko, L. (2013) Economic fortunes, ethnic divides, and marriage and fertility in Central Asia: Kazakhstan and Kyrgyzstan compared, *Journal of Population Research*, vol. 30, iss. 3, pp. 197—211.
- Amara, M. (2015) Multilevel modeling of individual fertility decisions in Tunisia: household and regional contextual effects, *Social Indicators Research*, vol. 124, no. 2, pp. 477—499.
- Ambrosetti, E., Aurora, A., Marco, N. (2019) Ideal family size and fertility in Egypt: an overview of recent trends, *Statistica*, vol. 79, iss. 2, pp. 223—244.
- Audi, M., Ali, A. (2016) A causality and co-integration analysis of some selected socio-economic determinants of fertility: empirics from Tunisia, *Bulletin of Business and Economics (BBE)*, vol. 5, no. 1, pp. 20—36.
- Barbieri, M., Blum, A., Dolkigh, E., Ergashev, A. (1996) Nuptiality, fertility, use of contraception, and family policies in Uzbekistan, *Population Studies*, vol. 50, no. 1, pp. 69—88.
- Baschieri, A. (2007) Effects of modernization on desired fertility in Egypt, *Population, Space and Place*, vol. 13, iss. 5, pp. 353—376.
- Box-Steffensmeier, J. M., Jones, B. S. (1997) Time is of the essence: event history models in political science, *American Journal of Political Science*, vol. 41, no. 4, pp. 1414—1461.
- Brown, S. L., Snyder, A. R. (2006) Residential differences in cohabitators’ union transitions, *Rural Sociology*, vol. 71, no. 2, pp. 311—334.
- Cochrane, S. H., Guilkey, D. K. (1995) The effects of fertility intentions and access to services on contraceptive use in Tunisia, *Economic Development and Cultural Change*, vol. 43, iss. 4, pp. 779—804.
- Courbage, Y. (1999) Economic and political issues of fertility transition in the Arab world: answers and open questions, *Population and Environment*, vol. 20, no. 4, pp. 353—380.
- Darsky, L., Scherbov, S. (1995) Marital status behavior of women in the former Soviet Republics, *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie*, vol. 11, iss. 1, pp. 31—62.
- Department of Homeland Security (DHS), available from <https://www.dhs.gov/> (accessed 29.03.2024).
- Dommaraju, P., Agadjanian, V. (2008) Nuptiality in Soviet and post-Soviet Central Asia, *Asian Population Studies*, vol. 4, iss. 2, pp. 195—213.

- Eickelman, D. F. (1998) Inside the Islamic Reformation, *The Wilson Quarterly*, vol. 22, no. 1, pp. 80—89.
- Eltigani, E. E. (2000) Changes in family-building patterns in Egypt and Morocco: a comparative analysis, *International Family Planning Perspectives*, vol. 26, iss. 2, pp. 73—78.
- Eltigani, E. E. (2001) Childbearing in five Arab countries, *Studies in Family Planning*, vol. 32, iss. 1, pp. 17—24.
- Eltigani, E. E. (2003) Stalled fertility decline in Egypt, why?, *Population and Environment*, vol. 25, no. 1, pp. 41—59.
- Eltigani, E. E. (2005) Fertility transition in Arab countries: a re-evaluation, *Journal of Population Research*, vol. 22, iss. 2, pp. 163—183.
- Faour, M. (1989) Fertility policy and family planning in the Arab countries, *Studies in Family Planning*, vol. 20, iss. 5, pp. 254—263.
- Farid, S. (1984) Fertility patterns in the Arab region, *International Family Planning Perspectives*, vol. 10, no. 4, pp. 119—125.
- Frini, O., Muller, C. (2012) Demographic transition, education, and economic growth in Tunisia, *Economic Systems*, vol. 36, iss. 3, pp. 351—371.
- Hosmer, D. W., Lemeshow, S. (1999) *Regression modeling of time-to-event data*, New York: Wiley.
- Isabekov, K. (2016) *Fertility in Kyrgyzstan: Individual female characteristics*: (Doctoral dissertation, Central European University). Submitted to Central European University, Department of Economics. In partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Economic Policy in Global Markets. Budapest, Hungary.
- Johnson, D. C. (1997) Formal education vs. religious belief: soliciting new evidence with multinomial logit modeling, *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 36, no. 2, pp. 231—246.
- Kazenin, K., Kozlov, V. (2020) Survey responses on desired fertility in patriarchal societies: Community norms vs. individual views, *Comparative Population Studies — Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, vol. 45, pp. 201—228.
- Khazanov, A. M. (1995) The ethnic problems of contemporary Kazakhstan, *Central Asian Survey*, vol. 14, no. 2, pp. 243—264.
- Lapham, R. J. (1970) Family planning and fertility in Tunisia, *Demography*, vol. 7, pp. 241—253.
- Lecomte, J., Marcoux, A. (1976) Contraception and fertility in Morocco and Tunisia, *Studies in Family Planning*, vol. 7, no. 7, pp. 182—187.
- Multiple Indicator Cluster Surveys (MICS)*, available from <https://mics.unicef.org/> (accessed 29.03.2024).
- Nedoluzhko, L. (2012) Achieved fertility and fertility intentions among ethnic groups in Central Asia: Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan compared, *Stockholm Research Reports in Demography*, no. 4, pp. 2—31.
- Nedoluzhko, L., Agadjanian, V. (2010) Marriage, childbearing, and migration in Kyrgyzstan: exploring interdependences, *Demographic Research*, vol. 22, pp. 159—188.
- Nedoluzhko, L., Agadjanian, V. (2015) Between tradition and modernity: marriage dynamics in Kyrgyzstan, *Demography*, vol. 52, iss. 3, pp. 861—882.
- Ouadah-Bedidi, Z., Vallin, J. (2013) Fertility and population policy in Algeria: discrepancies between planning and outcomes, *Population and Development Review*, vol. 38, pp. 179—196.
- Ouadah-Bedidi, Z., Vallin, J., Bouchoucha, I. (2012) Unexpected developments in Maghrebian fertility, *Population Societies*, vol. 486, iss. 2, pp. 1—4.
- Schoorl, J. J. (1990) Fertility adaptation of Turkish and Moroccan women in the Netherlands, *International Migration (Geneva, Switzerland)*, vol. 28, iss. 4, pp. 477—495.

-
- Shekhar, C., Sekher, T. V., Sulaimanova, A. (2010) Role of induced abortion in attaining reproductive goals in Kyrgyzstan: a study based on KRDHS-1997, *Journal of Biosocial Science*, vol. 42, no. 4, pp. 477—492.
- Singh, S., Samara, R. (1996) Early marriage among women in developing countries, *International Family Planning Perspectives*, vol. 22, no. 4, pp. 148—175.
- Spoor, R. H. (1997) Human population groups and the distribution of lithic arrowheads in the Arabian Gulf, *Arabian Archaeology and Epigraphy*, vol. 8, no. 2, pp. 143—160.
- Spoorenberg, T. (2013) Fertility changes in Central Asia since 1980, *Asian Population Studies*, vol. 9, no. 1, pp. 50—77.
- Thomson, E., Brandreth, Y. (1995) Measuring fertility demand, *Demography*, vol. 32, no. 1, pp. 81—96.
- Zalak, Z. A., Goujon, A. (2017) Exploring the fertility trend in Egypt, *Demographic Research*, vol. 37, no. 32, pp. 995—1030.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 19.04.2024.

The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 19.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Mohammed Yassir Ali — Ph.D. Student, Visiting Professor, Trainee Researcher at the Doctoral School of Sociology, Vishnevsky Institute of Demography, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation, imokhammed@hse.ru (аспирант, приглашенный преподаватель, стажер-исследователь Аспирантской школы по социологическим наукам, Институт демографии им. А. Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия).

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 75—88.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 75—88.

Научная статья

УДК 796-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.6

**ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ
В ВОСПРИЯТИИ ЖЕНЩИН,
ИНТЕГРИРОВАННЫХ В СПОРТ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ**

Анна Вячеславовна Ермилова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ermilova.75@bk.ru

Аннотация. Изучается проблема завершения спортивной карьеры в восприятии спортсменок, интегрированных в сферу спорта высших достижений, актуализированная в результате трех авторских социологических исследований, проведенных в 2022—2023 гг. с помощью анкетирования и интервьюирования ($n_1 = 400$ чел., $n_2 = 31$ чел.), экспертного интервью ($n_3 = 6$ чел.). Выявлены характеристики процесса завершения спортивной карьеры в представлении женщин-спортсменок: наличие/отсутствие стратегии планирования этапа ухода из большого спорта; специфика подготовки акторов к пост-спортивному этапу; причины незапланированного завершения спортивного пути; особенности восприятия прекращения тренировочно-соревновательной деятельности; нуждаемость спортсменок в помощи; субъекты, оказывающие социальную помощь и поддержку спортсменкам, завершающим профессиональную карьеру.

Ключевые слова: спортсменки высших достижений, спортивная карьера, этап завершения спортивной карьеры

Для цитирования: Ермилова А. В. Завершение профессиональной карьеры в восприятии женщин, интегрированных в спорт высших достижений // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 75—88.

Original article

THE END OF A PROFESSIONAL CAREER IN THE PERCEPTION OF WOMEN INVOLVED IN ELITE SPORT

Anna V. Ermilova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, ermilova.75@bk.ru

Abstract. The problem of ending a sports career in the perception of female athletes involved in elite sport is explored. Firstly, the article is based on the conceptual model of adaptation to new conditions of life outside sports, proposed by J. Taylor and B. Ogilvy. Secondly, the author refers to the concept of social space and habitus by P. Bourdieu. The problem of disintegration of female athletes from the field of sports has become relevant again as a result of three original sociological studies conducted in 2022—2023 using questionnaires and interviews with elite athletes (n1 = 400 people, n2 = 31 people), as well as expert interviews (n3 = 6 people). The object of the study is the process of ending a sports career. The subject of the study is the characteristics of the process of ending a sports career. The purpose of the study is to identify the characteristics of the process of ending a sports career by women who are disintegrating from the social field of sports activity. As a result, the following characteristics of the process of ending a sports career in the perception of female athletes were identified: the presence/absence of a strategy for planning the stage of quitting sports; the specifics of preparing actors for the post-sports stage; reasons for the unplanned end of the sports journey; features of perception of the termination of training and competitive activity; female athletes' need for assistance; entities providing social assistance and support to female athlete completing their professional sports careers. The relevance of creating a system of social support for female athletes who are in difficult life situations at the end of their sports career is noted.

Key words: elite female athletes, sports career, stage of completion of a sports career

For citation: Ermilova, A. V. (2024) Zavershenie professional'noy kar'ery v vospriyatii zhenshchin, integrirovannykh v sport vysshikh dostizhenii [The end of a professional career in the perception of women involved in elite sport], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 75—88.

Введение

Сегодня сфера физической культуры и спорта является безусловным государственным приоритетом развития Российской Федерации, особенно в условиях санкционного давления со стороны международного сообщества. Положение российского спорта еще в большей степени обострилось в связи с отстаиванием традиционных ценностей во взаимодействии полов [КоАП РФ...], которые также распространяются и на сферу спорта. Российский спорт переживает тяжелые времена, оказавшись в тисках геополитического противостояния с Западом. В сложившейся ситуации вся ответственность за развитие, в частности, сферы спорта высших достижений ложится на плечи государства, что находит свое отражение в реализации Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 г. [Об утверждении..., 2020], обусловленной также регрессом

результативности российских спортсменов на международной арене [Инфографика... , 2023]. Для решения многоаспектных проблем современного спорта в 2023 г. был проведен Международный спортивный форум «Россия — спортивная держава», в рамках которого состоялось обсуждение негативных тенденций современного спорта высших достижений [Международный форум... , 2023]. В условиях трансформации российского спорта особую значимость приобретают проблемы интеграции новых акторов и сохранения ведущих атлетов в изменяющемся поле спортивной деятельности, а именно увеличение их профессионального долголетия, что актуализирует рассмотрение проблем, связанных с завершением спортивной карьеры.

Завершение спортивной карьеры — это сложный и динамичный процесс, с которым в конечном итоге сталкивается каждый спортсмен, что актуализирует проблему их подготовки к данному этапу жизнедеятельности. Значительная часть исследователей, анализирующих профессиональную деятельность спортсменов, соотносят этап завершения спортивной карьеры с кризисом [Стамбулова, 1997; Зинова, 2016], полагая, что он является своего рода «точкой бифуркации», так как связан прежде всего с трансформацией ценностных структур профессионального сознания: «Данный кризис непосредственно связан с существенным изменением места спорта в жизни человека и, как следствие, необходимостью перестройки образа “Я” и осознания ценности своей личности вне социальной роли спортсмена» [Иванова, 2019: 104].

Сегодня социальная общность спортсменов высокого класса в РФ составляет 104 318 чел. (мастера спорта, мастера спорта международного класса, заслуженные мастера спорта) [Статистика и аналитика...]. С одной стороны, она является лицом страны в глобальном спортивном пространстве и обладает высоким социальным статусом в социуме. С другой — в процессе завершения спортивной карьеры члены общности подвержены кардинальной смене профессионального статуса, поиску новых возможностей финансового обеспечения, что, естественно, отражается на их самоидентификации в обществе, на восприятии их самим социумом. Сформировавшаяся спортивная установка личности может являться барьером в процессе ресоциализации бывших спортсменов. Факторами риска завершения спортивной карьеры являются «подорванное за время спортивных выступлений здоровье, пробелы в базовом и высшем образовании, чувство потерянности и (или) фрустрации, эмоциональное выгорание и неготовность начать заново свой профессиональный путь...» [Миронцев, 2020: 1—2]. Завершение спортивного пути действующего спортсмена актуализирует проблему его жизнеориентирования, которое синтезирует и прошлый опыт, и субъективную позицию самого человека в ракурсе его движения от прошлого к будущему. Жизненный сценарий будущей траектории функционирования в обществе прежде всего предполагает анализ завершающегося жизненного пути в границах социального поля спорта, так как именно обобщенный прошлый опыт способствует конструированию будущего.

Проблема завершения спортивной карьеры поднималась в работах ответственных исследователей Н. Б. Стамбуловой [Стамбулова, 1999], И. В. Федотовой [Федотова, 2010], А. Б. Угловой, В. В. Кинелевой, А. А. Салиной [Углова и др., 2023]. Данный вопрос также рассматривался зарубежными коллегами

Э. Ларссеном [Ларссен, 2018], Дж. Ричардсон и С. Маккенной [Richardson, McKenna, 2020], Й. Ояла, А. Никандером, К. Аунола, Дж. Де Пало, Т. В. Рыба [Ojala et al., 2023]. Следует заметить, что истолкование проблемы завершения спортивной карьеры осуществлено преимущественно в социально-психологическом и медицинском направлениях и практически не имеет научно-исследовательской базы социологического характера.

Актуализация проблемы выявления болевых точек на этапе завершения спортивной карьеры в интерпретации женщин, интегрированных в спорт высших достижений, через призму социологического подхода вносит научный вклад в изучение, во-первых, моделей поведения данной социальной общности; во-вторых, вопроса интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве; в-третьих, проблемы структурной перестройки занятого населения и его адаптации в трансформирующемся обществе [Паспорт научной специальности...]. Более того, исследуемая специфика этапа дезинтеграции из поля спорта женщин-спортсменок продвигает научное понимание такой социальной проблемы, как профессиональное долголетие спортсменов высших достижений, что является важнейшей составляющей национальных целей развития спорта в России. Рассмотрение проблемы завершения спортивной карьеры с учетом мнения спортсменок осуществлено в соответствии с тенденциями развития современного российского общества в противовес легализации нетрадиционных отношений между полами и политики трансгендерной направленности за рубежом.

Методология и методика социологического исследования

Научно-методологической базой изучения процесса завершения спортивной карьеры спортсменами высших достижений является концептуальная модель адаптации к новым условиям жизнедеятельности вне спорта, предложенная Дж. Тейлором и Б. Огилви [Taylor, Ogilvie, 2005]. По их мнению, преимущественно кризисный характер окончания спортивной деятельности подчеркивает важность предварительного планирования своего жизненного пути в социальном поле спорта. Методологическим основанием заявленной проблемы также служат подходы П. Бурдьё: концепция социального пространства [Бурдьё, 1993], способствующая рассмотрению влияния специфических характеристик социального поля спорта на процесс завершения спортивной карьеры [Ермилова, 2022d], и концепция габитуса [Бурдьё, 1998], позволившая интерпретировать габитус спортсмена как систему приобретенных предрасположенностей, которые навязаны структурой социального поля спорта [Ермилова, 2022a].

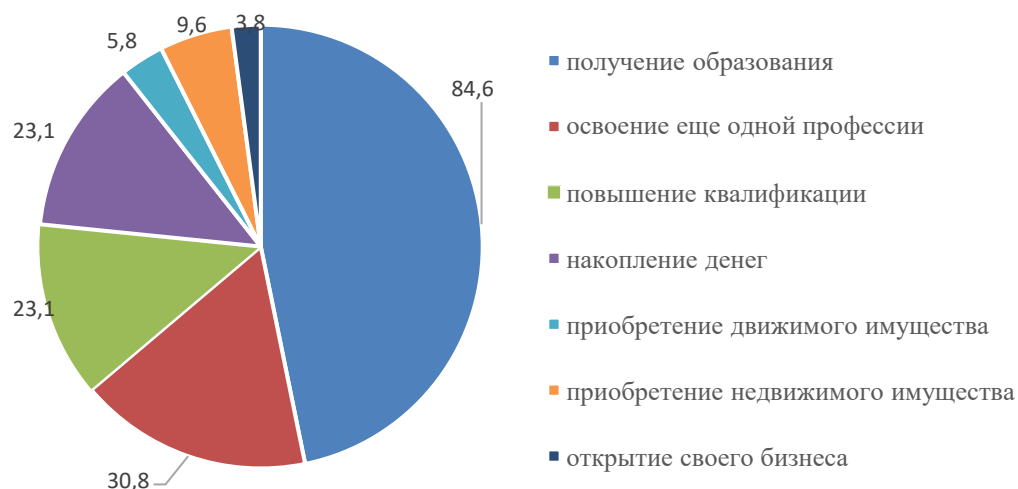
С опорой на теоретико-методологическую базу был проведен ряд авторских социологических исследований: в 2022—2023 гг. — «Специфика профессионального долголетия спортсменов высших достижений» (метод анкетирования, в котором приняли участие спортсмены высших достижений, $n = 400$ чел., выборка осуществлена методом «снежного кома»); в феврале 2023 г. — «Факторы профессионального долголетия спортсменов» (метод экспертного интервью спортсменов высших достижений, имеющих квалификацию «Заслуженный мастер спорта СССР», «Заслуженный тренер РФ», «Мастер спорта международного класса» ($n = 6$ чел.), являющихся призерами и победителями чемпионатов мира,

Олимпийских игр); в марте — апреле 2023 г. — «Востребованность социального сопровождения спортсменов высших достижений» (метод глубинного интервью представителей спорта высших достижений на базе факультета физической культуры и спорта ННГУ им. Н. И. Лобачевского, n = 31 чел.). *Объект исследования* — процесс завершения спортивной карьеры. *Предмет исследования* — характеристики процесса завершения спортивной карьеры. *Цель исследования* — выявление характеристик процесса завершения спортивной карьеры женщинами, дезинтегрирующимися из социального поля спортивной деятельности.

Результаты исследования

В работе (n = 216 чел.) приняли участие представительницы индивидуальных (71,5 %) и командных видов спорта (28,5 %), имеющие спортивную квалификацию «Кандидат в мастера спорта» (58,4 %), «Мастер спорта России» (29,9 %), «Заслуженный мастер спорта» (2,9 %), «Мастер спорта международного класса» (8,9 %). Большинство участниц опроса — 52,0 % — дезинтегрировались из поля спорта высших достижений в достаточно молодом возрасте — до 20 лет, 23,5 % спортсменок ушли из спорта в возрасте 20—25 лет и примерно столько же респонденток закончили соревновательную деятельность в более старших возрастных группах. Более «короткий спортивный век» характерен для женщин-спортсменок, представляющих такие индивидуальные виды спорта, как художественная и спортивная гимнастика, фигурное катание, тогда как более продолжительный стаж профессиональной деятельности характерен для участниц опроса по преимуществу самой высокой спортивной квалификации. Так, среди заслуженных мастеров спорта, мастеров спорта международного класса присутствуют лица, завершившие спортивную карьеру в возрасте 30—40 лет, представляющие командные виды спорта (например, волейбол и баскетбол), а также являющиеся в основном представителями следующих индивидуальных видов спорта: боевые искусства, настольный теннис, легкая атлетика.

Процесс завершения спортивной карьеры может осуществляться, во-первых, на основе жизненного выбора спортсмена, что предполагает планирование своего ухода из поля спорта; во-вторых, в результате непредвиденных обстоятельств, связанных в значительной степени с высоким уровнем травматизации спортсменов [Ermilova, Abelkalns, 2021]. Из всех спортсменок, закончивших спортивную карьеру, 40,4 % сделали это запланированно, 25,0 % прекратили заниматься спортивной деятельностью в результате непредвиденных для них обстоятельств, все остальные не смогли определиться со своим выбором. Планирование завершения спортивной карьеры свойственно женщинам всех спортивных квалификаций. Однако значительная часть спортсменок высокого класса не задумывались о планировании постспортивного этапа, что может негативно отражаться на процессе адаптации вне спортивного поля в результате их неподготовленности к данному этапу жизнедеятельности. Стоит отметить, что подготовка к этапу ухода из спортивной сферы осуществлялась преимущественно за счет приобретения образования высокого уровня (84,6 %), консолидации имущественных активов (38,5 %), освоения новой профессии (30,8 %), повышения уровня спортивной квалификации (23,1 %) (рис.).

Способы подготовки женщин к этапу завершения спортивной карьеры, %
(n = 216 чел.)

Приобретение движимого и недвижимого имущества, как и иных материальных средств, помогающих подготовиться к завершению спортивной карьеры, характерно для женщин-спортсменок с более продолжительным стажем профессиональной деятельности и более высоким профессиональным уровнем, получающих щедрые вознаграждения за достигнутые спортивные результаты.

Что же касается внезапного обрыва спортивной карьеры, характерного для участниц опроса практически всех возрастных групп, то именно они в большей степени испытывают максимально негативные чувства по отношению к этапу завершения спортивной деятельности (табл.).

Восприятие женщинами этапа завершения спортивной карьеры в зависимости от наличия его планирования, % (n = 216 чел.)

Восприятие этапа ухода из спорта	Наличие планирования этапа завершения спортивной карьеры		
	Плановое мероприятие	Внезапный обрыв карьеры	Не задумывалась об этом
Для меня это трагедия	2,4	50,0	12,7
Для меня это новый старт	88,1	38,5	47,2
Затрудняюсь ответить	9,5	11,5	40,1

Планирование этапа дезинтеграции из поля спорта высших достижений является, по сути, превентивной мерой для сохранения ресурсности, позволяющей спортсменкам избежать негативных последствий постспортивной адаптации,

результатом чего становится восприятие этапа завершения спортивной карьеры как нового старта в их жизнедеятельности. Те же спортсменки, преимущественно имеющие квалификацию кандидата в мастера спорта, которые внезапно покинули спортивную арену, в большей мере воспринимают уход из спорта как личную трагедию (50 %), что объясняется чувством несбывшихся надежд и ожиданий.

Оценка причин незапланированного ухода из спорта высших достижений позволяет выявить первостепенное значение именно валеологических проблем, обуславливающих внезапный обрыв спортивной деятельности у женщин-спортсменок: травмы (43,0 %), общее ухудшение состояния здоровья / хронические заболевания (32,0 %), конфликты с тренерами (25,0 %), отсутствие результата (18,0 %), плохое финансирование (17,9 %), отсутствие мотивации (14,3 %), возрастной лимит (10,7 %), конфликты с членами команды (3,6 %). Причем чем продолжительнее стаж пребывания в поле спорта, тем выше значимость таких причин незапланированного ухода из спорта, как травматизм и наличие хронических заболеваний. Проблему сохранности здоровья как доминирующего фактора долголетия в сфере спорта актуализирует и экспертная группа, указывая, например, что *спорт и здоровье — это вещи несовместимые; без травм большой спорт невозможен; травматизация способствует более раннему уходу из спорта; умение сохранить здоровье в ходе построения спортивной карьеры — это залог спортивного долголетия*. В этой связи, по мнению экспертной группы, особую значимость приобретает вопрос своевременно оказанной реабилитационной помощи спортсменкам высокого класса, положительно сказывающейся на продолжительности спортивной карьеры.

Значительная часть женщин также является эмоционально восприимчивой группой, в результате чего они могут внезапно принять решение уйти из спорта из-за конфликта с тренером (25,0 %) либо разногласий в команде (3,6 %). Следовательно, женская аудитория спортсменов представляет собой финансово менее притязательную категорию, но подверженную эмоциональной лабильности, отражающейся на их состоянии здоровья, что связано в том числе с их репродуктивными установками (ответственное деторождение).

На этапе завершения спортивной карьеры дискомфорт у спортсменок могут вызвать различные обстоятельства: прекращение спортивно-тренировочного процесса (59,3 %), непонимание смысла жизни вне спорта (45,1 %), потеря статуса спортсмена высших достижений (34,1 %), чувство истощенности сил (36,3 %), разрыв связей с членами команды (22,0 %), плохое состояние здоровья (18,7 %), снижение доходов (15,4 %), отсутствие опеки со стороны тренера/клуба (15,4 %), отсутствие медицинского контроля (14,3 %), отсутствие поддержки со стороны близких (2,2 %). Следует обратить внимание, что достаточно большая доля женщин-спортсменок (45,1 %) не имеют представления о жизни вне спорта на всем протяжении своего карьерного пути. Данный аспект интеграции индивидов в поле спорта, на наш взгляд, связан с ранней социализацией будущих чемпионов в профессиональной деятельности, с необходимостью «погрузиться с головой» в тренировочно-соревновательный процесс для достижения наивысшего результата, с их пребыванием в спортивных классах / интернатах, училищах, что, в свою очередь, может осложнять вхождение спортсменов в новую для них социальную реальность. Дефицит эмоциональной связи спортсменок с наставниками (15,4 %),

с членами спортивной команды (22,0 %), как и чувство истощения сил (36,3 %), в большей степени выступает проявлением психического дискомфорта у женщин на этапе ухода из спорта. Полученные результаты еще раз подтверждают данные ранее проведенных исследований относительно большей чувствительности женщин, в частности к негативным событиям в их жизни [Ильин, 2002; Андреева, 2009], что необходимо учитывать специалистам, помогающим адаптироваться спортсменам в постспортивный период.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами закономерно встает вопрос о выявлении нуждаемости в помощи в процессе ухода из большого спорта. Потребность в помощи в большей степени демонстрируют спортсменки, карьера которых оборвалась незапланированно (84,6 %). Причем с увеличением спортивного стажа пропорционально возрастает необходимость содействия в преодолении проблем, возникающих на данном этапе жизнедеятельности, прежде всего вследствие изношенности организма. Помощь спортсменкам, как правило, оказывают следующие субъекты: семья (72,0 %); друзья, не имеющие отношения к спорту (31,0 %); друзья из спортивного сообщества (27,5 %); клуб / спортивные организации (7,7 %); федерации (2,2 %). Семья является доминирующим субъектом вспомоществования на этапе дезинтеграции из поля спорта. Спортсменкам с менее продолжительным спортивным стажем на помощь приходит практически всегда родительская семья. С увеличением стажа пребывания в поле спорта типичными субъектами вспомоществования становятся в равной степени как родители спортсменок, так и их супруги. Нельзя не сказать о том, что женщины, нацеленные на достижение высоких спортивных результатов, в меньшей степени ориентированы на создание собственной семьи в период реализации на спортивной арене, а соответственно и на деторождение [Ермилова, 2022с]. Следовательно, профессиональная занятость женщин в спорте способствует смещению акцентов их интересов в сторону предпочтения реализации в первую очередь в спорте высших достижений, чему способствуют контрактные условия функционирования спортсменок, накладывающие запрет на материнство.

Следует также указать на низкий уровень вспомоществования институциональных образований спортивной направленности как на отсутствие помощи со стороны представителей государственных органов власти. При этом, несмотря на достаточно острую нуждаемость спортсменок в помощи, 11,0 % участников опроса никто ее не оказал. Однако чем продолжительнее стаж интеграции в поле спорта, чем выше уровень квалификации спортсменов, а соответственно и уровень спортивных достижений, тем чаще спортивные организации / учреждения участвуют в жизни спортсменок на этапе завершения спортивной карьеры.

На необходимость оказания помощи спортсменам, в том числе и на этапе ухода из спорта, указывают и эксперты, аргументируя ее низким уровнем социальной защиты данной категории населения по сравнению с патерналистской эпохой в истории советского спорта [Ермилова, 2023: 43].

Мнение спортсменов высокого класса (n = 31 чел.) совпадает с мнением экспертной группы в отношении необходимости повышения социальной защищенности спортсменов, в том числе на этапе завершения спортивной карьеры. В частности, они указывают, что спортсмены могут воспользоваться только базовым уровнем социальной защиты, как и иные категории населения.

«Настоящее законодательство не учитывает такие особенности спортивной деятельности, по сравнению с профессиональной деятельностью иных специалистов, как раннее начало, специализация, кульминация и ранее окончание профессионального спортивного пути» [Ермилова, 2022b: 359]. В результате спортсмены актуализировали вопрос востребованности программы социального сопровождения спортсменов, испытывающих трудности в постспортивный период, а в нашем случае это преимущественно акторы, чья карьера оборвалась незапланированно [Ермилова, Булатова, 2023: 135].

В связи с высоким уровнем востребованности центра социального сопровождения актуализируется вопрос наличия спроса на услуги работников различной специализации. Высоковостребованными субъектами помощи спортсменам на этапе завершения спортивной карьеры являются психологи (68,6 %), реабилитологи (62,9 %), врачи различной специализации (59,0 %). Кроме прочего, 65,0 % женщин полагают, что на этапе ухода из поля спортивной деятельности актуализируется потребность в помощи представителей системы органов занятости населения, как и в помощи социального работника (6,7 %) и юриста (3,0 %), необходимых в наиболее трудных жизненных ситуациях.

Следовательно, создание системы социального сопровождения спортсменов, завершающих спортивную карьеру, является востребованным направлением помощи, что может, с одной стороны, способствовать более успешной их интеграции в социум, с другой — будет выступать мотивирующим фактором более продолжительной спортивной карьеры в связи со снижением социальных рисков, характерных для поля спорта.

Выводы

Специфическими характеристиками процесса завершения спортивной карьеры являются:

— наличие стратегии планирования постспортивного этапа, свойственной значительной категории женщин — спортсменок разных квалификационных уровней. Тем не менее обнаруженный дефицит планирования этапа завершения спортивной карьеры актуализирует вопрос своевременной информированности спортсменок высших достижений о возможных профессиональных рисках спортивной деятельности, оказывающих негативное воздействие на процесс адаптации спортсменов вне сферы физической культуры и спорта;

— подготовка женщин к этапу ухода из спорта, преимущественно заключающаяся в достижении высокого образовательного уровня. Однако на этапе завершения спортивной карьеры женщины также предпочитают приобретать движимое и недвижимое имущество, аккумулировать финансы, что говорит о высокой значимости экономического капитала в сознании спортсменок высших достижений;

— незапланированное прерывание карьерного пути, являющееся типичной ситуацией в жизнедеятельности спортсменок высших достижений и характеризующееся главным образом валеологическими обстоятельствами. Женщины в большей мере актуализируют, во-первых, проблему здоровьесбережения как доминирующего фактора, способствующего профессиональному долголетию; во-вторых, сложность в выстраивании коммуникаций непосредственно как с наставниками, так и с членами спортивного коллектива. Незапланированный уход из

спорта чаще всего вызывает личностный кризис, психологически тяжело переживаемый женщинами-спортсменками;

— отсутствие представлений о жизнедеятельности вне спортивного поля деятельности, усугубляющееся чувством истощенности сил к моменту ухода из спорта, являющееся основным барьером интеграции спортсменок в социум и вызывающее у них личностный дискомфорт;

— нуждаемость в помощи на этапе завершения спортивной карьеры, которую в большей степени демонстрируют спортсменки, незапланированно покинувшие поле спорта; им, как правило, на помощь приходит их собственная семья. В целом же потребность в социальной помощи и поддержке, социальной защищенности находится на достаточно высоком уровне, особенно у спортсменок, покинувших поле спорта в результате травматизации, что актуализирует вопрос о необходимости создания центра социального сопровождения спортсменок на разных этапах функционирования как в поле спорта, так и за его пределами;

— нуждаемость женщин-спортсменок в первую очередь в психологической помощи, поскольку у многих из них к моменту ухода из спорта в значительной степени наблюдается эмоциональная лабильность, вызванная чувством истощенности сил, разрывом отношений с наставником-тренером, невысоким уровнем информированности о социальной реальности вне поля спорта. Отсутствие информационной и психологической поддержки, а также низкий уровень оказания реабилитационных услуг могут способствовать социальной эксклюзии бывших спортсменок, трансформировать их в объект социальной работы, тем самым негативно влияя на процесс перетекания их ресурсности в сфере социально-трудовых отношений после завершения ими спортивной карьеры.

Список источников

- Андреева П. А.* Эмоциональные основания «женского мира» // Аналитика культурологии. 2009. № 3. С. 88—91.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44—59.
- Ермилова А. В.* Габитус спортсмена: социологическая интерпретация через призму теории П. Бурдые // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022а. № 2. С. 339—349.
- Ермилова А. В.* Проблема социальной защищенности спортсменов высших достижений // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы / под ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2022б. С. 357—363.
- Ермилова А. В.* Студенческая семья в восприятии студентов факультета физической культуры и спорта // Международный симпозиум «Семья и преемственность поколений»: материалы симпозиума, Иваново — Плётс, 30 сентября — 1 октября 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022с. С. 102—109.
- Ермилова А. В.* Характеристики социального поля спорта: элементы теории П. Бурдые // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2022d. Т. 22, вып. 4. С. 418—423.
- Ермилова А. В.* Факторы, влияющие на продолжительность профессионального возраста представителей спорта высших достижений // Качество занятости наемных

работников и самозанятых в России: материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции. Уфа: Уфим. ун-т науки и технологий, 2023. С. 39—44.

- Ермилова А. В., Булатова Е. С.* Актуализация социального сопровождения представителей спортивной сферы деятельности: социологический аспект // Безопасный спорт: материалы X Международного конгресса «Безопасный спорт — 2023. Перетренированность в спорте. Междисциплинарный подход». СПб.: Изд-во Сев.-Зап. гос. мед. ун-та им. И. И. Мечникова, 2023. С. 131—136.
- Зинова У. А.* Кризисы и кризисные состояния в спортивной карьере // Психология XXI столетия. Новые возможности. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2016. С. 79—81.
- Иванова М. М.* Особенности протекания кризиса завершения спортивной карьеры: (на примере студентов Института физической культуры и спорта) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4. С. 104—107.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психология у мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002. 560 с.
- Инфографика: сравниваем медальные зачеты семи последних олимпиад. 2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZRPQQICnGSVHhhuu> (дата обращения: 20.01.2024).
- КоАП РФ. Ст. 6.21: Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d4344568bd586d541d39273855ba64ba9d18e84a/ (дата обращения: 25.01.2024).
- Ларссен Э. Б.* Без жалости к себе. Раздвинь границы своих возможностей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 211 с.
- Международный форум «Россия — спортивная держава». 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72543> (дата обращения: 25.01.2024).
- Миронцев И. В.* Вторая карьера спортсменов международного уровня Республики Беларусь: социологический анализ: автореф. ... канд. социол. наук. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2020. 26 с.
- Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р. 2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/> (дата обращения: 20.01.2024).
- Паспорт научной специальности. ВАК 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы. URL: <https://www.teacode.com/online/vak/p22-00-04.html> (дата обращения: 25.01.2024).
- Стамбулова Н. Б.* Кризисы спортивной карьеры // Теория и практика физической культуры. 1997. № 10. URL: <http://lib.sportedu.ru/Press/tpfk/1997N10/p13-17.htm> (дата обращения: 22.12.2023).
- Стамбулова Н. Б.* Психология спортивной карьеры: учебное пособие. СПб.: Центр карьеры, 1999. 367 с.
- Статистика и аналитика развития спорта в России. URL: <https://msrfinfo.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).
- Углова А. Б., Кинелева В. В., Салина А. А.* Стратегии совладающего поведения профессиональных спортсменов с разными ранними дезадаптивными схемами на этапе завершения карьеры // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN523.pdf> (дата обращения: 27.12.2023).
- Федотова И. В.* Медико-социальная адаптация спортсменов высокой квалификации в постспортивном периоде: автореф. ... канд. мед. наук. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2010. 24 с.

- Ermilova A. V., Abelkalns I. The impact of traumatism on the professional aging: the case of elite sports // *Human, Technologies and Quality of Education*. 2021. № 1. P. 1112—1122.
- Ojala J., Nikander A., Aunola K., De Palo J., Ryba T. V. The role of career adaptability resources in dual career pathways: a person-oriented longitudinal study across elite sports upper secondary school // *Psychology of Sport and Exercise*. 2023. Vol. 67. URL: <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/87676/1-s2.0-S1469029223000626-main.pdf?sequence=-1&isAllowed=y> (дата обращения: 21.12.2023).
- Richardson J., McKenna S. An exploration of career sustainability in and after professional sport // *Journal of Vocational Behavior*. 2020. Vol. 117. URL: <https://espace.curtin.edu.au/handle/20.500.11937/81000> (дата обращения: 21.12.2023).
- Taylor J., Ogilvie B. *Career Transition among Elite Athletes: Is There Life after Sports?* Columbus (OH): McGraw Hill, 2005. URL: <https://www.drjimtaylor.com/4.0/writing/book-chapters/> (дата обращения: 23.01.2024).

References

- Andreeva, P. A. (2009) Ėmotsional'nye osnovaniia "zhenskogo mira" [The emotional foundations of "women's world"], *Analitika kul'turologii*, no. 3, pp. 88—91.
- Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics], Moscow: Socio-Logos.
- Bourdieu, P. (1998) Struktura, gabitus, praktika [Structures, habitus, practices], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44—59.
- Ermilova, A. V. (2022a) Gabitus sportsmena: sotsiologicheskaiia interpretatsiia cherez prizmu teorii P. Burd'e [The habitus of the athlete: a sociological interpretation through the prism of P. Bourdieu's theory], *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, no. 2, pp. 339—349.
- Ermilova, A. V. (2022b) Problema sotsial'noi zashchishchennosti sportsmenov vysshikh dostizhenii [The problem of social protection of elite athletes], in: Saraliev, Z. Kh. (ed.), *Kommunikativnye praktiki sovremennoi molodzhi: perspektivy i vyzovy*, Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo, pp. 357—363.
- Ermilova, A. V. (2022c) Studencheskaia sem'ia v vospriiatii studentov fakul'teta fizicheskoi kul'tury i sporta [Student family in the perception of students of the Faculty of Physical Education and Sports], *Mezhdunarodnyi simpozium "Sem'ia i preemstvennost' pokolenii"*: Materialy simpoziuma, Ivanovo — Pl's, 30 sentiabria — 1 oktiabria 2022 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 102—109.
- Ermilova, A. V. (2022d) Kharakteristiki sotsial'nogo polia sporta: elementy teorii P. Burd'e [The characteristics of the sports social field: some elements of P. Bourdieu's theory], *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, novaia seriia, seriia Sotsiologiya, Politologiya, vol. 22, iss. 4, pp. 418—423.
- Ermilova, A. V. (2023) Faktory, vliiaushchie na prodolzhitel'nost' professional'nogo vozrasta predstavitelei vysshikh dostizhenii [Factors influencing the length of professional age of representatives of the highest achievements], *Kachestvo zaniatosti naemnykh rabotnikov i samozaniatykh v Rossii*: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii, Ufa: Ufimskii universitet nauki i tekhnologii, pp. 39—44.
- Ermilova, A. V., Abelkalns, I. (2021) The impact of traumatism on the professional aging: The case of elite sports, *Human, Technologies and Quality of Education*, no. 1, pp. 1112—1122.
- Ermilova, A. V., Bulatova, E. S. (2023) Aktualizatsiia sotsial'nogo soprovozhdeniia predstavitelei sportivnoi sfery deiatel'nosti: sotsiologicheskii aspekt [Updating social support for representatives of the sports sector: sociological aspect],

- in: *Bezopasnyĭ sport: Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa "Bezopasnyĭ sport — 2023. Peretrenirovannost' v sporte. Mezhdistsiplinarnyĭ podkhod"*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Severo-Zapadnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta imeni I. I. Mechnikova, pp. 131—136.
- Fedotova, I. V. (2010) *Mediko-sotsial'naia adaptatsiia sportsmenov vysokoĭ kvalifikatsii v postsportivnom periode: Avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Medical and social adaptation of highly qualified athletes in the post-sports period: Synopsis of a theses (Cand. Sc.)], Volgograd.
- Il'in, E. P. (2002) *Differentsial'naia psikhologiya u muzhchiny i zhenshchiny* [Differential psychology in men and women], St. Petersburg: Piter.
- Infografika: sravnivaem medal'nye zachety semi poslednikh olimpiad* (2023) [Infographics: comparing medal standings of the last seven Olympiads], available from <https://dzen.ru/a/ZRPQICnGSVHhhy> (accessed 20.01.2024).
- Ivanova, M. M. (2019) Osobennosti protekaniia krizisa zaversheniia sportivnoĭ kar'ery: (Na primere studentov Instituta fizicheskoi kul'tury i sporta) [Features of the crisis completion of sports career: (Case study of students in Institute of Physical Education and Sports)], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4, pp. 104—107.
- Larssen, È. B. (2018) *Bez zhalosti k sebe. Razdvin' granitsy svoikh vozmozhnostei* [No mercy. Be your best with mental training], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Mezhdunarodnyĭ forum "Rossiia — sportivnaia derzhava"* (2023) [International forum "Russia is a sports power"], available from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72543> (accessed 25.01.2024).
- Mirontsev, I. V. (2020) *Vtoraia kar'era sportsmenov mezhdunarodnogo urovnia Respubliki Belarus': Sotsiologicheskii analiz: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Second career of international athletes of the Republic of Belarus: Sociological analysis: Synopsis of a Thesis (Cand. Sc.)], Minsk.
- Ojala, J., Nikander, A., Aunola, K., De Palo, J., Ryba, T. V. (2023) The role of career adaptability resources in dual career pathways: A person-oriented longitudinal study across elite sports upper secondary school, *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 67, available from <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/87676/1-s2.0-S1469029223000626-main.pdf?sequence=-1&isAllowed=y> (accessed 21.12.2023).
- Richardson, J., McKenna, S. (2020) An exploration of career sustainability in and after professional sport, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 117, available from <https://espace.curtin.edu.au/handle/20.500.11937/81000> (accessed 21.12.2023).
- Stambulova, N. B. (1997) Krizisy sportivnoĭ kar'ery [Sports career crises], *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury*, no. 10, available from <http://lib.sportedu.ru/Press/tpfk/1997N10/p13-17.htm> (accessed 22.12.2023).
- Stambulova, N. B. (1999) *Psikhologiya sportivnoĭ kar'ery: Uchebnoe posobie* [Psychology of a sports career: Training manual], St. Petersburg: Tsentr kar'ery.
- Statistika i analitika razvitiia sporta v Rossii* [Statistics and analytics of sports development in Russia], available from <https://msrfinfo.ru/> (accessed 21.12.2023).
- Taylor, J., Ogilvie, B. C. (2005) *Career Transition among Elite Athletes: Is There Life after Sports?*, Columbus, OH: McGraw Hill, available from <https://www.drjimtaylor.com/4.0/writing/book-chapters/> (accessed 23.01.2024).
- Uglova, A. B., Kineleva, V. V., Salina, A. A. (2023) Strategii sovladaiushchego povedeniia professional'nykh sportsmenov s raznymi rannimi dezadaptivnymi skhemami na etape zaversheniia kar'ery [Strategies of coping behavior of professional athletes with different early maladaptive schemes at the stage of career completion], *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, vol. 11, no. 5, available from <https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN523.pdf> (accessed 27.12.2023).

Zinova, U. A. (2016) Krizisy i krizisnye sostoiianiia v sportivnoi kar'ere [Crises and crisis conditions in a sports career], in: *Psikhologiiia XXI stoletiiia. Novye vozmozhnosti*, Iaroslavl: Izdatel'stvo Iaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni K. D. Ushinskogo, pp. 79—81.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ермилова Анна Вячеславовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ermilova.75@bk.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 89—107.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 89—107.

Научная статья

УДК 316.356.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.7

**СУПРУЖЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН
ГЛАЗАМИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТА**

*Ольга Александровна Воронина,
Екатерина Владимировна Митягина,
Марина Николаевна Бородатая, Елена Валерьевна Волченкова,
Нина Николаевна Ершова*

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, forol@list.ru

Аннотация. Исследование интернет-обращений и комментариев к ним является дополнительным источником информации о специфике супружеского насилия в силу того, что жертвы по разным причинам не обращаются за помощью в официальные органы. Авторы расширяют и дополняют научные исследования, предлагая развернутый перечень параметров анализа, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии. Целью исследования стало выявление специфики представлений о супружеском насилии в отношении женщин пользователей российского Интернета. Проанализировано 10 тыс. сообщений из открытых источников в Интернете, содержащих описание супружеского насилия, с помощью методов извлечения данных через систему «Крибрум», предобработки данных, разметки сообщений, статистических методов (частотный анализ, кросс-табуляция, критерий хи-квадрат Пирсона). Представлено описание особенностей супружеского насилия в отношении женщин по выделенным параметрам: 1) типу агрессора (мужчина, женщина); 2) типу повествования (от первого или от третьего лица); 3) виду насилия (физическое, сексуальное, психологическое, экономическое); 4) типу насилия (систематическое насилие и контроль; сопротивление и оборона; ситуационное насилие; провокационное насилие; разрыв отношений); 5) тональности сообщения (позитивная, негативная, противоречивая, нейтральная); 6) позиции автора (осуждение насилия, оправдание насилия, поддержка жертвы, нейтральное отношение, противоречивое отношение); 7) виду поддержки в комментариях при ее наличии (информационная, эмоциональная); 8) типу активности жертвы («действие» и «бездействие»).

© Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородатая М. Н., Волченкова Е. В.,
Ершова Н. Н., 2024

Ключевые слова: насилие, семейное насилие, супружеское насилие в отношении женщин, виды насилия

Для цитирования: Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородастая М. Н., Волченкова Е. В., Ершова Н. Н. Супружеское насилие в отношении женщин глазами пользователей российского Интернета // *Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 89—107.*

Original article

SPOUSE VIOLENCE AGAINST WOMEN THROUGH THE EYES OF RUSSIAN INTERNET USERS

*Olga A. Voronina, Ekaterina V. Mitiagina, Marina N. Borodataya,
Elena V. Volchenkova, Nina N. Ershova*

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, forol@list.ru

Abstract. The study of Internet messages and comments on them is an additional source of information about the specifics of spousal violence due to the fact that victims do not ask for help from official authorities for various reasons. The authors expand and complement scientific research by offering a comprehensive list of parameters that can be extracted from messages of Russian Internet users about spousal violence. The purpose of the study was to identify the specifics of ideas about spousal violence against women through the eyes of Russian Internet users. 10,000 messages from open sources on the Internet containing a description of spousal violence were analyzed using data extraction methods in the Kribrum system, data preprocessing, message tagging, and statistical methods (frequency analysis, cross-tabulation, Pearson's chi-squared test). The features of spousal violence against women are presented according to the selected parameters: 1) type of aggressor (male, female); 2) kind of violence (physical, sexual, psychological, economic); 3) type of narration (from the first or third person); 4) type of violence (systematic violence and control; resistance and defense; situational violence, provocative violence, breakup); 5) tone (positive, negative, contradictory, neutral); 6) position (condemnation of violence, justification of violence, support for victims, neutral attitude, contradictory attitude); 7) type of support in the comments, if any (informational, emotional); 8) type of activity of victims (action and inaction). It is shown that in 88,5 % of the messages the violator is a man. The problem of violence is latent. Victims are not ready to talk about facts of spousal violence, most of the messages are written in the third person — 90,9 %. Physical violence against women occurs more frequently (91,5 %) than other kinds of violence and it is a systematically repetitive behavior (70,4 %). The causes of situational violence (24,5 %) are the state of intoxication or extreme emotional irritation of a man. 5 positions of the authors of the messages regarding spousal violence against women were identified: neutral (45,6 %), condemning (35,6 %), supportive (10,5 %), justifying (7,1 %) and contradictory (1,2 %). The authors of the messages whose position is connected with condemnation of violence (35,6 %) are ready to provide the victim with emotional (9,7 %) and less often informational support (1,9 %). A female victim of spousal violence is more likely to be inactive (9,5 %), she experiences a lack of opportunities and rarely resolves a crisis situation actively (0,95 %).

Key words: violence, family violence, spousal violence against women, types of violence

For citation: Voronina, O. A., Mitiagina, E. V., Borodataya, M. N., Volchenkova, E. V., Ershova, N. N. (2024) *Supruzheskoe nasilie v otnoshenii zhenshchin glazami pol'zovatelei rossiiskogo Interneta* [Spouse violence against women through the eyes of Russian Internet users], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—107.

Введение

Актуальность проблемы исследования определяется увеличением масштабов семейного насилия, преимущественно над женщинами. Супружеское насилие в отношении женщин как форма проявления гендерного неравенства, увековеченная патриархальными структурами и культурными нормами общества, существовало во все времена, однако не всегда рассматривалось в качестве острой социальной проблемы. Предметом активного обсуждения обозначенная тема стала сравнительно недавно, в 70-х гг. XX в., благодаря активизации деятельности средств массовой информации и женского движения в США и странах Западной Европы. Вторая волна научного и практического интереса к представленной проблематике связана с всплеском домашнего насилия в период пандемии COVID-19 [Казун, 2022; Калабихина, 2022], что в первую очередь обусловлено карантинном, усугубляющим семейные конфликты, экономическим бедствием и напряженностью, изменением образа жизни, обострением заболеваний и ограничениями в получении необходимой поддержки жертвами семейного насилия во время пандемии [Zhang, 2022].

Исследователи отмечают отсутствие у обсуждаемой проблемы географических, классовых, расовых, культурных, религиозных и социально-экономических границ. Так, насилие между интимными партнерами диагностируется в самых разных частях света: в Америке, Европе, Азии и Африке [Kourti et al., 2021].

Супружеское насилие является частью широкого понятия — домашнего (или семейного) насилия, которое осуществляется в форме повторяющегося цикла с увеличением частоты: физического, словесного, экономического или сексуального оскорбления члена семьи для подавления его воли и приобретения над ним власти [Саламова, 2018].

Под супружеским насилием (англоязычный термин «intimate partner violence»), согласно взглядам Т. В. Шипуновой, понимается воздействие одного социального агента на другого, связанного с первым официальными (брачными) или неофициальными (гражданский брак / сожительство) отношениями, в ходе которого причиняется вред (физический, психологический, моральный и др.) либо превышает мера эквивалентного воздаяния в ответных реакциях [Шипунова, 2016: 143]. Супружеское насилие отличается от других видов насилия тем, что обидчик и жертва находятся в родственных или иных близких отношениях, что усугубляет психологическую травму, получаемую жертвой.

По характеру насильственных действий в отношении женщин авторы рассматривают следующие виды насилия: физическое, психологическое, сексуальное, финансовое и насилие, выраженное в избыточном контроле [Ali et al., 2021]. Р. М. Садыков и Н. Л. Большакова отмечают, что если мужчина однажды

применил к женщине один вид домашнего насилия, то применит и остальные [Садыхов, Большакова, 2022: 176]. Супружеское насилие часто имеет криминальные признаки и попадает в поле зрения социального контроля. Здесь чаще всего речь идет о физическом насилии с целью причинения боли или травмы партнеру. Крайней формой физического насилия является убийство.

Исследования супружеского насилия показывают, что агрессия мужчины по отношению к женщине воспринимается как типичное поведение [Walker et al., 2018], как норма общественного проявления, не вызывающая возражений, при этом мужу-агрессору приписывается большая вина, чем жене-агрессору [Улыбина, Аббасова, 2020], последствия агрессии мужчин по отношению к женщинам расцениваются как более тяжелые и опасные [Allen, Bradley, 2017].

Женщины, имеющие детей, отмечают исследователи, с большей вероятностью оказываются в небезопасной жизненной ситуации с риском виктимизации насилия со стороны интимного партнера [Petersson, Thunberg, 2022]. Более молодые женщины репродуктивного возраста подвергаются почти в 10 раз большему риску домашнего насилия, чем пожилые, женщины пострепродуктивного возраста [Peters et al., 2002].

В науке представлены многочисленные исследования клинико-психологических особенностей женщин, переживших домашнее насилие. Так, А. Х. Пашина установила, что у женщин, подвергающихся насилию со стороны мужа, наблюдается превышение нормы показателей социальной эмоциональности и тревожности [Пашина, 2002]. О. К. Таусинова описывает наличие у женщины-жертвы обостренного чувства осознания собственного Я, негативных ожиданий относительно межличностного взаимодействия с другими людьми. В состоянии травматизации она переживает депрессию и имеет патологический психический уровень дезадаптации, которая при этом внешне не проявляется [Таусинова, 2018]. Насилие со стороны супруга или интимного партнера является причиной заболеваний, передаваемых половым путем, непреднамеренной беременности, гинекологических проблем, легких и тяжелых расстройств и смертности среди женщин [Katole et al., 2023].

Несмотря на то что тема супружеского насилия актуальна для современного общества и в публикациях представлены многочисленные исследования данной проблематики, наблюдается дефицит фундаментальных исследований реальной распространенности обозначенного явления, рисков возникновения, восприятия и оценки его в сознании граждан.

Сложность анализа определяется в числе прочего и высокой латентностью супружеского насилия: жертвы обоюбого пола далеко не всегда обращаются за помощью и не сообщают о преступлении [Лысова, 2008] из-за отсутствия уверенности в разрешении конфликтной ситуации, нежелания выносить семейные проблемы на суд общественности, чувства стыда перед обществом, желания сохранить семью, страха мести со стороны насильника [Пахомова, 2021]. Так, только около половины женщин, которых держали под прицелом жестокие партнеры, обращались в полицию. Среди тех, кто обращались за помощью через систему правосудия, лишь около 70 % заявляли в полицию или суд об угрозах

огнестрельным оружием [Logan et al., 2022]. Статистика обращений в полицию отражает прежде всего уровень физического и сексуального насилия, тем самым из поля внимания упускаются иные виды насилия (психологическое, финансовое и др.).

Постановка задачи / выдвижение гипотезы

В статьях, опубликованных в международно признанных академических журналах, можно наблюдать довольно широкий разброс значений о распространенности семейного насилия в отношении женщин среди населения той или иной страны. Ряд исследований ограничены небольшими выборками, что может определить недостоверность полученных выводов.

В научных работах в рамках обозначенной проблемы за основу сбора информации авторы берут разные базы данных: статистику обращений в полицию или кризисный центр [Agüero, 2021; Hsu, Henke, 2021], количество обращений по телефону доверия [Leslie, Wilson, 2020], статистику обращений за медицинской и юридической помощью [Cho et al., 2021], данные опросов общественного мнения [Ростовская и др., 2018; Every-Palmer et al., 2020], количество интернет-запросов, связанных с домашним насилием [Berniell, Facchini, 2021], данные публикаций в СМИ [Krishnakumar, Verma, 2021; Maji et al., 2022], количество выявленных насильственных травм в ходе стоматологического обследования [Nascimento et al., 2023]. Однако каждый из предложенных источников информации имеет свои недостатки и не позволяет оценить реальные масштабы и особенности семейного насилия в отношении женщин. С учетом деликатности проблемы, ее латентного характера, на наш взгляд, необходимо за основу анализа брать данные из открытых источников сети Интернет. Интернет выступает своеобразным ресурсом, в частности, для жертв супружеского насилия, которые по разным причинам не обращаются за помощью в официальные органы и к соответствующим специалистам.

Исследование онлайн-обращений и комментариев к ним является дополнительным источником информации о специфике супружеского насилия. Однако научному сообществу не хватает набора руководств для составления поисковых запросов, описания процесса подготовки данных, а также оценки релевантности полученных данных. Авторы статьи расширяют и дополняют научные исследования, предлагая развернутый перечень параметров, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии с помощью анализа данных из открытых источников Сети.

Цель исследования — выявление специфики представлений о супружеском насилии в отношении женщин пользователей российского Интернета.

Задачами исследования выступают:

- 1) выявление представленности видов и типов супружеского насилия в сообщениях пользователей российского Интернета;
- 2) определение тональности сообщений и позиции их авторов в отношении супружеского насилия;
- 3) установление основных видов поддержки, оказываемых пользователями российского Интернета жертвам супружеского насилия.

Гипотезой исследования является предположение о том, что развернутый перечень параметров анализа, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии, включает в себя: 1) тип агрессора, 2) тип повествования, 3) вид насилия, 4) тип насилия, 5) тональность сообщения, 6) позицию автора, 7) вид поддержки в комментариях, 8) тип активности жертвы.

Методы и этапы исследования

В представленном исследовании мы применили несколько методов.

1. Методы извлечения данных из открытых источников сети Интернет с помощью поиска по ключевым словам через систему «Крибрум». Для поиска информации о супружеском насилии использовались социальные сети, микроблоги, интернет-СМИ, форумы, видео, блоги, тематические порталы, мессенджеры.

2. Методы предобработки данных, которые включали в себя удаление дубликатов, индексирование, определение языка, тематики и тональности текста.

3. Методы разметки сообщений, в частности краудсорсинговую разметку по ранее подготовленной инструкции. В роли аннотаторов выступили эксперты, являющиеся специалистами в области социальной и юридической работы с жертвами супружеского насилия, а также волонтеры. Релевантным считалось мнение эксперта, поддержанное большинством волонтеров.

4. Статистические методы: 1) методы частотного анализа для описания линейного распределения данных по каждому вопросу; 2) метод кросс-табуляции (построение таблиц сопряженности), необходимый для описания «перекрестных» распределений данных по нескольким вопросам; 3) методы выявления статистически значимых связей между переменными (критерий хи-квадрат Пирсона).

Анализ количественной информации был произведен в программах SPSS for Windows и Microsoft Office Excel.

Работа по сбору данных о ситуациях супружеского насилия осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе сообщения пользователей Сети о супружеском насилии собирались с помощью облачного сервиса автоматизированного мониторинга социальных медиа «Крибрум» (<https://www.kribrum.ru/>). Система аккумулирует упоминания объекта из русскоязычных ресурсов Интернета. В период с 5 октября по 19 ноября 2022 г. было собрано 10 тыс. сообщений.

Поисковые запросы в «Крибрум» строились с учетом классификации видов супружеского насилия (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое) и типа агрессора (мужчина или женщина как интимный партнер).

Поиск сообщений осуществлялся с использованием ключевых слов и подбором максимально возможного количества их синонимов. Так за основу идентификации физического насилия были выбраны ключевые слова *бить* и *драться* и 53 синонимичные словоформы, например: *хватать*, *душить*, *избивать*, *замахнуться*, *толкать*, *истязать*, *колотить*, *пороть*, *лупить*, *пинать*.

Для получения релевантного корпуса сообщений, в том числе для идентификации партнера, указывались ключевые слова с синонимами словоформ, после чего формировался поисковый запрос. Например, для определения типа насильника: *сожитель*, *муженек*, *благоверный*, *супруг*, *хахаль*, *ненаглядный*, *мой парень*,

сожительница, женоушка, благоверная, супруга, невеста, ненаглядная, моя девушка. При составлении поискового запроса, описании процесса подготовки данных мы опирались на исследование Е. В. Митягиной, М. Н. Бородатой, Е. В. Волченковой, Н. Н. Ершовой, М. И. Лучининой и Е. В. Котельникова [Mitiagina et al., 2020].

На втором этапе была собрана информация о релевантных и нерелевантных сообщениях. Анализ нерелевантных сообщений позволил выделить характеристики, согласно которым сообщение признавалось не соответствующим теме супружеского насилия: 1) содержание; 2) место происхождения; 3) упоминание в анекдотах, шутках и гороскопах; 4) цитирование произведений художественной литературы, аннотации и отзывы о фильмах; 5) ограниченность/неточность информации. Так, например, по параметру «содержание» к нерелевантным относились сообщения, которые включают маркеры насилия (*бьет, пытается, унижает* и т. д.), но упоминающиеся в ином контексте или в переносном смысле, а также сообщения о насилии в отношении детей или посторонних лиц: «...молодой человек вышел из машины и сразу же ударил мужа в лицо. От неожиданного удара супруг упал, а вместе с ним и маленькая дочка, которая была у него на плечах...» Полное описание оценки релевантности полученных данных было также представлено ранее в исследовании Е. В. Митягиной, М. Н. Бородатой, Е. В. Волченковой, Н. Н. Ершовой, М. И. Лучининой и Е. В. Котельникова [ibid.].

Указанные характеристики нерелевантности, за исключением языка сообщения, как правило, не могут учитываться при автоматическом сборе, что подтверждает сложность изучения темы супружеского насилия и необходимость организации ручного информационного поиска.

На третьем этапе исследования обработка найденных сообщений производилась в настольной версии (desktop version) Microsoft Excel. Программа позволяет осуществлять предварительную подготовку текстов (удаление дубликатов и длинных сообщений). В целом по ключевым словам, соответствующим исследуемой тематике, таким как *поддержка жертв насилия, насилие в семье, помощь жертвам насилия*, удалось найти и отдельные сообщения пользователей, и ряд онлайн-сообществ поддержки жертв супружеского насилия.

На четвертом этапе из 10 тыс. проанализированных сообщений были отобраны 4 тыс. релевантных и размечены вручную по дополнительным категориям. Нами был получен развернутый перечень параметров анализа, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии:

- тип насильника или агрессора (мужчина, женщина);
- тип повествования (от первого или от третьего лица);
- вид насилия (физическое, сексуальное, психологическое, экономическое);
- тип насилия (систематическое насилие и контроль, сопротивление и обмана, ситуационное насилие, провокационное насилие, разрыв отношений);
- тональность сообщения (позитивная, негативная, противоречивая, нейтральная);
- позиция автора (осуждение насилия, оправдание насилия, поддержка жертвы, нейтральное отношение, противоречивое отношение);

— вид поддержки в комментариях при ее наличии (информационная, эмоциональная);

— тип активности жертвы («действие», «бездействие»).

Размеченные сообщения и комментарии были проанализированы, структурированы и статистически обработаны, что позволило представить обобщенные характеристики супружеского насилия в отношении женщин.

Результаты исследования

Анализ результатов разметки сообщений и комментариев к ним позволяет сделать вывод о том, что в 88,5 % сообщений насильником выступает мужчина: «Избил муж-алкаш...»; «Сожитель ударил табуреткой»; «...если что-то его не устраивает: ужин невкусный или дети шумят, — сразу жди кулаков». В 11,5 % сообщений насилие осуществляет жена или сожительница в отношении мужчины. Приведем примеры сообщений, полученные в ходе поиска: «Ну вообще Женька Дэпов развелся недавно с женой, которая избивала его...»; «Жена меня уже который раз сковородкой огрела...» Как показал анализ сообщений, женщина выступает в роли агрессора в ответ на насилие или в целях самообороны: «...в ходе драки между супругами жена схватила нож и нанесла несколько ударов»; «...не было больше сил терпеть, я и ударила его ножом». Когда оба партнера постоянно провоцируют друг друга и учиняют драки и ссоры, имеет место взаимное насилие. За основу дальнейшего анализа были взяты сообщения и комментарии к ним, отражающие супружеское насилие в отношении женщин.

Большая часть сообщений (90,9 %) написаны от третьего лица. В них автор передает чью-то историю или чье-то мнение, используя местоимения *он, она, они* и др. Данный факт свидетельствует о том, что люди не готовы открыто говорить о себе в ситуации насилия. Проще рассказать чужую историю, случай о ком-то: «Мать троих детей пожаловалась на мужа в полицию. Мужчина во время семейного скандала избил супругу...»; «У моей подруги такая история — сначала муж на руках носил, а сейчас жирной обзывает, да еще и руку поднимает»; «В ходе ссоры ударил кочергой и закопал».

Количество сообщений от первого лица составляет лишь 9,1 %. В них автор рассказывает свою историю, выраженную в форме факта, и использует местоимения *я, мы, мой, моя* и т. д. Например: «Мой муж меня ударил, с головы не выходит этот момент, я подавлена. 3 года в браке...»; «Не знаю, что делать, — посоветуйте, бьет меня и ребенка, и уйти некуда...»

Результаты анализа представленности видов супружеского насилия в отношении женщин показали, что в одном сообщении речь может идти о нескольких видах насилия одновременно, самым распространенным среди которых является физическое (91,5 %) (рис. 1). Возможно, данный факт в первую очередь связан с тяжелыми и физиологически ощутимыми последствиями этого вида насилия. В сообщениях описаны ситуации применения силы для причинения боли, травм или физических страданий жертве (пощечины, избивание, нанесение удара кулаком или ногой, толкание, перетаскивание, порка и др.): «Это так, к сожалению,

мою соседку муж избивал постоянно, я по ее просьбе вызвала полицию, мне сказали: “Ну не убил же...”»

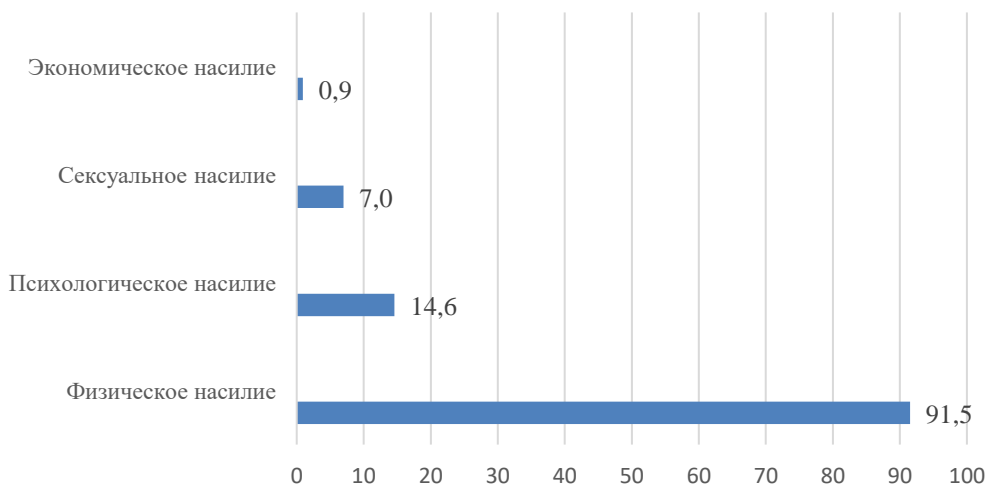

Рис. 1. Представленность видов насилия в сообщениях, %

Количество сообщений, в которых говорится о таком виде насилия, как психологическое, составляет лишь 14,6 %. Однако невысокая частота подобных случаев объясняется тем, что данный вид насилия сложно идентифицировать: брань, ругательства и замечания не всегда воспринимаются как насилие. Такое воздействие на жертву не оставляет синяков на теле, хотя впоследствии, особенно в ситуации систематического применения, может причинить сильную душевную боль. Психологическое насилие очень разнообразно в своих проявлениях, оно включает словесные оскорбления, игнорирование, взгляд без комментариев, принижение значимости, обесценивание достижений партнера, критику, шантаж, исчезновение с целью наказания, манипулирование, вызывание чувства вины и др.: «...он... поехал... к какому-то обрыву и начал мне оттуда строчить СМС: “Я покончу жизнь самоубийством...” Я была в панике. Начала ему звонить, а он не брал трубку...»; «...обзывает меня постоянно, насмехается, да еще при друзьях и в компании».

Количество сообщений о применении сексуальной формы насилия составляет 7 %. В сообщениях присутствует описание принуждения супруги к половой жизни, часто под видом требования исполнять супружеский долг, принуждения к тому, что она считает унижительным или оскорбительным, причинения ей вреда во время полового акта или принуждения заниматься сексом без защиты. Например: «...житель Петербурга изнасиловал жену на глазах у детей...»

Сообщения, в которых речь идет об экономическом насилии, представлены в меньшей степени, их доля составляет 0,9 %. Они содержат описание единовластного контроля над финансовыми и прочими ресурсами семьи (выделение жертве денег на содержание или только на определенные товары, запрет на получение образования и/или трудоустройство, намеренная растрата финансовых средств семьи или отказ от трудовой занятости с целью создания напряженной

обстановки): «Муж контролирует все покупки и требует отчета, своих денег у меня просто нет».

Приведем результаты анализа представленности в текстах типов насилия (рис. 2). Сообщения о систематическом насилии (постоянно повторяющемся во времени) и контроле занимают 70,4 % случаев. Например: «Родственники погибшей заверяют, что сельчанин долгие годы жестоко избивал супругу...»; «...сожитель 12 лет унижает меня разными способами»; «Каждый божий день муж издевается надо мной».

Рис. 2. Представленность типов насилия в сообщениях, %

24,5 % составляют сообщения о ситуационном насилии — типе насилия, проистекающего из определенных ситуаций, споров и конфликтов между партнерами, которые затем перерастают в физическое насилие. В отличие от систематического насилия у данного насилия нет хронического паттерна, оно не сопровождается контролирующим, запугивающим и преследующим поведением. Наиболее часто ситуационное насилие происходит во время алкогольного опьянения агрессора, из-за неприятностей на работе, ревности, по причине эмоционального всплеска: «Сибиряк в состоянии алкогольного опьянения жестоко избил свою беременную жену...»; «Мужа уволили с работы, дак он накинулся на меня с обвинениями, что я во всем виновата, в итоге еще и ударил...»; «Костромич из ревности сломал нос и скулы своей жене...»

Доля сообщений, в которых представлены такие типы насилия, как сопротивление и оборона, составляет 4,8 %. Они применяются жертвой, чтобы противостоять насилию со стороны партнера: «Муж, 1991 года рождения, принялся кулаками воспитывать супругу, конфликт происходил на кухне частного дома, и в

руках у женщины оказался нож. В результате мужчина получил проникающее ножевое ранение в грудь и скончался еще до госпитализации...»

Незначительную долю (0,3 %) составляют сообщения о провокационном насилии, при котором жертва специально провоцирует партнера на физическое насилие, чтобы потом давить на чувство вины и выдвигать какие-то бытовые требования: *«Сегодня жена начала на меня орать, что я не приношу денег в семью, часто гуляю с друзьями, пью, еще и замахнулась на меня, пришлось дать ей по морде, чтобы пришла в себя...»*

Сообщений о насилии, вызванном разрывом отношений, выявлено не было.

Результаты исследования показали, что 56,9 % сообщений отражают факт применения супружеского насилия. Примерами могут служить следующие сообщения: *«Женщину избил муж. Она в синяках пошла в храм к священнику с вопросом — что делать...»*; *«...мне ваша история сегодня не понравилась. При чем здесь национальность. Меня русский муж так дупил, что у нерусских женщин волосы дыбом бы встали...»*; *«В Нижегородской области мужчина нанес телесные повреждения сожительнице, в результате чего она скончалась. По факту возбуждено уголовное дело...»* Как видно из примеров, в сообщениях о фактах супружеского насилия представлена информация, содержание которой не позволяет выявить отношение автора к проблеме, в отличие от сообщений-комментариев.

В 43,1 % сообщений отражены комментарии к постам о супружеском насилии. Например: *«Сосед, как выпьет, так дупит свою жену, а потом мирятся, вот и вмешивайся тут...»*; *«...такие страшные вещи пишете — неужели так можно жить?»*; *«Если недомужчина избивает и насилует свою жену, то она *** тряпка...»* Комментарии носят разный характер, в большей части комментариев выражено отношение к ситуации насилия: *«...если вы пишете, что вас постоянно избивает пьяный муж, то, может, уже пора посадить его?»*; *«...забирайте ребенка и бегите от него»*; *«...не надо здесь жаловаться»* и др. Сообщения-комментарии можно условно разделить на комментарии-советы и комментарии — оценку ситуации, комментарии — размышления о проблеме.

Следующим параметром анализа стала тональность сообщений, которая измеряется по шкале, имеющей четыре значения: 1) позитивная, 2) негативная, 3) противоречивая и 4) нейтральная. Важными маркерами тональности являются оценочные слова и выражения, такие как *прекрасно, ужасно, любовь, ненависть* и т. п. Количество сообщений с негативной тональностью составляет 95,2 %, с нейтральной — 4,5 %, с противоречивой — 0,3 %. Сообщений с позитивной тональностью выявлено не было.

Анализ сообщений осуществлялся также на основе оценки точки зрения автора на конкретную ситуацию, описанную в сообщении, или в целом на проблему супружеского насилия. Позиция может заключаться в осуждении насилия, его оправдании, поддержке жертвы, а также может быть нейтральной или противоречивой. Нейтральная позиция автора в тексте либо не выражена явно, либо имеется четкое указание на индифферентность. Количество сообщений, в которых отражена данная точка зрения, составляет 45,6 %: *«В отношении отца возбуждено уголовное дело по трем статьям, а детей передали родной матери. Как выяснилось, мужчина издевался не только над супругой...»*; *«Такая вот у нас жизнь — одних бьют, а они и терпят...»*

Осуждающая позиция выражается в высказываниях автора против насилия и действий агрессора. Количество таких сообщений составляет 35,6 %. Например: *«То есть бабу бить мужику — это норма? Так мужик ли ты после этого?»*

Поддержка жертвы проявляется в том, что автор сообщений дает совет, делится информацией, выражает эмоциональное сопереживание или поднимает ее самооценку. Количество данных сообщений в общем массиве очень мало и составляет 10,5 %: *«Поэтому перво-наперво осознай истину: для того чтобы с кем-то строить отношения и кого-то любить, надо ЛЮБИТЬ СЕБЯ. Возьми себе смелость сказать, что ты оступилась в выборе с человеком, что ты не ценила себя...»*

Оправдание насилия определялось по маркерам защиты агрессора, обоснования и объяснения насилия. Количество сообщений, в которых отражена данная точка зрения, составляет 7,1 %: *«Если пятый, шестой, десятый муж бьет по хारे, то виновата хара...»*; *«Но ведь бьет — значит любит, подумайте, стоит ли уходить...»*; *«Девочки, вы сами виноваты, находите себе мужей непонятно где».*

Противоречивая позиция отражена в сообщениях, в которых автор приводит соображения как в пользу насилия, так и против него, не склоняясь ни к одной позиции. Количество сообщений с представленной точкой зрения составляет 1,2 %: *«Вообще этой дуре не верю. Муж бабки зарабатывает, а она устала. ...Мать мужа с детьми помогает, займись чем-нибудь. Не верю, что муж ее бил...»*

Нами были выделены и проанализированы сообщения и комментарии к ним, в которых выражены два вида поддержки: эмоциональная и информационная. Эмоциональная (моральная) поддержка проявляется в тех сообщениях, в которых автор разделяет проблему, выражает сочувствие, жалость, формирует чувство общности, ободряет, вселяет уверенность. Количество таких сообщений составляет всего 9,7 %: *«Вот и Юлю это же ждет. Беги, пока не поздно, от Ромашова — это не шутки, это диагноз: он садист...»*; *«...по себе все знаю, сама в этом аду жила, но сил хватило развестись...»*

Информационная поддержка проявляется в тех случаях, когда делятся знанием (информация о пунктах помощи, контактах, мерах по облегчению жизни и др.) и опытом (советы о том, как поступить и решить проблему): *«Ударил муж. Пошла в больницу, зафиксировала побои, подала заявление в полицию, в чем проблема...»* Следует отметить, что сообщений с информационной поддержкой практически нет (1,9 %) или они ограничены советами обратиться в правоохранительные органы. Это может свидетельствовать о том, что авторы постов и комментариев либо слабо информированы о пунктах помощи, либо таких пунктов нет в местах их проживания.

Сообщения также можно условно разделить по двум типам активности жертвы: «действие» и «бездействие». Позиция действия проявляется в поведении субъекта, которое приводит к изменению ситуации и уходу от насилия: *«Муж ее и колошиматил, и гнобил, в открытую гулял, приводил баб домой в ее присутствии и грозил свернуть шею, если на развод подаст. Она втихаря нашла работу за границей, подала на развод и уехала...»*; *«Моя мать сбежала от первого мужа, который пил и бил»*; *«Я ушла от мужа, потому что он меня избил».* Таких сообщений очень мало — 0,95 % от общего количества.

Позиция бездействия жертвы выражена в 9,5 % сообщений, в которых транслируется субъективно тупиковая ситуация или ситуация порочного круга, когда женщина не способна кардинально изменить происходящее и продолжает жить с агрессором. Жертва испытывает дефицит средств и возможностей для установления и поддержания бесконфликтной ситуации в семье: *«Муж бьет жену, а она читает дневник и думает: “Он же меня раньше любил”. И не уходит»; «...лучше будет бить, чем наоборот, и я останусь одна»; «...идти мне было некуда...»* Наиболее частые причины, которые объясняют данную позицию, следующие: экономическая зависимость от мужа, невозможность или нежелание работать, отсутствие престижной профессии или образования, привязанность, страх перед снижением своего социального статуса, невозможность найти жилье, культурно-исторические корни (домострой), устойчивые представления о том, что детям нужен отец, даже если он тиран, или что женщина должна быть гибкой и уметь приспосабливаться к любому мужу, а если не смогла, то сама виновата. Женщинам мешают уйти из семьи еще и иллюзорные представления о том, что насилие никогда больше не повторится, вера временным обещаниям мужа. Данные причины предопределяют бездействие женщины, которая принимает решение терпеть насилие: *«Женщину муж бьет, она терпит, должна терпеть. Бог терпел и нам велел...»*

Таким образом, женщины, сталкивающиеся с супружеским насилием в семье, сами не могут разобраться в трудностях. Чаще всего они становятся молчаливыми жертвами обстоятельств, живущими наедине со своей болью. Они не знают, как себя вести после применения насилия по отношению к ним, как жить дальше.

Выводы

Анализ 10 тыс. сообщений из открытых источников сети Интернет позволил нам предложить развернутый перечень параметров, которые можно извлечь из сообщений пользователей о проблеме супружеского насилия в отношении женщин: 1) тип агрессора, 2) тип повествования, 3) вид насилия, 4) тип насилия, 5) тональность сообщения, 6) позиция автора, 7) вид поддержки в комментариях, 8) тип активности жертвы. Представим основные характеристики супружеского насилия в отношении женщин по выделенным параметрам.

1. В 88,5 % сообщений насильником выступает мужчина. Женщины тоже проявляют агрессию по отношению к мужчинам (11,5 %), но чаще всего в ситуации сопротивления и обороны.

2. Проблема насилия носит латентный характер. Большинство сообщений написаны от третьего лица (90,9 %). Это свидетельствует о том, что жертвы не готовы говорить о фактах супружеского насилия даже в интернет-сообществах, где они могут это сделать анонимно.

3. Физическое насилие в отношении женщины совершается чаще (91,5 % сообщений), чем другие виды насилия, и является систематически повторяющимся поведением (70,4 %). Ситуационное насилие (24,5 %) возникает как следствие состояния опьянения или крайнего эмоционального раздражения

мужчины в определенной жизненной ситуации (ревность, неприятности на работе и др.).

4. Сообщения, излагающие факты супружеского насилия (56,9 %), преобладают над комментариями (43,1 %), среди которых можно выделить комментарии-советы, комментарии — оценку ситуации и комментарии — размышления о проблеме.

5. Отношение к супружескому насилию выражается через тональность сообщения. Количество сообщений с негативной тональностью составляет 95,2 %, с нейтральной — 4,5 %, с противоречивой — 0,3 %. Сообщений с позитивной тональностью выявлено не было.

6. Следует отметить, что в отношении авторов к супружескому насилию преобладает индифферентная позиция (45,6 %). Доля сообщений, оправдывающих насилие, составляет 7,1 %. В общей сумме обе позиции отражены в более 50 % сообщений. Это свидетельствует о том, что авторы далеко не всегда проявляют сочувствие жертве и в ряде случаев даже оправдывают насилие.

7. Авторы сообщений, позиция которых связана с осуждением насилия (35,6 %), готовы оказать жертве поддержку, чаще эмоционального характера (9,7 %), реже информационного (1,9 %). Советы обратиться за помощью связаны только с привлечением правоохранительных органов и лишь в той ситуации, когда существует угроза жизни и имеются подтверждающие насилие признаки. Отсутствие информационной поддержки свидетельствует о недостаточном информировании о субъектах помощи жертвам насилия или их отсутствии.

8. Женщина — жертва супружеского насилия чаще проявляет бездействие (9,5 %), испытывая дефицит возможностей справиться со сложившейся кризисной ситуацией, и реже активно разрешает проблему (0,95 %): находит работу, уходит от агрессора, разводится.

Полученные результаты подтверждают актуальность данного исследования и объясняют стремление жертв насилия искать помощи в онлайн-пространстве. Поскольку раскрытие информации о случаях супружеского насилия и обращение за помощью к соответствующим службам является для жертв затруднительным процессом, дальнейшие исследования заявленной проблемы должны быть расширены поиском инструментов, позволяющих выявить проблемы, с которыми сталкивается женщина — жертва насилия, разработкой и апробированием пошаговых инструкций, размещенных на различных интернет-ресурсах и содержащих разъяснения о том, как и куда можно обратиться для защиты себя и своих близких.

Список источников

- Казун А. П.* Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // *Женщина в российском обществе.* 2022. № 1. С. 72—86.
- Калабихина И. Е.* Последствия пандемии COVID-19 в гендерном ракурсе // *Женщина в российском обществе.* 2022. № 3. С. 60—76.
- Лысова А. В.* Физическое насилие над женами в российских семьях // *Социологические исследования.* 2008. № 9. С. 121—128.
- Пахомова Я. А.* Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии COVID-19 // *Вопросы российской юстиции.* 2021. № 12. С. 373—384.

- Пашина А. Х. Взаимосвязь различных видов насилия в отношении женщин и особенностей их эмоциональной сферы // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 6. С. 98—105.
- Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 78—88.
- Садыхов Р. М., Большакова Н. Л. Насилие в семье в новых российских реалиях: сущность, виды и причины // Вестник университета. 2022. № 8. С. 171—178.
- Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Русский закон. 2018. № 9. С. 129—138.
- Таусинова О. К. Клинико-психологические особенности состояния женщин, переживших домашнее насилие // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2018. № 3. С. 183—194.
- Улыбина Е. В., Аббасова С. Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 3. С. 51—69.
- Шипунова Т. В. Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2016. Т. 22, № 3. С. 142—158.
- Agüero J. COVID-19 and the rise of intimate partner violence // World Development. 2021. Vol. 137. P. 1—7.
- Ali P., Rogers M., Heward-Belle S. COVID-19 and domestic violence: impact on mental health // Journal of Criminal Psychology. 2021. Vol. 11, № 3. P. 188—202.
- Allen E., Bradley M. S. Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men // Victims & Offenders. 2017. Vol. 13, iss. 3. P. 373—389.
- Berniell I., Facchini G. COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries // European Economic Review. 2021. Vol. 136, № 4. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35721306/> (дата обращения: 01.08.2023).
- Cho H., Kwon I., Shamrova D., Seon J. Factors for formal help-seeking among female survivors of intimate partner violence // Journal of Family Violence. 2021. Vol. 36, iss. 2. P. 143—152.
- Every-Palmer S., Jenkins M., Gendall P., Hoek J., Beaglehole B., Bell C., Williman J. Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study // PLoS One. 2020. Vol. 15, iss. 11. P. 1—19.
- Hsu L.-C., Henke A. COVID-19, staying at home, and domestic violence // Review of Economics of the Household. 2021. Vol. 19, № 1. P. 145—155.
- Katole A., Saoji A., Kumar M. Spousal violence among reproductive age group women — a community-based cross-sectional study // Indian Journal of Community Medicine. 2023. Vol. 48, iss. 1. P. 65—69.
- Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsofia M., Sergentanis T. N., Tsitsika A. Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review // Trauma, Violence, and Abuse. 2021. Vol. 24, iss. 2. P. 719—745.
- Krishnakumar A., Verma S. Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach // Asian Journal of Criminology. 2021. Vol. 16, № 1. P. 1—17.
- Larsen L. W., Aye W. T., Bjertness E. Prevalence of intimate partner violence and association with wealth in Myanmar // Journal of Family Violence. 2021. Vol. 36, iss. 8. P. 417—428.

- Leslie E., Wilson R. Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19 // *Journal of Public Economics*. 2020. Vol. 189. P. 1—7.
- Logan T., Lynch K., Walker R. Exploring control, threats, violence and help-seeking among women held at gunpoint by abusive partners // *Journal of Family Violence*. 2022. Vol. 37, iss. 1. P. 59—73.
- Maji S., Bansod S., Singh T. Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2022. Vol. 32, iss. 3. P. 374—381.
- Mitiagina E., Borodataya M., Volchenkova E., Ershova N., Luchinina M., Kotelnikov E. Russian text corpus of intimate partner violence: annotation through crowdsourcing // *Communications in Computer and Information Science*. 2020. Vol. 1349. P. 306—321.
- Nascimento C. T. J., Oliveira M. N., Vidigal M. T. C., Inocêncio G. S. G., Vieira W. A., Franco A., Ferreira M. C., Paranhos L. R. Domestic violence against women detected and managed in dental practice: a systematic review // *Journal of Family Violence*. 2023. Vol. 38, iss. 1. P. 149—160.
- Peters Ja., Shackelford T. K., Buss D. M. Understanding domestic violence against women: using evolutionary psychology to extend the feminist functional analysis // *Violence and Victims*. 2002. Vol. 17, № 2. P. 255—264.
- Petersson J., Thunberg S. Vulnerability factors among women victimized by intimate partner violence and the presence of children // *Journal of Family Violence*. 2022. Vol. 37, iss. 7. P. 1057—1069.
- Walker J., Ashby J., Gredecki N., Tarpey E. Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 10, iss. 3. P. 170—180.
- Zhang H. The influence of the ongoing COVID-19 pandemic on family violence in China // *Journal of Family Violence*. 2022. Vol. 37, iss. 5. P. 733—743.

References

- Agüero, J. (2021) COVID-19 and the rise of intimate partner violence, *World Development*, vol. 137, pp. 1—7.
- Ali, P., Rogers, M., Heward-Belle, S. (2021) COVID-19 and domestic violence: impact on mental health, *Journal of Criminal Psychology*, vol. 11, no. 3, pp. 188—202.
- Allen, E., Bradley, M. S. (2017) Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men, *Victims & Offenders*, vol. 13, iss. 3, pp. 373—389.
- Berniell, I., Facchini, G. (2021) COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries, *European Economic Review*, vol. 136, no. 4, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35721306/> (accessed 01.08.2023).
- Cho, H., Kwon, I., Shamrova, D., Seon, J. (2021) Factors for formal help-seeking among female survivors of intimate partner violence, *Journal of Family Violence*, vol. 36, iss. 2, pp. 143—152.
- Every-Palmer, S., Jenkins, M., Gendall, P., Hoek, J., Beaglehole, B., Bell, C., Williman, J. (2020) Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study, *PLoS One*, vol. 15, iss. 11, pp. 1—19.
- Hsu, L.-C., Henke, A. (2021) COVID-19, staying at home, and domestic violence, *Review of Economics of the Household*, vol. 19, no. 1, pp. 145—155.

- Kalabikhina, I. E. (2022) Posledstviia pandemii COVID-19 v gendernom rakurse [Consequences of the COVID-19 pandemic from a gender perspective], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—76.
- Katole, A., Saoji, A., Kumar, M. (2023) Spousal violence among reproductive age group women — a community-based cross-sectional study, *Indian Journal of Community Medicine*, vol. 48, iss. 1, pp. 65—69.
- Kazun, A. P. (2022) Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovaniĭ [The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: review of international research], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 72—86.
- Kourti, A., Stavridou, A., Panagouli, E., Psaltopoulou, T., Spiliopoulou, C., Tsolia, M., Sergentanis, T. N., Tsitsika, A. (2023) Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review, *Trauma Violence, and Abuse*, vol. 24, iss. 2, pp. 719—745.
- Krishnakumar, A., Verma, S. (2021) Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach, *Asian Journal of Criminology*, vol. 16, no. 1, pp. 1—17.
- Larsen, L. W., Aye, W. T., Bjertness, E. (2021) Prevalence of intimate partner violence and association with wealth in Myanmar, *Journal of Family Violence*, vol. 36, iss. 8, pp. 417—428.
- Leslie, E., Wilson, R. (2020) Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19, *Journal of Public Economics*, vol. 189, pp. 1—7.
- Logan, T., Lynch, K., Walker, R. (2022) Exploring control, threats, violence and help-seeking among women held at gunpoint by abusive partners, *Journal of Family Violence*, vol. 37, iss. 1, pp. 59—73.
- Lysova, A. V. (2008) Fizicheskoe nasilie nad zhĕnami v rossiiskikh sem'iyakh [Physical violence against women in Russian families], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 121—128.
- Maji, S., Bansod, S., Singh, T. (2022) Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women, *Journal of Community & Applied Social Psychology*, vol. 32, iss. 3, pp. 374—381.
- Mitiagina, E., Borodataya, M., Volchenkova, E., Ershova, N., Luchinina, M., Kotelnikov, E. (2020) Russian text corpus of intimate partner violence: annotation through crowdsourcing, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 1349, pp. 306—321.
- Nascimento, C. T. J., Oliveira, M. N., Vidigal, M. T. C., Inocencio, G. S. G., Vieira, W. A., Franco, A., Ferreira, M. C., Paranhos, L. R. (2023) Domestic violence against women detected and managed in dental practice: a systematic review, *Journal of Family Violence*, vol. 38, iss. 1, pp. 149—160.
- Pakhomova, Ya. A. (2021) Poka vse doma: domashnee nasilie v period pandemii COVID-19 [While everyone is at home: domestic violence during the COVID-19 pandemic], *Voprosy rossiiskoi iustitsii*, no. 12, pp. 373—384.
- Pashina, A. Kh. (2002) Vzaimosviaz' razlichnykh vidov nasiliia v otnoshenii zhenshchin i osobennostei ikh ěmotsional'noi sfery [Correlation of different types of violence toward women and peculiarities of their emotional sphere], *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 23, no. 6, pp. 98—105.
- Peters, Ja., Shackelford, T. K., Buss, D. M. (2002) Understanding domestic violence against women: using evolutionary psychology to extend the feminist functional analysis, *Violence and Victims*, vol. 17, no. 2, pp. 255—264.

- Petersson, J., Thunberg, S. (2022) Vulnerability factors among women victimized by intimate partner violence and the presence of children, *Journal of Family Violence*, vol. 37, iss. 7, pp. 1057—1069.
- Rostovskaya, T. K., Kaliev, T. B., Zavyalova, N. B., Bezverbnyy, V. A. (2018) Profilaktika nasiliia kak faktor bezopasnosti sem'i: rossiiskii i kazakhstanskiĭ opyt [Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 78—88.
- Sadykov, R. M., Bolshakova, N. L. (2022) Nasilie v sem'e v novykh rossiiskikh realiiakh: sushchnost', vidy i prichiny [Family violence in the new Russian realities: essence, types and reasons], *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 171—178.
- Salamova, S. Ya. (2018) Domashnee nasilie v sovremennoi Rossii: obshchaia kharakteristika [Domestic violence in modern Russia: general characteristics], *Russkii zakon*, no. 9, pp. 129—138.
- Shipunova, T. V. (2016) Supruzheskoe nasilie v kontekste viktimizatsii zhenshchin [Spousal violence in the context of women's victimization], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiia i politologiia, vol. 22, no. 3, pp. 142—158.
- Tausinova, O. K. (2018) Kliniko-psikhologicheskie osobennosti sostoianiia zhenshchin, perezvivshikh domashnee nasilie [Clinical and psychological characteristics of women traumatization as consequence of domestic violence], *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva*, no. 3, pp. 183—194.
- Ulybina, E. V., Abbasova, S. E. (2020) Gendernye razlichii v atributsii viny uchastnikam tipichnogo i netipichnogo supruzheskogo nasiliia [Gender differences in attributing of guilt to the participants of typical and atypical marital violence scenarios], *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo*, vol. 11, no. 3, pp. 51—69.
- Walker, J., Ashby, J., Gredecki, N., Tarpey, E. (2018) Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence, *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, vol. 10, iss. 3, pp. 170—180.
- Zhang, H. (2022) The influence of the ongoing COVID-19 pandemic on family violence in China, *Journal of Family Violence*, vol. 37, iss. 5, pp. 733—743.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 26.01.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 26.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Воронина Ольга Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, forol@list.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Митягина Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, проректор по развитию на основе анализа данных, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, usr07868@vyatsu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Work

and Youth Policy, Vice President for Development Based on Data Analysis, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Бородатая Марина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, m.borodatay@gmail.com (Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Волченкова Елена Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, lena_volc@mail.ru (Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Ершова Нина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, ershovacentre@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 108—117.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 108—117.

Научная статья

УДК 396(47+57)“1941-1945”

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.8

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(На материалах газет «Правда» и «Известия», 1941—1945 гг.)

*Евгения Леонидовна Ситникова¹, Наталья Викторовна Чернышева²,
Елена Александровна Шинкаренко³*

¹ Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, evgsitnikova@yandex.ru

² Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

³ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Цель представленной статьи — основываясь на газетных публикациях периода Великой Отечественной войны, дать характеристику освещения женского вопроса в официальном дискурсе Советского государства. Статья построена на контент-анализе публикаций в газетах «Правда» и «Известия», вышедших в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. Исследовательский фокус направлен на статьи, посвященные женщинам тыловых районов СССР. Общий объем выборки составил 307 статей. В результате исследования были выделены и проанализированы сюжеты (факторы), наиболее полно отражающие освещение женского вопроса на страницах рассматриваемых газет. По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что основными компонентами освещения женского вопроса являлись три составляющие: образы женщины-матери, женщины-труженицы и женщины-гражданки. В рамках проводимой информационно-коммуникационной и гендерной политики содержание статей было направлено на закрепление в общественном сознании образа женщины, беззаветно преданной Родине и партии, ее идеалам и ценностям.

Ключевые слова: газеты военных лет, официальный дискурс, Великая Отечественная война, женщина, гендерная политика, пропаганда

Для цитирования: Ситникова Е. Л., Чернышева Н. В., Шинкаренко Е. А. Женский вопрос в официальном дискурсе Советского государства в период Великой Отечественной войны: (на материалах газет «Правда» и «Известия», 1941—1945 гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 108—117.

Original article

**WOMEN'S ISSUE IN THE OFFICIAL DISCOURSE
OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(Based on the materials of the newspapers Pravda and Izvestia,
1941—1945)**

Evgenia L. Sitnikova¹, Natalia V. Chernysheva², Elena A. Shinkarenko³

¹ Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, evgsitnikova@yandex.ru

² Institute of Demographic Research, Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

³ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the content, methods of creation, and features of coverage of women's issues in newspapers during the Great Patriotic War. The source base for the study was articles from the newspapers Pravda and Izvestia, published in the period from 22.06.1941 to 09.05.1945, as well as legal acts, official and statistical documentations. 307 newspaper articles were selected containing information about women in the USSR rear for the specified period. Based on the newspaper publications during the Great Patriotic War, the purpose of the article is to characterize the coverage of the women's issue in the official discourse of the state. It was possible to find out the key plots of the newspaper articles using the methodology developed by the researchers. The authors come to the conclusion that Soviet women took on three main roles during the Great Patriotic War: citizens, workers and mothers. However, these roles were affected by wartime and changed significantly on a temporary or permanent basis. The image of a woman worker was characterized not only by inclusion in the care sector (kindergartens, nurseries and hospitals), but also by the rapid development of "male" professions and the use of female labor in the country's national economy. The image of women as mothers is presented in the context of state protection. The age aspect of motherhood is revealed, the functions of young and elderly mothers are determined. As for the image of women as citizens, in this case the task of protecting the Motherland prevails. Plots of internationalism and plots dedicated to the women of besieged Leningrad are highlighted as additional, as an example of courage, firmness and self-sacrifice. The article concludes that the coverage of the women's issue in the central periodical press of the war years was a reflection of the state's social policy, an instrument for the transmission and formation of the most important values and meanings that made it possible to use the country's human resources in the social and political spheres, in matters of population reproduction, as well as in labor and employment.

Key words: wartime newspapers, official discourse, Great Patriotic War, woman, gender policy, propaganda

For citation: Sitnikova, E. L., Chernysheva, N. V., Shinkarenko, E. A. (2024) Zhenskii vopros v ofitsial'nom diskurse Sovetskogo gosudarstva v period Velikoi Otechestvennoi voiny: (Na materialakh gazet "Pravda" i "Izvestiia", 1941—1945 gg.) [Women's issue in the official discourse of the Soviet state during the Great Patriotic War: (Based on the materials of the newspapers Pravda and Izvestia, 1941—1945)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 108—117.

Введение

Военные конфликты всегда являлись катализатором общественных изменений, приводя в движение социальные организации и институты, оказывали влияние на сложившийся в обществе гендерный порядок. В стране Советов женщина выполняла три основные социальные роли: гражданки, труженицы, матери. Но под воздействием факторов военного времени эти роли трансформировались содержательно на временной или постоянной основе. Для мобилизации социальных функций, присущих каждой из рассматриваемых ролей, Советское государство использовало как нормативно-правовые инструменты (например, указы, постановления и т. п.), так и «нормализующие суждения», призванные регламентировать повседневную жизнь через официальные каналы — средства массовой информации [Здравомыслова, Темкина, 2003: 302]. Война внесла корректировки в существовавший гендерный порядок, что не могло не отразиться в официальном дискурсе государства.

Вместе с тем на сегодняшний день в научных изысканиях отсутствуют комплексные исследования средств массовой информации периода Великой Отечественной войны как базы, на основе которой можно изучать механизмы конструирования социальной реальности, особенности пропаганды существовавшего гендерного порядка, используемые имагологические инструменты, создающие образ советской женщины, сюжетные линии, описывающие тыловую повседневность женщин и т. п.

В связи с этим цель статьи — основываясь на газетных публикациях периода Великой Отечественной войны, дать характеристику освещения женского вопроса в официальном дискурсе государства исходя из выполняемых женщиной социальных ролей, а также исследовать инструменты влияния на общественное сознание, которые использовались в информационно-коммуникационной политике государства. Исследовательский фокус в данной статье направлен на освещение женского вопроса в тыловых районах СССР, так как вопросы, связанные с участием женщин в боевых действиях, их положением на оккупированных территориях, являются отдельными темами исследований, заслуживающими особого внимания.

Рабочей гипотезой исследования выступило предположение о том, что в официальном дискурсе государства в период войны претерпело изменения освещение модели гендерного разделения труда и частично модели семейно-брачных отношений. Именно в этот период наиболее ярко конституировался этакратический гендерный контракт «работающая мать».

В целом проведенное исследование позволяет расширить историко-социологический материал относительно механизмов социального конструирования прошлого и его использование в целях социального влияния на текущие и будущие события.

Степень изученности темы, источники и инструменты исследования

Историографию изучаемой темы можно условно разделить на три исследовательских блока. Первый блок — работы обобщающего характера по истории Великой Отечественной войны. Преимущественно в них рассмотрены вопросы взаимодействия фронта и тыла, использования людских ресурсов, социально-экономические проблемы населения (см., напр.: [Боффа, 1994; Боле, 2004; Воробьева и др., 2020]). Второй блок — исследования, посвященные женщинам и эволюции женского вопроса в СССР (см., напр.: [Мурманцева, 1974; Темкина, Роткирх, 2002; Волкова, 2008; Араловец, 2010; Галимуллина, 2014; Хасбулатова, 2015; Алиева, Филиппова, 2015; Чернышева, 2016; Исупов, 2019; Васеха, Фурсова, 2020; Ситникова и др., 2022; Lapidus, 1978]). Третий блок — исследования, в которых затронуты вопросы изучения периодической печати военных лет (1941—1945 гг.) (см., напр.: [Балуев, 1970; Овсепян, 1996; Ворожбитова, Протуренко, 2009; Жирков, 2016]).

Основным источником исследования выступили материалы периодической печати (газетные статьи). Опираясь на теорию социального конструктивизма [Бергер, Лукман, 1995], исследователи исходят из положения о том, что периодическая печать в конкретных исторических условиях служила базой для понимания механизмов определения общественного пространства, задавая рамки должного поведения.

Газеты военных лет стали одним из важных каналов формирования общественного мнения, призывая население к массовой мобилизации, формируя образ врага, затрагивая тему человека на войне, общественно-политическую, социальную проблематику и пр. [Балуев, 1970; Овсепян, 1996], используя приемы пропагандистского воздействия (обращение к человеку, труженику, применение «родительских» символов, разжигание ненависти к врагу и пр.) [Советская пропаганда... , 2007: 7].

В целом за годы войны из 39 центральных газет выходило только 18 [Жирков, 2016: 331]. Авторы статьи в рамках исследования решили сосредоточиться на двух газетных изданиях («Правда» и «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»), как основных печатных средствах массовой информации военного времени. Проведенный анализ также был дополнен другими видами источников (делопроизводственная и статистическая документация, нормативно-правовые акты).

Компьютерная обработка текстов выполнялась в программе «Лекта». Базовый словарь в газете «Правда» составил 74 019 слов, словарь для изучения выбранной темы — 235 слов. В результате факторного анализа получен 31 фактор. В газете «Известия» базовый словарь составил 72 209 слов, словарь для изучения заявленной проблемы — 251 слово, получено 24 фактора.

Результаты исследования

Важнейшей «женской» темой в анализируемых газетах стала тема труда. Массовая воинская мобилизация мужской части населения поставила перед экономикой страны сложную задачу поиска дополнительных источников трудовых ресурсов. На фоне сокращения численности рабочих и служащих в народном хозяйстве страны [Народное хозяйство СССР... , 1990: 5] происходит ускоренное включение женщин практически по все его сферы. Уже на первом этапе войны доля женщин в общей численности занятых в народном хозяйстве страны превышала 57 % [Боффа, 1994: 123]. Женщины осваивали новые профессии, женщины-домохозяйки — новый вид занятости, пожилые женщины возвращались к трудовой деятельности.

Особенно значительный рост доли работающих женщин был в сельском хозяйстве (с 30 % в 1940 г. до 57 % в 1945 г.) и на транспорте (с 21 % в 1940 г. до 40 % в 1945 г.) [Великая Отечественная война... , 2020: 163]. По отдельным профессиям увеличение доли женщин в численности рабочих и служащих в промышленности превышало 4—5 раз [Воробьева и др., 2020: 265]. В некоторых отраслях народного хозяйства доля женщин была доминирующей еще до войны и оставалась такой же (главным образом здравоохранение и просвещение) [Мурманцева, 1974: 20, 97].

Постепенно овладение мужскими профессиями приобрело массовый характер. Статьи в газетах наглядно демонстрируют агитационную составляющую этого процесса: «Сегодня нам по плечу любая мужская профессия. Нет кочегаров — мы встанем у котлов. Не хватает трактористов — мы поведем тракторы...»¹; «Они и конюхи, и трактористы, и отличные пахари, и бдительные пастухи»².

Тема женщин-тружениц наполняется в статьях характеристикой их труда. В образе труженицы отмечались такие значимые черты, как хозяйственность, экономность, забота, тщательность, самоотдача.

Демонстрация заботы государства о труженицах, роли вождя и партии в этом вопросе, консолидации сил против врага благодаря труду, связи фронта и тыла посредством самоотверженного труда, повсеместного овладения «мужскими» профессиями, акцент на возможности женской самореализации в трудовой деятельности выступали важными агитационными мобилизующими инструментами информационно-коммуникационной политики.

Базовым лейтмотивом рассматриваемой сюжетной линии стало раскрытие значения для страны включения женщин во все сферы народного хозяйства, воспевание роли женщины в труде. Руководство государства, проводя такую идеологическую политику, основывалось не на принципах феминизма, которые активно эксплуатировались пропагандой на заре Советской власти, а на инструментальном желании использовать в полной мере женщин одновременно и как тружениц, и как матерей [Lapidus, 1978: 95—123, 166—172, 232—251].

Следующей в статьях выступает тема, посвященная женщине-матери. Подробно она рассмотрена авторами в более ранней публикации [Ситникова и др., 2022], поэтому обозначим тезисно основные составляющие характеристики этой тематической линии.

¹ Советская женщина — большая сила // Правда. 1942. 3 марта (№ 62). С. 1.

² Казачки-колхозницы // Известия. 1945. 8 марта (№ 149). С. 3.

Тема женщины-матери наиболее активно стала освещаться в анализируемых газетах с 1944 г. Возросший интерес к проблемам матерей связан с принятием и реализацией Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в котором определялся комплекс мер материальной и нематериальной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям и их поддержки [Об увеличении... , 1946: 84—88].

Женщина-мать в статьях представляется прежде всего как объект государственной защиты, т. е. активно транслируется идея патерналистской функции Советского государства («дочери Советской Родины»). В материалах газет ставятся акценты на организацию детских яслей и детских садов, расширение сети родильных домов, женских консультаций, оборудование на предприятиях акушерско-гинекологических кабинетов, улучшение медицинской помощи матери и ребенку.

Одной из центральных тем, посвященных женщине-матери, стала тема многодетного материнства, ценность которого в условиях миллионных потерь возросла в разы. Образу матери, представленному в газетах, присущи такие черты, как заботливость, благодарность, самоотдача, скромность, гордость и т. п. При визуализации образа женщины-матери внимание акцентировалось на глазах, через которые передавался ее внутренний мир, переживания («по влажным глазам ее видно было, как глубоко и радостно взволнована»³; «счастливые, совсем молодые глаза»⁴), а также на руках, через которые подчеркивалась ценность женского труда («маленькие и нежные, с длинными красивыми пальцами, те самые трудовые руки»⁵).

Советское государство посредством газетных публикаций призывало женщин к деторождению и воспитанию детей, демонстрируя с позиций патернализма необходимость, важность и особую ценность этих функций для общества, закрепляя за женщиной все большую ответственность (по сравнению с мужчинами) за воспитание подрастающего поколения.

В годы войны существенно повысилась гражданская, политическая и общественная активность женщин [Чернышева, 2016: 100]. За 1941—1945 гг. значительно возрос удельный вес женщин в составе руководящих кадров сельского хозяйства СССР. В 1944 г. он достиг наивысшего уровня (например, в составе председателей колхозов — 11,9 %, заведующих животноводческими фермами — 50 %) [Волкова, 2008: 188, 194, 204].

В газетных статьях демонстрируется вклад женщин в борьбу с врагом, патриотизм, самоотверженность, работа в госпиталях, помощь бойцам Красной армии, донорство, вклад в восстановление территорий, включенность женщин в общественные организации (например, в профсоюзы, Красный Крест и т. п.): «Советские патриотки с воодушевлением овладевают военными и санитарными знаниями... проходят медицинскую практику в госпиталях...»⁶

³ Счастье матери // Там же. 1944. 11 июля (№ 163). С. 2.

⁴ Матери-героини // Правда. 1944. 2 ноября (№ 263). С. 2.

⁵ Довженко А. Мать // Известия. 1943. 20 февраля (№ 42). С. 3.

⁶ О Международном коммунистическом дне — 8 марта: Постановление ЦК ВКП(б) // Там же. 1942. 7 марта (№ 55). С. 1.

Отдельной сюжетной линией выступает тема интернационализма. В газетах публиковались телеграммы, письма, интервью женщин, являвшихся как отечественными, так и зарубежными государственными и общественными деятельницами.

Образ женщины-гражданки наделен такими чувствами, как любовь к Родине, благодарность государству, партии, вождю за защиту от врага, возможность реализации своих прав и свобод, чувство долга, ненависть к захватчикам.

Заключение

В ходе проведенного исследования были проанализированы основные сюжеты (тематические линии) освещения женского вопроса в тыловых районах СССР и инструменты их преподнесения читателям в газетных публикациях военных лет. В рамках проводимой информационно-коммуникационной политики в целом, а также гендерной политики в частности содержание статей было направлено на закрепление в общественном сознании образа женщины, которой государство дает возможность реализоваться во всех сферах жизни: личной, трудовой, общественной. Именно в годы войны произошло окончательное институциональное закрепление этакратического гендерного контракта «работающая мать».

Список источников

- Алиева Л. В., Филиппова Т. В.* Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны // *Метаморфозы истории*. 2015. № 6. С. 21—47.
- Араловец Н. А.* Браки и семья в РСФСР в послевоенные годы // *Российская история*. 2010. № 4. С. 55—63.
- Балуев Б. П.* Газета «Правда» в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 86 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Боле Е. Н.* Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: на материалах Коми АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Сыктывкар, 2004. 22 с.
- Боффа Дж.* История Советского Союза: в 2 т.: пер. с итал. М.: Междунар. отношения, 1994. Т. 2: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев, 1941—1964 гг. 632 с.
- Васеха М. В., Фурсова Е. Ф.* «Мужское» и «женское»: гендер в фокусе отечественных исторических исследований: (материалы к учебному курсу «Основы культурной антропологии») // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 5. С. 22—33.
- Великая Отечественная война: юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 299 с.
- Волкова Е. Ю.* Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2008. 493 с.
- Воробьева О. Д., Топилин А. В., Максимова А. С.* Население и трудовые ресурсы в период Великой Отечественной войны // *Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты* / отв. ред. С. В. Рязанцев, В. И. Иванов. М.: Экон-Информ, 2020. С. 244—271.

- Ворожбитова А. А., Протуренко В. И.* Советская аргументативная модель в официальном газетном дискурсе периода Великой Отечественной войны // *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты.* 2009. № 14. С. 38—48.
- Галимуллина М. Н.* Женские образы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны // *Вестник Социально-педагогического института.* 2014. № 1. С. 37—40.
- Жирков Г. В.* Журналистика сталинской эпохи, 1928—1950-е годы. М.: Флинта, 2016. 497 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики.* 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—321.
- Исупов В. А.* Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.) // *Демографическое обозрение.* 2019. Т. 6, № 1. С. 32—49.
- Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 291 с.
- Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: статистический сборник. М.: Информ.-изд. центр, 1990. 235 с.
- Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7182#SU6u38UqYleroYh51> (дата обращения: 20.12.2023).
- Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — начало 90-х годов): учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 206 с.
- Ситникова Е. Л., Чернышева Н. В., Шинкаренко Е. А.* Образ женщины-матери в центральной прессе военных лет: анализ основных сюжетов // *Женщина в российском обществе.* 2022. № 4. С. 152—160.
- Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2007. 806 с. (Документы советской истории).
- Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования.* 2002. № 11. С. 169—200.
- Хасбулатова О. А.* Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе.* 2015. № 2. С. 3—10.
- Чернышева Н. В.* Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны: историко-социологический анализ: (на материалах Кировской области) // *Женщина в российском обществе.* 2016. № 3. С. 98—105.
- Lapidus G. W.* Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change. Berkeley: University of California Press, 1978. 381 p.

References

- Alieva, L. V., Filippova, T. V. (2015) Zhenskoe litso voïny: obraz zhenshchiny v plakatnom iskusstve perioda Vtoroi mirovoi voïny [The female face of the war: women images in poster art at the period of World War II], *Metamorfozy istorii*, no. 6, pp. 21—47.
- Aralovets, N. A. (2010) Braki i sem'ia v RSFSR v poslevoennye gody [Marriages and family in the RSFSR in the post-war years], *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, pp. 55—63.

- Baluev, B. P. (1970) *Gazeta "Pravda" v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny* [The newspaper "Pravda" during the Great Patriotic War], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality: Treatise on the sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Boffa, G. (1994) *Istoriia Sovetskogo Soiuza: in 2 vols* [The History of the Soviet Union], vol. 2: Ot Otechestvennoĭ voĭny do polozheniia vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev, 1941—1964 gg., Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Bole, E. N. (2004) *Mobilizatsiia liudskikh resurov na front v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny 1941—1945 gg.: Na materialakh Komi ASSR: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Mobilization of human resources to the front during the Great Patriotic War of 1941—1945: On materials of the Komi ASSR: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Syktyvkar.
- Chernysheva, N. V. (2016) Sotsial'noe polozhenie zhenshchin v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny: istoriko-sotsiologicheskii analiz: (Na materialakh Kirovskoi oblasti) [Social position of women in the Great Patriotic War: historical and sociological analysis: (On materials of Kirov region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 98—105.
- Galimullina, M. N. (2014) Zhenskie obrazy v sovetskoĭ propagande perioda Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny [Female images in Soviet propaganda during the Great Patriotic War], *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta*, no. 1, pp. 37—40.
- Isupov, V. A. (2019) Gendernyi disbalans sel'skogo naseleniia Rossii (RSFSR) v gody Vtoroi mirovoi voĭny (1939—1945 gg.) [Gender imbalance of the rural population of Russia (RSFSR) during the Second World War (1939—1945)], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 1, pp. 32—49.
- Khasbulatova, O. A. (2015) Sotsial'naia politika SSSR v period Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny 1941—1945 gg.: gendernyi aspekt [Soviet social policy during the Great Patriotic War, 1941—1945: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—10.
- Lapidus, G. W. (1978) *Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change*, Berkeley: University of California Press.
- Livshin, A. Ya., Orlov, I. B. (2007) *Sovetskaia propaganda v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny: "Kommunisticheskie ubezhdeniia" i mobilizatsionnye mekhanizmy* [Soviet propaganda during the Great Patriotic War: "Communication of persuasion" and mobilization mechanisms], Moscow: ROSSPĖN.
- Murmantseva, V. S. (1974) *Sovetskie zhenshchiny v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne* [Soviet women in the Great Patriotic War], Moscow: Mysl'.
- Narodnoe khoziaĭstvo SSSR v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne 1941—1945 gg.: Statisticheskii sbornik* (1990) [The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941—1945: Statistical collection], Moscow: Informatsionno-izdatel'skii tsentr.
- Ovsepyan, R. P. (1996) *Istoriia noveishei otechestvennoĭ zhurnalistiki (fevral' 1917 — nachalo 90-kh godov): Uchebnoe posobie* [History of modern domestic journalism (February 1917 — early 90s): Textbook], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sitnikova, E. L., Chernysheva, N. V., Shinkarenko, E. A. (2022) Obraz zhenshchiny-materi v tsentral'noi presse voennykh let: analiz osnovnykh siuzhetov [The image of a mother-woman in the central press of the war years: the analysis of the main stories], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 152—160.
- Temkina, A. A., Rotkirch, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 169—200.
- Vasekha, M. V., Fursova, E. F. (2020) "Muzhskoe" i "zhenskoe": gender v fokuse otechestvennykh istoricheskikh issledovaniĭ: (Materialy k uchebnomu kursu "Osnovy kul'turnoi antropologii") ["Male" and "female": gender in the focus of domestic historical

- research: (Course materials “Fundamentals of cultural anthropology”)], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universitea*, seriia Istoriia, filologii, vol. 19, no. 5, pp. 22—33.
- Velikaia Otechestvennaia voïna: Iubileinyi statisticheskiï sbornik* (2020) [The Great Patriotic War: Anniversary statistical collection], Moscow: Rosstat.
- Volkova, E. Yu. (2008) *Zhenshchiny tylovykh regionov Rossii v period Velikoï Otechestvennoï voïny 1941—1945 gg.: Dis. ... d-ra ist. nauk* [Women of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War of 1941—1945: Diss. (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Vorobyova, O. D., Topilin, A. V., Maksimova, A. S. (2020) *Naselenie i trudovye resursy v period Velikoï Otechestvennoï voïny* [Population and labor resources during the Great Patriotic War], in: Ryazantsev, S. V., Ivanov, V. I (eds), *Velikaia Pobeda sovetskogo naroda: sotsial'no-politicheskie i demograficheskie aspekty*, Moscow: Èkon-Inform, pp. 244—271.
- Vorozhbitova, A. A., Proturenko, V. I. (2009) *Sovetskaia argumentativnaia model' v ofitsial'nom gazetnom diskurse perioda Velikoï Otechestvennoï voïny* [Soviet argumentative model in the official newspaper discourse of the period of the Great Patriotic War], *Lingvitoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, no. 14, pp. 38—48.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) *Gosudarstvennoe konstruirovaniie gendera v sovetskom obshchestve* [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—321.
- Zhirkov, G. V. (2016) *Zhurnalistika stalinskoï èpokhi: 1928—1950-e gody* [Journalism of the Stalin era: 1928—1950s], Moscow: Flinta.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 05.03.2024; approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Ситникова Евгения Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, evgsitnikova@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Чернышева Наталья Викторовна — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, начальник отдела исторической демографии, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, natiche84@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Head of the Historical Demography Department, Institute of Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Шинкаренко Елена Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, elenashinkarenko@fsn.unn.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 118—128.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 118—128.

Научная статья

УДК 396"18"

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.9

**ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ АДВОКАТУРЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВОКРУГ СЛУЧАЯ
Е. Ф. КОЗЬМИНОЙ (1870-е гг.)**

Евгений Адольфович Крестьянников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, krest_e_a@mail.ru

Аннотация. С учреждением Судебных уставов 1864 г. в России появилась адвокатура. Чтобы стать ее работником, требовалось высшее юридическое образование, а значит, перед не имевшими права на такое образование женщинами профессия закрывала двери. Через десять лет была учреждена частная адвокатура, членство в которой не обуславливалось образовательным цензом. В статье на примере казуса Е. Ф. Козьминой показаны попытки россиянок получать в 1870-х гг. свидетельства частных поверенных и осуществлять адвокатскую деятельность. Анализируются дискриминационные акты, которые этому помешали и в последующие десятилетия препятствовали женщинам вступать в ряды адвокатов.

Ключевые слова: судебная реформа, адвокатура, женщины, дискриминация, Е. Ф. Козьмина, поздняя Российская империя

Благодарности: публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Крестьянников Е. А. Из истории женской адвокатуры в Российской империи: вокруг случая Е. Ф. Козьминой (1870-е гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 118—128.

Original article

FROM THE HISTORY OF WOMEN'S ADVOCACY IN THE RUSSIAN EMPIRE: AROUND THE CASE OF E. F. KOZMINA (1870s)

Evgeniy A. Krestyannikov

National Research University "Higher School of Economics" (Moscow),
Moscow, Russian Federation, krest_e_a@mail.ru

Abstract. With the establishment of the Judicial Statutes in 1864, the legal profession appeared in Russia. To become its employee, a higher legal education was required, which meant that the profession closed its doors to women who did not have the right to such an education. Ten years later, private lawyers appeared, and regardless of their level of education, they could join a professional association. Using the example of the case of E. F. Kozmina, the article shows the attempts of Russian women to obtain certificates from private attorneys and carry out legal activities in the 1870s. The article analyzes the discriminatory acts that continued to prevent women from joining the legal profession in subsequent decades.

Key words: Judicial reform, advocacy, women, discrimination, E. F. Kozmina, late Russian Empire

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow).

For citation: Krestyannikov, E. A. (2024) Iz istorii zhenskoĭ advokatury v Rossiĭskoi imperii: vokrug sluchaia E. F. Koz'minoĭ (1870-e gg.) [From the history of women's advocacy in the Russian Empire: around the case of E. F. Kozmina (1870s)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 118—128.

Введение

В 1898 г. известный бельгийский юрист, политик и общественный деятель Л. Франк опубликовал книгу о попытках лиц женского пола разных стран освоить адвокатскую профессию. Его внимания удостоился вопрос о женщинах-поверенных в Российской империи. Повествуя о нем читателям, бельгиец опирался на информацию, которой владел из переписки с выдающимся русским адвокатом В. Д. Спасовичем. Последний письмом в сентябре 1897 г. поведал иностранцу, что в середине 1870-х гг. некая женщина обратилась в российское судебное учреждение с просьбой разрешить ей осуществлять адвокатскую деятельность. Суд оказался в затруднительном положении и доложил о беспрецедентной ситуации министру юстиции, а тот — императору. В конце концов последовал указ, запретивший россиянкам работу адвокатами [Frank, 1898: 118—119].

Изложенная история позволяет угадать в героине Л. Франка Елизавету Федосьевну Козмину, иногда упоминаемую современной историографией в качестве первой российской женщины-адвоката. Но персонально она еще не вызывала интереса исследователей; ее имя возникало преимущественно в контексте развития законодательства относительно запрета россиянкам заниматься адвокатской

практикой [Albisetti, 2000: 834; Тимофеев, 2002: 92; Решетников, 2012: 180—181]. Известна, пожалуй, единственная работа, где в небольшом сюжете рассказывается специально о ней, однако в отрыве от эволюции вопроса о женской адвокатуре в дореволюционной России [Пономарева, Хорошилова, 2019: 200—201].

Между тем имя Е. Ф. Козьминой заслуживает быть в заголовках. Положив начало претензиям россиянок на считавшийся исключительно мужским труд, она олицетворяла собой новый тип женщины, неготовой мириться с подчиненным положением и стремящейся его изменить. Мотивы, побудившие ее пойти в адвокатуру, первые шаги в этой профессии и запрет ею заниматься, реакция властей на приход в юстицию поверенных-женщин и соответствующее законодательство — все, что связано с деятельностью Елизаветы Федосьевны, способно привлечь внимание исследователей и маркировать происходившие вокруг женской эмансипации процессы, дополнив арсеналы гендерной, политической истории, истории профессий, и адвокатуры в частности. В последующие десятилетия еще десятки россиянок захотели стать адвокатами, но тоже не смогли преодолеть препятствия, которые им чинило патриархально и патерналистски устроенное государство. Ведь вопрос носил острый политический характер: женская адвокатура тем или иным образом угрожала власти мужчин, и неудивительно, что при царизме женщинам так и не было дозволено трудиться поверенными [Krest'iannikov, 2023: 644].

Время надежд

Изменения социальных отношений в эпоху Александра II привели к ломке традиционного уклада и неотвратимо ставили вопрос об эмансипации вообще. Начало развиваться зародившееся тогда отечественное женское движение [Юкина, 2007: 52]. Одним из выдающихся актов, даровавших свободы обществу, явились Судебные уставы, учрежденные 20 ноября 1864 г.; их либеральный потенциал способствовал раскрепощению женщин. Почувствовав вкус равноправия, они потянулись в «суд правый, скорый, милостивый и равный для всех», и порой приходилось наблюдать на их стороне перевес количества поступавших к мировым судьям жалоб [Соколовский, 1867: 64].

Равенство в судопроизводстве, однако, не предполагало допуск россиянок в состав судебных деятелей. Им не нашлось места в рядах адвокатуры. Уставы предусмотрели две категории адвокатов — присяжных поверенных (ими руководили советы как органы самоуправления) и помощников присяжных поверенных, но их пол не уточнялся. В этом не было нужды, ведь безусловное требование высшего юридического образования к претендентам на адвокатскую деятельность по умолчанию закрывало женщинам путь в профессию, поскольку таковое образование оставалось для них недоступным. Когда значительно позже появились россиянки с дипломами юристов (первой из них в 1908 г. подала прошение о приеме помощником присяжного поверенного в московский совет присяжных Я. С. Подгурская [Крестьянников, 2023: 69, 71; ЦГАМ]), адвокат П. Н. Малянтович представил доклад с рассуждениями, что дипломированным юристкам адвокатура дозволена [Сорок второй отчет... , 1908: 6—14].

Судебные уставы были продуктом определенного времени. Тогда представить равноправие полов могло только самое пылкое воображение. Намного позже, в ноябре 1909 г., группа депутатов III Государственной думы разработала

законодательное предположение о разрешении лицам женского пола заниматься адвокатской деятельностью. В комментариях к проекту вспоминалось об условиях 1860-х гг. и объяснялось, почему тогдашний законодатель отмолчался относительно россиянок: «Реформаторская решимость составителей Судебных уставов, ввиду тех исторических и общественных условий, в которых складывался в России взгляд на роль женщин как полноправного члена государства, остановилась перед определенным признанием прав женщины в деле судебного представительства интересов сторон» [РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2368, л. 2—3].

Тем не менее законом любому человеку независимо от пола позволялось трижды в год выступать в мировом суде по гражданским делам [Казанцев, 1985: 74], также практика указывала на возможность любому войти ходатаем в учреждения юстиции для защиты чьих-то прав и решения юридических неопределенностей. В прессе встречались сообщения об активности россиянок, очень напоминавшей адвокатскую. Так, в одном из номеров популярной «Всемирной иллюстрации» за 1871 г. рассказывалось о некоей ловкой жительнице Харькова: «В числе адвокатов нашего суда есть и женщины, нигде, впрочем, и ни в чем не отстающие от мужчин. Одна из таковых женщин-адвокатов в нашем городе защищает сама себя. Здание окружного суда ни один день не может быть ни отперто, ни заперто как без ключа, так и без ее присутствия. Богатая женщина, вечно раздающая в рост деньги и не пренебрегающая никакими процентами и сделками, так же как и никакими лицами, с которыми она имеет дела, она постоянно протестует векселя, сама подает их ко взысканию, сама служит себе защитой и, кажется, сама взыскивает. Всегда богато и пестро одетая, с лентами и перьями на голове, подражая индийским воинам племени Монго, она, как рыцарь, гордо выступает на арену защиты и нередко выигрывает дела. Нет тех речей, и слов, и обстоятельств, которые бы не были приводимы ею в свою броненосную защиту»¹.

На входе в адвокатуру

В соответствии с законом от 25 мая 1874 г. в России была введена новая форма организации адвокатуры — частные поверенные. Требование о высшем юридическом образовании на них не распространялось [ПСЗ РИ, т. 49, № 53573]. Россиянки тотчас приступили к освоению адвокатской профессии. Н. П. Павлов-Сильванский сообщал, что они сразу «стали домогаться в судах получения звания частного поверенного, прося о допущении их к установленному законом экзамену, и суды, ввиду молчания закона, не признавали возможным отказать им в их просьбах». Также говорилось о появлении в Санкт-Петербурге кружка женщин, где даже велись практические занятия по подготовке к адвокатской работе [Павлов-Сильванский, 1905: 16—17].

По наблюдению корреспондента «Одесского вестника», среди одесситок имелись заявлявшие о своей готовности поступить в адвокатуру и некоторые стали получать соответствующие свидетельства². Но, вероятно, тогда же приходу россиянок в профессию начали устанавливаться первые преграды: «Женщины, выступавшие на судах, ссылались на то, что в законе нет запрещений для выступлений

¹ Кулик П. Из Харькова // Всемирная иллюстрация. 1871. 24 июля.

² Сычевский С. И. Женщины и адвокатура // Одесский вестник. 1875. 6 апреля.

их; прокурорский надзор ссылался на то, что в законе нет и прямых указаний на дозволение им выступать в судах» [РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 144].

Несколько источников позволяют составить картину прихода в частную адвокатуру Е. Ф. Козьминой. По воспоминаниям ее сына В. Свенцицкого, она, дочь важного сибирского чиновника, пятнадцатилетней в 1864 г. закончила с золотой медалью вятскую гимназию и, несмотря на юный возраст, устроилась в это же учебное заведение преподавать русский язык, проработав на педагогическом поприще около трех лет. Затем отправилась в Казань с надеждой получить высшее медицинское образование в здешнем университете, но курсы, которые предполагали чтение медицинских наук женщинам, просуществовали лишь два года. Оказалось, чтобы стать врачом, нужно было продолжить обучение за границей, однако этого не хотелось, к тому же стал формироваться интерес к адвокатской деятельности³.

Прокурором Казанского окружного суда в ту пору служил ставший вскоре всероссийской знаменитостью А. Ф. Кони, к которому Е. Ф. Козьмина устроилась в канцелярию, где трудом доказывала компетентность в юридических вопросах. Ей Анатолий Федорович посоветовал освоить профессию поверенного, и, по словам жаждавшей покорения новых рубежей женщины, она не на шутку принялась подготавливать себя к адвокатской деятельности [Первый женский календарь... , 1899: 138; Полянский, 1901: 235; ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2141, л. 1].

Для приобретения опыта Е. Ф. Козьмина поступила на службу письмоводителем к мужу своей приятельницы мировому судье Н. Б. Бестужеву. Данная работа, как она рассказывала в письме А. Ф. Кони, хотя приносила «только гроши, но зато практически знакомила с делом», позволяя подковаться и теоретически [ГАРФ, л. 1]. Вдруг, после пяти месяцев беспрепятственной деятельности, выяснилось, что лицам женского пола непозволительно трудиться на таких должностях в мировой юстиции. Был придуман хитроумный «обход закона». Как рассказывал В. Свенцицкий, стол, за которым женщина писала протоколы и резолюции, загородили ширмами, а судья изредка заходил в огороженное пространство за документами. Скоро она развернула самостоятельную практику, ее клиентами становились преимущественно «простой народ, крестьяне, мелкие купцы, рабочие»⁴.

После принятия закона о частной адвокатуре Е. Ф. Козьмина обратилась в Нижегородский окружной суд с прошением допустить к экзамену на получение звания поверенного. В феврале 1875 г., выдержав испытание и внося установленную плату, она получила необходимое свидетельство [Первый женский календарь... , 1899: 138; ГАРФ, л. 1]. В 1899 г. А. Ф. Кони дал интервью, в котором вспоминал о деятельности Елизаветы Федосьевны: «Женщина-адвокат сделалась модным адвокатом, сразу получила большую практику и с успехом вела дела; между прочим, она выиграла очень сложный процесс о наследстве, где ее противниками выступали некоторые известные адвокаты»⁵. По утверждению В. Свенцицкого, однажды в судебном разбирательстве был повержен даже сам великий Ф. Н. Плевако⁶.

³ Свенцицкий В. Забытая // Женское дело. 1911. № 16. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Первая русская женщина-адвокат // Женское дело. 1899. № 9. С. 139.

⁶ Свенцицкий В. Указ. соч. С. 5.

Непреодолимый барьер

Между тем, узнав о появлении женщин в частной адвокатуре, министр юстиции К. И. Пален 30 апреля 1875 г. разослал в судебные учреждения циркуляр, запрещающий выдачу лицам женского пола свидетельств на право хождения по чужим делам⁷. Е. Ф. Козьмина отправилась в Москву, где ею уже ранее было подано прошение в Московскую судебную палату о принятии частным поверенным. Председатель учреждения выразил женщине сочувствие и предложил такой план: палата откажет в выдаче свидетельства, что позволит обжаловать данное постановление в Сенате, который, разумеется, решит дело в ее пользу⁸.

Так и сделали. На отказ палаты Е. Ф. Козьмина, не желая расстаться с надеждой посвятить себя этой профессии, жалея трудов и бессонных ночей, проведенных в занятиях, а также стремясь добиться более легального разрешения вопроса о правах своих и всех женщин, которые бы пожелали честно и добросовестно трудиться на этом поприще (из переписки с А. Ф. Кони), подала 6 сентября 1875 г. жалобу в Сенат. Тот, как и предполагалось, 27 октября отменил определение палаты и предписал допустить женщину к экзамену на звание частного поверенного [Первый женский календарь... ,1899: 138; Флейшиц, 1910: 147; ГАРФ, л. 1 об.].

Но затем события для желавших трудиться адвокатами россиянок развивались по провальному сценарию. После сенатского решения последовал закон от 7 января 1876 г. «О применении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», категорически запретивший женщинам частную адвокатуру и ссылавшийся при этом на п. 5 Высочайшего повеления 14 января 1871 г. [ПСЗ РИ, т. 51, № 55455]. Упомянутый пункт предписывал «воспретить прием женщин, даже и по найму, на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места представляются по назначению от начальства и по выборам» [там же, т. 46, № 49137]. Повеление основывалось на записке шефа Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии П. А. Шувалова от 15 декабря 1870 г. по вопросу о допущении россиянок на работу в учреждения — выдающемся отечественном памятнике дискриминации по признаку пола. Там говорилось о своевременности ограничения сферы применения женского труда на поприще государственной и общественной службы, в ином случае предсказывались разрушение домашнего очага, развал семьи, урон материнству и общее падение нравственности. П. А. Шувалов явно опасался утраты мужчинами господствующего положения, поскольку, по его мнению, замена мужского труда женским могла произойти только в «ущерб мужскому» [РГИА, ф. 1016, оп. 1, д. 211, л. 1—4 об.].

Последствия

Циркуляр К. И. Палена и закон от 7 января 1876 г. сразу подверглись критике. «Судебный вестник», анализируя запрет министра юстиции, приходил к заключению, что он не согласовался с существовавшими законами. К примеру, акт

⁷ Циркуляр министра юстиции председателям судебных палат, окружных судов и съездов мировых судей (30 апреля 1875 г., № 4953) // Судебный вестник. 1875. 14 мая.

⁸ Свенцицкий В. Указ. соч. С. 5.

от 25 мая 1874 г. о частных поверенных узаконивал другое — «дозволение» на ведение чужих дел⁹. Пресса недоумевала по поводу циркуляра и потому, что имелся целый ряд статей в законодательстве, тем или иным образом позволявших лицам любого пола вести чужие дела в судах [Павлов-Сильванский, 1905: 18].

Перечисленные запретительные акты, включая венчавший их закон от 7 января 1876 г., который в Учреждении судебных установлений трансформировался в ст. 406¹⁹, неоднократно вспоминались и анализировались впоследствии при обострениях вопроса о разрешении женщинам адвокатской деятельности. Ставить его заставляла активность россиянок, надевавшихся войти в храмы правосудия адвокатами и даже осуществлявшими это на практике. Так, с конца 1880-х гг. в Сибири, где пока не были введены уставы Александра II, поверенными успешно выступали и приобрели всероссийскую славу две женщины — М. П. Аршаулова и В. Л. Кичеева. В 1893 г. последней Иркутский губернский суд запретил адвокатуру со ссылкой как раз на циркуляр К. И. Палена [Крестьянников, 2020: 39—40].

В 1894—1899 гг. под председательством министра юстиции Н. В. Муравьева работала комиссия, призванная пересмотреть положения Судебных уставов. Вокруг ст. 406¹⁹ развернулась жаркая дискуссия. А. Л. Боровиковский, Н. Н. Мясоедов и В. Д. Спасович высказались за ее исключение, «признавая более справедливым, чтобы вопрос о допущении женщин в частные поверенные разрешался в каждом отдельном случае подлежащими судебными установлениями на основании общих по сему предмету постановлений закона, указаний практики и требований жизни» [Высочайше учрежденная комиссия... , 1900: 174—176].

Акты 1870-х гг. были предметом толкования сторонников и противников женской адвокатуры в начале XX в., когда появились женщины с университетскими дипломами правоведов, а законодательство относительно их возможности войти в присяжную адвокатуру по-прежнему молчало. В 1908 г. московский совет присяжных поверенных на основании доклада П. Н. Малянтовича, доказывавшего неприменимость к дипломированным юристам тех давних постановлений, зачислил помощниками присяжных поверенных Я. С. Подгурскую, М. М. Гиршман и Л. А. Бубнову [Сорок второй отчет... , 1908: 6—14], подобным же образом поступили столичный совет 20 октября 1909 г. относительно Е. А. Флейшиц [Отчет совета... , 1910: 10—13] и одесский совет 20 ноября 1910 г. в случае с А. Г. Ярошевской [Шестой отчет... , 1911: 13—17].

Перечисленные решения органов адвокатского самоуправления отменялись судебными палатами. В Москве палата приняла во внимание, кроме прочего, ст. 406¹⁹, перенесла ее действие на присяжную адвокатуру («...деятельность частных поверенных вполне однородна с деятельностью присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных») [Сорок третий отчет... , 1909: 13]. Столичная палата, отказывая Е. А. Флейшиц и признавая, что «закона, предоставляющего женщинам право поступать в сословие присяжных поверенных, по настоящее время не издано», указывала на «дух» отечественного законодательства и прямо на повеление 14 января 1871 г., ограничившее россиянок в праве на

⁹ Циркуляр министра юстиции председателям судебных палат, окружных судов и съездов мировых судей (30 апреля 1875 г., № 4953).

государственную и общественную службу [Отчет комиссии... , 1911: 10—11]. Закон от 7 января 1876 г. послужил препятствием для А. Г. Ярошевской [РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 153—154].

Аргументы органов судебной власти являлись крайне неубедительными. Отсылая в стародавнюю эпоху, они к тому же элементарно противоречили основополагающим юридическим принципам. Об этом говорили женщины, которым не позволили работать помощниками присяжных поверенных. В частности, Л. А. Бубнова вспоминала о благоприятном для россиянок заключении Сената по поводу Е. Ф. Козьминой как правильном и не допускавшем ограничения в правах, поскольку оно по смыслу предписывало основывать запрет на частную адвокатуру лицам женского пола лишь на точном тексте закона¹⁰. М. М. Гиршман и Е. А. Флейшиц тоже критиковали акты 1870-х гг. и настаивали, что ссылки на них в начале XX в. являются неуместным архаизмом: за прошедшие десятилетия повеление 14 января 1871 г. было отменено самой жизнью для значительной области его применения, ведь женщинам с тех пор уже покорились многие казавшиеся когда-то недоступными профессии [Труды... , 1908: 431; Флейшиц, 1910: 149—151].

Заключение

Эпизод с Е. Ф. Козьминой произошел в условиях ускорявшегося движения социума в сторону пересмотра гендерных ролей, когда начинали колебаться традиционные устои и россиянки присматривались к «мужским» сферам труда. Женщина-адвокат являлась продуктом эмансипации, продемонстрировав это свободным выбором профессии, сознательно смелым и рационально подготовленным приходом в нее, а также стремлением идти до конца в борьбе за свои права. Случай первенствовал в опыте применения женского труда в российской адвокатуре и впервые показал, что лицам женского пола такая карьера по силам.

Вместе с тем фактически деятельность Елизаветы Федосьевны Козьминой поставила крест на намерениях россиянок работать частными поверенными, она стала невольной виновницей отрицательного решения вопроса о возможности женской адвокатуры вообще. Царская Россия не была готова предоставить женщинам равное с мужчинами право нести ответственность в качестве поверенных за защиту прав подданных. Неумение разобраться с подобными проблемами, может быть, и стало одной из причин краха Российской империи.

¹⁰ Бубнова Л. А. Еще несколько слов о женщинах-адвокатах // Русские ведомости. 1909. 26 ноября.

Список источников

- Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. СПб.: Сенат. тип., 1900. Т. 3, ч. 2. Гл. 17: О поверенных по судебным делам.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 564. Оп. 1. Д. 2141.
- Казанцев С. М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72—77.
- Крестьянников Е. А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 38—46.
- Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 68—76.
- Отчет комиссии помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты за 1910 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 280 с.
- Отчет совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвертый год. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. 710 с.
- Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 1—26.
- Первый женский календарь на 1899 г. / под ред. П. Н. Ариян. СПб.: Труд, 1899. 186 с.
- Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М.: Труд, 1901. 499 с.
- Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад, XVIII — начало XX в. М.: Ломоносовъ, 2019. 288 с.
- ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 2.
- РГИА (Российский государственный исторический архив).
- Решетников Г. Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 179—186.
- Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа: (юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57—83.
- Сорок второй отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1907—1908 гг. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1908. 480 с.
- Сорок третий отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1908—1909 гг. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1909. 971 с.
- Тимофеев В. В. Проблемы женской адвокатуры в России в конце XIX — начале XX в. // Марийский юридический вестник. 2002. № 2. С. 91—97.
- Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10—16 декабря 1908 г. СПб.: Тип. Санкт-Петербург. одиночной тюрьмы, 1909. 927 с.
- Флейшиц Е. А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 3. Стб. 143—151.
- ЦГАМ (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф. 1697. Оп. 1. Д. 42. Л. 315 об. — 316, 371 об.
- Шестой отчет совета присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты за 1910 г. Одесса: Тип. «Одесских новостей», 1911. 209 с.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Albisetti J. C. Portia ante portas: women and the legal profession in Europe, ca. 1870—1925 // Journal of Social History. 2000. Vol. 33, № 4. P. 825—857.
- Frank L. La Femme-Avocat: Exposé Historique et Critique de la Question. Paris: V. Giard et E. Brière, 1898. 313 p.
- Krest'iannikov E. A. Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // Cahiers du monde russe. 2023. Vol. 64, № 3—4. P. 619—644.

References

- Albisetti, J. C. (2000) Portia ante portas: women and the legal profession in Europe, ca. 1870—1925, *Journal of Social History*, vol. 33, no. 4, pp. 825—857.
- Fleishits, E. A. (1910) O zhenskoï advokature [About women's advocacy], *Pravo*, no. 3, pp. 143—151.
- Frank, L. (1898) *La Femme-Avocat: Exposé Historique et Critique de la Question*, Paris: V. Giard et E. Brière.
- Iukina, I. I. (2008) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteïia.
- Kazantsev, S. M. (1985) Russkaia advokatura i zhenshchiny [Russian advocacy and women], *Pravovedenie*, no. 6, pp. 72—77.
- Krest'iannikov, E. A. (2023) Politicheskie signaly zhenskoï advokatury v pozdnei Rossiiskoi imperii [The political context of women's legal practice in the late Russian Empire], *Cahiers du monde russe*, vol. 64, no. 3—4, pp. 619—644.
- Krestyannikov, E. A. (2020) Zhenskaia advokatura v dorevoliutsionnoi Rossii: sibirskii "sled" [Women's advocacy in pre-revolutionary Russia: the Siberian "trace"], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 63, pp. 38—46.
- Krestyannikov, E. A. (2023) Zhenshchiny-iuristy Rossiiskoi imperii nakanune i v usloviakh Pervoï mirovoi voïny [Women lawyers of the Russian Empire on the eve and during the First World War], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 68—76.
- Otchët komissii pomoshchnikov prisiazhnykh poverennykh okruga Sankt-Peterburgskoi sudebnoi palaty za 1910 g.* (1911) [Report of the commission of assistant sworn attorneys of the district of the St. Petersburg Court Chamber for 1910], St. Petersburg: Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov.
- Otchët soveta prisiazhnykh poverennykh pri Sankt-Peterburgskoi sudebnoi palate za sorok chetvërti god* (1910) [Report of the council of sworn attorneys at the St. Petersburg Court Chamber for the forty-fourth year], St. Petersburg: Tipografiia M. A. Aleksandrova.
- Pavlov-Sil'vanskiĭ, N. (1905) O prave zhenshchin byt' advokatami [On the right of women to be lawyers], *Russkoe bogatstvo*, no. 5, pp. 1—26.
- Pervyi zhenskii kalendar' na 1899 g.* (1899) [The first women's calendar for 1899], St. Petersburg: Trud.
- Polianskiĭ, A. (1901) *Russkaia zhenshchina na gosudarstvennoi i obshchestvennoi sluzhbe* [Russian woman in state and public service], Moscow: Trud.
- Ponomareva, V., Khoroshilova, L. (2019) *Mir russkoï zhenshchiny: sem'ia, professiia, domashnii uklad, XVIII — nachalo XX v.* [The world of the Russian woman: family, profession, home life, XVIII — early XX c.], Moscow: Lomonosov.
- Reshetnikov, G. L. (2012) K voprosu o "zhenskoï advokature" v dorevoliutsionnoi Rossii [On the issue of "women's advocacy" in pre-revolutionary Russia], *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 179—186.
- Shestoĭ otchët soveta prisiazhnykh poverennykh okruga Odesskoï sudebnoi palaty za 1910 g.* (1911) [The sixth report of the council of sworn attorneys of the district of the Odessa Court Chamber for 1910], Odessa: Tipografiia "Odesskikh novostei".
- Sokolovskiĭ, N. (1867) *Sovremennyi byt russkoï zhenshchiny i sudebnaia reforma: (Iuridicheskie zametki)* [Modern life of a Russian woman and judicial reform: (Legal notes)], *Zhenskii vestnik*, no. 9, pp. 57—83.
- Sorok vtoroi otchët soveta prisiazhnykh poverennykh okruga Moskovskoi sudebnoi palaty za 1907—1908 g.* (1908) [Forty-second report of the council of sworn attorneys of the district of the Moscow Court Chamber for 1907—1908], Moscow: Tipografiia Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig.

- Sorok tretii otchet soveta prisiazhnykh poverennykh okruga Moskovskoi sudebnoi palaty za 1908—1909 g.* (1909) [Forty-third report of the council of sworn attorneys of the district of the Moscow Court Chamber for 1908—1909], Moscow: Tipografiia Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig.
- Timofeev, V. V. (2002) Problemy zhenskoĭ advokatury v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [Problems of women's advocacy in Russia at the end of the XIX and beginning of the XX c.], *Mariĭskii iuridicheskii vestnik*, no. 2, pp. 91—97.
- Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v Sankt-Peterburge, 10—16 dekabria 1908 g.* (1909) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg, December 10—16, 1908], St. Petersburg: Tipografiia Sankt-Peterburgskoi odinochnoi tiur'my.
- Vysochaĭshe uchrezhdennaia komissiiia dlia peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. Ob'iasnitel'naia zapiska k projektu novoi redaktsii Uchrezhdeniia sudebnykh ustanovlenii* (1900) [The highest commission established to review judicial provisions. Explanatory note to the draft new edition of the Institution of Judicial Decisions], vol. 3, pt. 2, chap. 17: O poverennykh po sudebnym delam, St. Petersburg: Senatskaia tipografiia.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Крестьянников Евгений Адольфович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института региональных исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, krest_e_a@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Russia's Regional History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Moscow, Russian Federation).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 129–132.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 129–132.

Обозрение

УДК 316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.10

О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН В РОССИИ И В МИРЕ: ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕРАВЕНСТВА»

Зоя Александровна Хоткина¹, Софья Михайловна Ребрей²

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения
им. Н. М. Римашевской, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, zoia-alex2012@yandex.ru

² Московский государственный институт международных отношений
(университет), Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируются результаты Всероссийской научной конференции «Возможности женщин в России и в мире: ограничивающие факторы и социально-экономические последствия неравенства» (Москва, 1 марта 2024 г.). Цель конференции — обсуждение проблем женщин в России и мире в контексте равенства возможностей, определение путей обеспечения гендерного равенства в соответствии с Целями устойчивого развития ООН.

Ключевые слова: права и возможности всех женщин и девочек, индекс осевых институтов, агентность женщин и мужчин, измерение неравенства в работе и домашнем труде, цифровизация занятости, возможности женщин в странах Европы

Для цитирования: Хоткина З. А., Ребрей С. М. О Всероссийской научной конференции «Возможности женщин в России и в мире: ограничивающие факторы и социально-экономические последствия неравенства» // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 129—132.

Review

**ABOUT THE ALL-RUSSIAN ACADEMIC CONFERENCE
“WOMEN’S OPPORTUNITIES IN RUSSIA AND IN THE WORLD:
LIMITING FACTORS AND SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES
OF INEQUALITY”**

Zoya A. Khotkina¹, Sofia M. Rebrey²

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population
named after N. M. Rimachevskaya — Branch, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, zoya-alex2012@yandex.ru

² Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The results of the All-Russian academic conference “Women’s Opportunities in Russia and in the World: Limiting Factors and Socio-Economic Consequences of Inequality” (Moscow, March 1, 2024) are analyzed. The purpose of the conference is to discuss women’s problems in Russia and in the world in the context of equality of opportunity and to identify ways to ensure gender equality in accordance with the UN Sustainable Development Goals.

Key words: rights and opportunities of all women and girls, index of core institutions, agency of women and men, measurement of inequality in work and domestic work, digitalization of employment, opportunities for women in European countries

For citation: Khotkina, Z. A., Rebrey, S. M. (2024) O Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Vozmozhnosti zhenshchin v Rossii i v mire: ogranichivaiushchie faktory i sotsial’no-ekonomicheskie posledstviia neravenstva” [About the All-Russian academic conference “Women’s Opportunities in Russia and in the World: Limiting Factors and Socio-Economic Consequences of Inequality”], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 129—132.

1 марта 2024 г. в Московском государственном институте международных отношений состоялась научная конференция «Возможности женщин в России и в мире: ограничивающие факторы и социально-экономические последствия неравенства». Организаторами конференции выступили МГИМО, научный студенческий клуб «МГИМО. Женщины», российский научный журнал «Женщина в российском обществе», научный электронный журнал МГУ «Население и экономика» и научный электронный журнал «Мировое и национальное хозяйство». Конференция объединила ученых и студентов высших учебных заведений.

Новизну конференции определили следующие факторы. Концепция равенства возможностей мужчин и женщин расширяет фокус внимания и инструментарий экономистов и социологов, исследующих феномен гендерного неравенства в России и в мире. Метод измерения равенства возможностей, построенный на основе индекса осевых институтов, который предложила кандидат экономических наук С. М. Ребрей, позволяет провести расчеты уровня агентности женщин и мужчин в разных областях: на рынке труда, в сфере образования и науки, в корпоративном и государственном управлении. Используя данный подход, автор

представила комплексную картину равенства возможностей мужчин и женщин в разных сферах российского общества.

Большой интерес участников конференции вызвал доклад доктора экономических наук М. Е. Баскаковой на тему отраслевой сегрегации как фактора гендерного разрыва в оплате труда в период с 1926 по 2021 г. Были выявлены как резкое снижение сегрегации, до 17,8 %, в годы Великой Отечественной войны, так и последующий рост, до 40 %, в настоящее время. Сделан справедливый вывод, что феминизация отраслей неминуемо приводит к экономическому неравенству в оплате труда женщин и мужчин.

Доклад кандидата экономических наук З. А. Хоткиной назывался «Время и деньги: гендерные асимметрии распределения». В нем исследована взаимосвязь двух видов неравенства мужчин и женщин: в профессиональной деятельности в виде разрыва в заработной плате, а также в семье — в виде неравного участия супругов в неоплачиваемом домашнем труде. На основе большого аналитического материала автор пришла к выводу, что решение проблемы связано с сокращением времени, затрачиваемого женщинами на домашнюю работу, расширением практик ответственного отцовства, повышением эгалитаризма в разделении домашнего труда.

Практикам российских компаний по расширению прав и возможностей женщин был посвящен доклад генерального директора ESG Consulting Е. А. Герус. На обширном практическом материале представлен опыт деятельности крупных компаний («Сибур», группа «Тинькофф», Сбербанк, Газпромбанк и др.) по повышению квалификации женщин, участию в конкурсах профессионального мастерства, реализации программ реинтеграции женщин после выхода из отпуска по уходу за ребенком и других мер, направленных на расширение карьерных возможностей женщин. Трансформация занятости женщин Северного Кавказа рассматривалась в докладе старшего научного сотрудника Дагестанского федерального исследовательского центра РАН А. С. Халиловой. На основе анализа занятости женщин Северного Кавказа ученыя пришла к значимому выводу о том, что нарастание традиционализма в дагестанском обществе и цифровизация различных отраслей в сфере занятости приводят к сокращению уровня занятости женщин.

Большой интерес участниц конференции вызвали доклады, посвященные проблемам и возможностям женщин в ряде зарубежных стран. В докладе А. А. Ивановой, старшего преподавателя МГИМО, были представлены основные этапы расширения прав женщин в Италии. Заслуживают внимания выводы ученой о необходимости создания национального механизма, направленного на расширение возможностей женщин. На примере Италии убедительно показано, что учреждение специальных органов управления, введение гендерных квот («розовых квот» в переводе с итальянского) позволяют расширять возможности женщин в сфере труда.

Доклад М. Д. Туник был посвящен проблемам профессиональной занятости женщин в сфере высшего образования Нидерландов, где в 2022 г. женщины составляли 26,7 % от числа преподавателей в вузах и около 30 % от числа профессоров и доцентов. Научный интерес вызвал доклад кандидата философских наук Д. В. Сидоркевич о правах и возможностях женщин в Испании, где развернуто

протестное движение женщин против судопроизводства, которое не защищает права женщин и девочек, приводит к насильственному разлучению матерей и детей. Внимание участниц конференции привлек доклад магистрантки З. А. Блиновой о положении женщин Нигерии, которые в доколониальный период принимали более активное участие в политической жизни, чем в настоящее время. Э. Э. Имамкулиева, заведующая научно-учебной лабораторией, поделилась результатами исследования прав и возможностей женщин в Объединенных Арабских Эмиратах. При отсутствии закона о равенстве мужчин и женщин в органах власти этой страны достигнуто равноправие полов, что характерно только для пяти стран мира.

Следует отметить, что все доклады, прозвучавшие на конференции, вызвали активный отклик и заинтересованное обсуждение со стороны ученых и студентов. Результаты исследований и материалы конференции определяют ряд новых научных направлений в области достижения равноправия мужчин и женщин в обществе. Полагаем, что такая разнообразная тематическая палитра исследования социального положения, прав и возможностей женщин в различных странах мира вносит существенный вклад в науку о равноправии полов.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 08.04.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Хоткина Зоя Александровна — кандидат экономических наук, доцент, эксперт Программы развития ООН в Российской Федерации по гендерному равенству, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римащевской Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, zoya-alex2012@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Expert of the United Nations Development Program on Gender Equality in the Russian Federation, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimachevskaya — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia-rebrey@gmail.com (PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wins@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шведова Н. А.** ООН и статус женщин в мире: растущая тревога 3

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Багирова А. П., Черешова С. В., Золотницкая Л. В.** Возможности формирования родительских компетенций в системе российского образования 15
- Сигарева Е. П., Сиволясова С. Ю.** Объективные и субъективные факторы демографического потенциала женского населения России 31
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.** Семейная политика в СССР (1936—1955): историко-социологический анализ 43
- Мохаммед Я. А.** Рождаемость, брачный возраст и использование контрацепции в Центральной Азии и Северной Африке: сравнительное исследование 55
- Ермилова А. В.** Завершение профессиональной карьеры в восприятии женщин, интегрированных в спорт высших достижений 75
- Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородатая М. Н., Волченкова Е. В., Ершова Н. Н.** Супружеское насилие в отношении женщин глазами пользователей российского Интернета 89

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ситникова Е. Л., Чернышева Н. В., Шинкаренко Е. А.** Женский вопрос в официальном дискурсе Советского государства в период Великой Отечественной войны (На материалах газет «Правда» и «Известия», 1941—1945 гг.) 108
- Крестьянников Е. А.** Из истории женской адвокатуры в Российской империи: вокруг случая Е. Ф. Козьминой (1870-е гг.) 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Хоткина З. А., Ребрей С. М.** О Всероссийской научной конференции «Возможности женщин в России и в мире: ограничивающие факторы и социально-экономические последствия неравенства» 129
- Информация для авторов* 133

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

- Shvedova N. A.** The UN and the status of women in the world: growing anxiety 3

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Bagirova A. P., Chereshova S. V., Zolotnitskaya L. V.** Possibilities for developing parental competencies in the Russian education system 15
- Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu.** Objective and subjective factors of the demographic potential of the Russian female population 31
- Khasbulatova O. A., Smirnova I. N.** Family policy in the USSR (1936—1955): historical and sociological analysis 43
- Mohammed Y. A.** Fertility, marriage age, and contraceptive use in Central Asia and North Africa: a comparative study 55
- Ermilova A. V.** The end of a professional career in the perception of women involved in elite sport 75
- Voronina O. A., Mitiagina E. V., Borodataya M. N., Volchenkova E. V., Ershova N. N.** Spouse violence against women through the eyes of Russian Internet users 89

HISTORICAL SCIENCES

- Sitnikova E. L., Chernysheva N. V., Shinkarenko E. A.** Women's issue in the official discourse of the Soviet state during the Great Patriotic War (Based on the materials of the newspapers Pravda and Izvestia, 1941—1945) 108
- Krestyannikov E. A.** From the history of women's advocacy in the Russian Empire: around the case of E. F. Kozmina (1870s) 118

SCIENTIFIC LIFE

- Khotkina Z. A., Rebrey S. M.** About the All-Russian academic conference "Women's Opportunities in Russia and in the World: Limiting Factors and Socio-Economic Consequences of Inequality" 129
- Information for the authors* 133

Электронное сетевое

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2024

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *С. Н. Михеев*

Дата размещения на сайте 24.06.2024 г.

Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 10,0. Объем 1,92 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ